

СЕРГЕЙ АНТОНОВ



**ПСИХОПОЛИТИКА
ПУТИНА**

Содержание

<u>Введение</u>	2
<u>Глава 1 Как личность становится политикой</u>	11
<u>Глава 2 Формирование личности</u>	21
<u>Глава 3 Личная жизнь</u>	42
<u>Глава 4 Маленький человек</u>	56
<u>Глава 5 Трус</u>	68
<u>Глава 6 Лжец</u>	82
<u>Глава 7 Проекция: «Нас вынудили»</u>	95
<u>Глава 8 Психосексуальная динамика</u>	108
<u>Глава 9 Фетиши: оружие, ракеты, территории</u>	144
<u>Глава 10 Война</u>	167
<u>Глава 11 Ядерный шантаж</u>	203
<u>Глава 12 Психополитический портрет: полный диагноз</u>	219
<u>Заключение</u>	249
<u>Библиография</u>	252

Введение

24 февраля 2022 года стало критической точкой отсчета в новейшей истории Европы и международной безопасности. В 5:30 утра по московскому времени президент России Владимир Путин объявил о начале так называемой «специальной военной операции» в Украине. Это решение одного человека навсегда и бесповоротно изменило судьбы миллионов людей и нарушило основы существующего мирового порядка.

С тех пор прошло четыре года. За это время война унесла сотни тысяч жизней, покалечив душевно и физически миллионы людей, десятки украинских городов разрушены, огромное количество стали беженцами, поскольку вынуждены были покинуть свои родные дома...

В то же время и в самой России довольно сложная ситуация – около миллиона российских мужчин погибли и получили тяжелые ранения, более миллиона россиян уехало из страны, российская экономика входит в фазу серьезных проблем: кризис охватил практически все отрасли экономики, потеряно большинство международных рынков сбыта, создан беспрецедентный дефицит бюджета, на экономику давят санкции, стремительно падают инвестиции, с катастрофической скоростью растут долги, кризис неплатежей и нависает угроза массовых увольнений. Страна стала изгоем на международной арене.

Все это происходит на фоне все более очевидной реальности: спустя четыре года войны стало ясно, что Россия не может добиться победы военным путем. Фронт стабилизировался, боевые действия приобрели позиционный характер и превратились в затяжную войну на истощение. Даже при колоссальных затратах и огромных потерях российская армия не смогла добиться решающего военного результата и изменить стратегическую ситуацию в свою пользу. Иными словами, сегодня уже очевидно, что война не способна привести Россию к тем целям, ради которых она была начата.

Однако Путин не останавливается.

Почему так происходит и в чем же проблема?

Довольно долгое время политологи избегали обращения к личности и психологии диктаторов как к объяснительной категории. В центре их внимания были государственные институты, элиты, политические и экономические интересы, идеологии, но не конкретная личность с ее травмами, страхами и защитными механизмами. И это вполне объяснимо: политология стремилась к объективности, универсальности и воспроизводимости, а индивидуальная психология отодвигалась на второй план, становясь второстепенной.

Однако в XXI веке стало очевидно: диктаторские режимы не могут быть поняты без анализа психологической структуры их лидеров.

И Владимир Путин – один из самых ярких примеров. Его власть не опирается на идеологию или институциональную логику в привычном смысле. Она выстроена как проекция глубинных личностных комплексов, страхов, обид и вытесненных импульсов.

Ранее действия Владимира Путина почти всегда интерпретировались в рамках традиционной рационалистической логики международной политики. Предполагалось, что российское руководство, как и любые другие государственные акторы, руководствуется прагматическим расчетом выгод и издержек. Именно поэтому полномасштабное вторжение в независимое государство долгое время казалось немислимым.

Россия была глубоко интегрирована в мировую экономику, зависела от экспорта сырья на европейские рынки и от западных технологий и финансовых систем. С этой точки зрения война выглядела экономически саморазрушительным шагом. Даже когда российские войска были сосредоточены у украинской границы, многие эксперты воспринимали это лишь как очередной инструмент давления и дипломатического шантажа.

Считалось, что Путин, как рациональный лидер, не пойдет на действия, которые неизбежно приведут к масштабным санкциям, международной изоляции и долгосрочному экономическому ущербу.

И тут возникает вопрос: почему российский диктатор, который 25 лет строил экономические связи с Европой, другими цивилизованными странами, вдруг разрушает их войной? Почему человек, позиционировавший себя как прагматик, идет на колоссальные риски ради эфемерных целей? Почему власть, которая могла бы легитимироваться экономическими успехами, выбирает путь репрессий и международной изоляции?

Традиционные инструменты политического анализа оказываются беспомощными перед лицом решений, которые кажутся иррациональными с точки зрения государственных интересов.

В этом случае речь не идет о редукционизме. Мы не сводим политику к психологическому анализу одного человека. Напротив, мы расширяем рамки анализа, чтобы понять, почему политические решения становятся иррациональными, почему войны начинаются не из-за геополитических расчетов или соображений государственной безопасности, а из обиды и внутренних комплексов?

В случае с Путиным мы наблюдаем феномен, который можно описать как «государство-продолжение-личности». Структуры власти функционируют по законам индивидуальной психодинамики.

Федеральная служба безопасности становится институционализированной паранойей. Вертикаль власти – воплощением потребности в тотальном контроле. Репрессивная машина – проекцией внутренней агрессии. Государственная идеология – рационализацией личных травм и комплексов.

Когда человек с психологическими травмами получает абсолютную власть, начинается процесс проекции. Его внутренние конфликты выплескиваются наружу и становятся видимы, что в свою очередь

отражается на внешней политике страны. Вытесненные внутренние импульсы преобразуются в репрессивный аппарат. А страх перед унижением превращается в идеологию осажденной крепости, следовательно, становится не только внутренней политикой, но и внешней, а глубоко личное – государственным. Это не означает, что политические решения принимаются в экзистенциальном вакууме. Отнюдь. Экономические интересы элит, геополитические вызовы, социальные противоречия – все это имеет значение.

Но в диктаторских режимах персоналистского типа именно психология лидера становится главным фильтром, через который преломляются внешние факторы. Одни и те же вызовы могут привести к диаметрально противоположным решениям в зависимости от психологической конституции принимающего решения. Так происходит в странах, где во главе находится диктатор. И это в большей или меньшей мере касается всех диктаторов.

И все же в этой книге мы фокусируем внимание на личности Владимира Путина.

Для анализа психологической структуры Путина мы будем опираться на классические и современные исследования психологии власти и авторитаризма.

Немецкий психолог и социолог Теодор Адорно и его соавторы в работе «Авторитарная личность»¹ одними из первых системно исследовали связь между детскими переживаниями и взрослым авторитаризмом. Они показали, что люди, выросшие в атмосфере жесткого контроля и эмоционального пренебрежения, склонны компенсировать это стремлением к власти и доминированию над другими.

Эрих Фромм, немецкий социолог, философ, социальный психолог и психоаналитик, в книге «Бегство от свободы»² объяснил, почему травмированные личности не переносят неопределенности и

¹ Адорно Т., Френкель-Брунsvик Э., Левинсон Д., Сэнфорд Р. Авторитарная личность, 1950.

² Фромм Э. Бегство от свободы, 1941.

демократии. Свобода выбора пугает тех, кто в детстве не получил базового чувства безопасности. Поэтому они предпочитают авторитарный порядок, где все предсказуемо и контролируемо.

Основатель психоанализа Зигмунд Фрейд в работах о массовой психологии³ показал, как личные невроты лидера заражают целые общества: когда у власти оказывается человек с нерешенными психологическими проблемами, эти проблемы становятся проблемами всей нации.

Жак Лакан, французский психоаналитик и психиатр, указывал на огромную роль речи и языка⁴. «Речь, когда есть у нее слушатель, не остается без ответа никогда, даже если в ответ встречает только молчание», – писал он. Его анализ помогает понять, как создается и поддерживается альтернативная реальность, в которой существует авторитарный лидер, – искусственный символический порядок, защищающий психику от столкновения с действительностью.

Американский психолог австро-венгерского происхождения, написавший 27 книг и 273 статьи по психологии развития детей, кризису среднего возраста, фрустрациям и гармонии брачных отношений, а также о природе гомосексуальности, Эдмунд Берглер исследовал психологию людей, которые яростно отрицают в себе то, что не могут принять. Его работы о механизмах вытеснения, накопления обид и саморазрушительного поведения⁵ дают важный инструментальный для понимания внутренней логики Владимира Путина.

Исследователи маскулинности Рэйвин Коннелл и Майкл Киммел показали⁶, что мужчины, неуверенные в своей гендерной роли,

³ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я, 1921.

⁴ Лакан Ж. Экриты, 1966.

⁵ Берглер Э. Гомосексуальность: болезнь или образ жизни?, 1956.

⁶ Коннелл Р. — Маскулинности (1995), Киммел М. Разгневанные белые мужчины (2013).

нередко стремятся компенсировать это агрессией и демонстрацией силы.

Джудит Херман, психиатр из Гарварда, и Кэти Карут, американский историк и культуролог, исследуя природу психической травмы, доказали⁷, что неосознанные и непроработанные переживания детства продолжают определять поведение взрослого человека.

Каждый из этих мыслителей дает ключ к пониманию разных аспектов феномена Путина. Вместе они складываются в методологическую рамку, позволяющую анализировать политическое поведение через призму индивидуальной психодинамики.

Известно, что психологическая травма не исчезает, она неотделима от ее социального и политического контекста, она трансформируется в повторяющиеся сценарии. Следовательно, чтобы понять поступки взрослого человека, нужно окунуться в его детство. И только тогда мы сможем понять и оценить действия человека, ставшего лидером государства.

Мы не ставим медицинский диагноз, для этого необходимо клиническое обследование, которое в данном случае невозможно. Наша цель – реконструировать психологические паттерны на основе наблюдаемого поведения, публичных высказываний, биографических данных и документированных свидетельств.

Мы используем три методологических принципа:

Триангуляция источников. Каждая психоаналитическая гипотеза должна подтверждаться независимыми свидетельствами из различных источников: мемуаров, журналистских расследований, дипломатических каналов. Мы выстраиваем иерархию достоверности: свидетельства близких соратников имеют больший вес, чем

⁷ Херман Дж. Травма и восстановление, 1992.

публичные заявления; совпадение независимых источников повышает надежность вывода; расхождения фиксируются и объясняются.

Итак, анализ поведенческих паттернов. Единичные эпизоды могут быть случайными или ситуативными. Но повторяющиеся модели реакций на критику, на предательство, на неподчинение, на унижение раскрывают глубинную психологическую структуру. Мы составляем своеобразный «поведенческий словарь», отслеживая эволюцию этих паттернов во времени.

Интеграция объяснений. Мы не противопоставляем психологические объяснения рациональным политическим мотивам. Скорее показываем, как они взаимодействуют. Владимир Путин может одновременно действовать исходя из геополитических расчетов и личных психологических потребностей. Задача состоит в том, чтобы понять, когда и как психологическая мотивация становится доминирующей, деформируя рациональный политический расчет.

Ограничения исследования очевидны. Мы не имеем доступа к медицинским документам, результатам психологических тестирований, подробностям частной жизни. Многие свидетели находятся под давлением или боятся говорить открыто. Часть информации может быть дезинформацией, распространяемой самой властью или ее оппонентами. Поэтому каждый вывод опирается на множественные независимые источники. Там, где свидетельства противоречат друг другу, указываем на эти противоречия и объясняем возможные причины расхождений. Психоаналитические интерпретации предлагаются как обоснованные гипотезы, а не как истина в последней инстанции. Исходя из сказанного и на основе имеющихся материалов попытаемся донести, как внутренний мир Путина нашел выход и воздействует не только на его близкое окружение, но и на миллионы людей, в той или иной мере оказавшимися заложниками сложившейся ситуации.

Весь материал подается по принципу постепенного накопления – от истоков к проявлениям, от проявлений – к следствиям, от следствий – к выводам.

И начинаем мы с теоретической рамки, которая объясняет, почему психологический анализ необходим для понимания персоналистских диктатур и какие механизмы связывают индивидуальную психику с политическим поведением.

Затем обращаемся к истокам – детству и формированию личности. Условия, в которых рос будущий диктатор, травмы, которые он получил, защитные механизмы, которые выработал, – все это закладывает фундамент дальнейшего анализа.

Далее прослеживаем, как ранние паттерны проявились в личной жизни: в отношениях с близкими, в отношении к собственному телу, в реакции на старение. Интимная сфера становится своеобразной лабораторией, где психологические механизмы проявляются в наиболее чистом виде. Также анализируем устойчивые черты характера и поведения – то, что остается неизменным на протяжении десятилетий и проявляется в самых разных ситуациях. Исследуем механизмы компенсации – то, что замещает внутренний дефицит и создает иллюзию целостности.

Наконец, мы показываем, как все это привело к конкретным политическим последствиям – войне в Украине и ядерному шантажу мирового сообщества.

И уже в финале книги, на основании всего собранного и проанализированного материала, составляем психологический профиль – целостную картину личности, которая позволяет понять логику принимаемых решений.

Так по крупицам – от маленького шажка до решения, повлиявшего на судьбы миллионов людей, вырисовывается образ и складывается понятие, почему были возможны такие поступки.

История показывает нам, что маньяки, совершившие десятки убийств, изучаются вдоль и поперек психиатрами, психологами и криминалистами. Их биографии, детство, психологические особенности становятся предметом научных исследований и публичных дискуссий.

Поэтому мы считаем, что человек, ответственный за гибель сотен тысяч людей и угрожающий ядерной войной всему миру, заслуживает не менее тщательного исследования.

Понимание психологических механизмов, управляющих поведением диктатора, – это ключ к прогнозированию его действий и к пониманию того, как противостоять его угрозам.

По большому счету эта книга о том, как личное становится политическим в буквальном смысле слова. О том, как травмы одного человека выливаются в трагедию целых народов. И о том, почему демократические общества должны научиться распознавать опасность, прежде чем она реализуется.

Глава 1

Как личность становится политикой

Феномен персоналистской диктатуры

В современной политической науке (в частности, в рамках классификации Барбары Геддес⁸) принято разграничивать режимы по их институциональной опоре. Ключевое различие кроется в степени автономии элит и механизмов принятия решений.

Так, в режимах институционального типа власть опирается на устойчивые структуры, обладающие внутренними правилами и коллективной субъектностью.

Например, военные режимы (хунты) базируются на армейской иерархии. Армия выступает как корпоративный институт с собственными интересами, способный ограничить лидера или сменить его в случае угрозы целостности вооруженных сил.

Однопартийные системы опираются на партийный аппарат как на инструмент мобилизации, рекрутирования элит и идеологической легитимации. Здесь существуют процедуры внутренней ротации и механизмы согласования интересов различных фракций внутри партии.

Абсолютистские монархии фундированы традицией и династическим правом наследования, где легитимность распределена между членами правящей семьи и аристократическими кланами.

В каждом из этих случаев власть, хотя и сконцентрирована, все же распределена между институтами и группами, которые обладают собственными интересами и ресурсами.

⁸ Геддес Б. Парадигмы и песочные замки: построение теории и исследовательский дизайн в сравнительной политологии (2003).

В отличие от вышеперечисленных моделей, персоналистский режим характеризуется предельной концентрацией властных прерогатив в руках диктатора при одновременной институциональной деградации.

В своих работах исследователи авторитаризма Хуан Линц⁹, Стивен Левицки и Дэниел Зиблатт¹⁰ показали, как происходит эта трансформация. Демократии редко гибнут от военных переворотов.

Чаще они разрушаются изнутри, постепенно, через последовательную эрозию институтов. Избранный лидер шаг за шагом подчиняет себе суды, другие органы государственной власти, ограничивает свободу слова, маргинализирует оппозицию, меняет правила игры под себя. Каждый отдельный шаг выглядит незначительным, иногда даже оправданным. Но в совокупности все ведет к концентрации власти, которая в конечном счете становится абсолютной.

Это мы можем увидеть на примере России. Владимир Путин в 2000 году принял страну с хаотичной, но реальной политической конкуренцией, независимыми медиа, региональными лидерами, обладавшими собственной легитимностью и ресурсами.

За два десятилетия все это последовательно было демонтировано. Независимые телеканалы перешли под контроль государства. Губернаторы раньше избирались, потом их стали фактически назначать. Политические партии превратились в симулякры. Суды стали инструментом власти, а не ограничителем ее произвола. Олигархи, некогда влиявшие на политику страны, были либо подчинены, либо уничтожены, либо изгнаны.

К началу третьего десятилетия своего правления Путин остался один. Не в смысле одиночества – вокруг него по-прежнему тысячи чиновников, силовиков, пропагандистов. Один в смысле принятия решений. Нет инстанции, которая могла бы сказать ему «нет». Нет группы, чьи интересы он был бы вынужден учитывать. Нет механизма,

⁹ Линц Х. Тоталитарные и авторитарные режимы (1975).

¹⁰ Левицки С., Зиблатт Д. Как умирают демократии (2018).

который мог бы заблокировать или хотя бы скорректировать его решения.

И сейчас мы видим в России персоналистскую диктатуру в чистом виде.

Почему личность определяет все

В такой системе личность диктатора приобретает особое значение. Если в демократических странах лидер ограничен институтами, а в партийной автократии – интересами номенклатуры, то в персоналистской диктатуре эти ограничители отсутствуют. Лидер может делать практически все что захочет. Следовательно, то что он хочет, становится решающим фактором.

Его представления о мире определяют внешнюю политику. Его страхи формируют репрессивный аппарат. Его обиды влияют на выбор врагов. Его комплексы проявляются в идеологии. Его психологические защиты становятся государственными институтами.

В демократических системах личные качества лидера тоже имеют значение, но они сглаживаются, фильтруются, корректируются институциональной средой. Даже если президент склонен к импульсивным решениям, существуют процедуры, советники, законодательные ограничения, судебный контроль, свободные СМИ, которые смягчают последствия его импульсивности. Система обладает устойчивостью, которая не зависит от психологической стабильности одного человека.

Персоналистская диктатура лишена этой устойчивости. Она так же стабильна или нестабильна, как психика того, кто стоит во главе. Если диктатор рационален и прагматичен, режим может быть предсказуемым и даже эффективным. Если диктатор параноидален, паранойя становится принципом государственного управления. Если диктатор одержим историческими обидами, эти обиды превращаются во внешнеполитическую доктрину.

Политологический анализ, сфокусированный на институтах, интересах и идеологиях, не способен уловить эту динамику. Он исходит из предпосылки рационального актора, который максимизирует свои интересы в заданных институциональных рамках.

Но что если актер не рационален в этом смысле?

Что если его решения продиктованы не расчетом издержек и выгод, а глубинными психологическими потребностями, которые он сам может не осознавать?

Именно здесь политология нуждается в дополнении психологией.

Государство как проекция психики

Зигмунд Фрейд в работах о массовой психологии показал, как личные невроты лидера способны заражать целые общества. Механизм этого заражения – идентификация. Массы идентифицируют себя с лидером, принимают его картину мира, его врагов, его страхи. Лидер, в свою очередь, проецирует свои внутренние конфликты вовне, превращая их в политическую повестку. Так частное становится публичным, а психопатология – идеологией.

Эрих Фромм, выдающийся немецкий психолог, социолог и философ XX века, один из основателей неофрейдизма, развил эту идею, показав, что авторитарные лидеры и авторитарные последователи находят друг друга не случайно. Люди, выросшие в условиях, которые не позволили им развить автономию и внутреннюю устойчивость, испытывают тревогу перед свободой. Им легче подчиниться сильному лидеру, чем сделать собственный выбор.

Лидер, в свою очередь, нуждается в подчинении других для поддержания своей хрупкой самооценки. Так возникает патологический симбиоз, в котором обе стороны получают то, чего им не хватает, – ценой свободы и правды.

Теодор Адорно и его соавторы в исследовании авторитарной личности показали, как детские травмы связаны со взрослым авторитаризмом.

Жесткое холодное воспитание, когда ребенок не получает безусловной любви и принятия, формирует особый тип личности. Такой человек склонен к ригидному мышлению, нетерпим к неопределенности, идеализирует силу и презирает слабость. Он проецирует собственные неприемлемые импульсы на внешних врагов и находит облегчение в их преследовании.

Когда человек с такой структурой личности получает неограниченную власть, его внутренние конфликты неизбежно экстернализируются. Они становятся политикой. Внутренний конфликт переносится вовне и тогда ощущение, что мир враждебен и все хотят тебя уничтожить превращается в идеологию осажденной крепости. Государственная пропаганда начинает транслировать картину мира, где страна окружена врагами, а внутри действует так называемая пятая колонна, которая хочет разрушить существующий строй. Якобы для борьбы с этим разрастаются спецслужбы, их полномочия расширяются, подозрительность становится нормой. Так личная паранойя институционализируется, обретает бюджеты, штаты, здания и полномочия.

Эта институциональная девитализация является прямым следствием специфической психопатологии власти. В основе такой системы лежит потребность в тотальном контроле – органическая неспособность лидера выносить автономию окружающих и страх перед всем, что невозможно подчинить. Данный импульс трансформирует государственное устройство в жесткую вертикаль, где федерализм выхолащивается, а местное самоуправление демонтируется как потенциальный источник хаоса. Гражданское общество в таких условиях подвергается принудительной атомизации, а независимые медиа уничтожаются, поскольку любая альтернативная точка зрения воспринимается не как мнение, а как экзистенциальная угроза безопасности режима.

Параллельно с этим механизмы психологической проекции находят выход в создании репрессивного аппарата. Внутренняя агрессия лидера, которую он не может признать частью своего «я», переносится

на внешние и внутренние цели. Враги объявляются не просто оппонентами, а дегуманизированными объектами, заслуживающими кары, из-за чего насилие против них претерпевает моральную инверсию, превращаясь из преступления в гражданскую добродетель. Государственная монополия на агрессию при этом маскируется риторикой «вынужденной самообороны», представляя любые репрессивные акты как единственный возможный ответ на внешние провокации.

Наконец, глубинный и неосознаваемый стыд, подпитываемый ощущением собственной дефектности, компенсируется агрессивной идеологией величия. В рамках этого компенсаторного механизма страна провозглашается мессианской державой с исключительным историческим предназначением, а национальный нарратив превращается в безупречную хронику триумфов. В такой среде любая рациональная критика или указание на ошибки интерпретируются как сакральное оскорбление, поскольку они угрожают хрупкому фундаменту этой искусственно выстроенной коллективной идентичности. Так психологические защиты одного человека становятся каркасом, определяющим жизнь целого государства.

Россия при Путине: механика проекции

Российское государство при Путине представляет собой почти лабораторно чистый пример этого феномена. Федеральная служба безопасности – преемница КГБ, в которой Путин начинал карьеру, превратилась в институционализированную паранойю. Задача службы искать врагов, и она неизменно находит их, потому что в параноидальной картине мира враги есть всегда и везде.

Вертикаль власти – административная система, в которой все назначения идут сверху, воплощает потребность в тотальном контроле. Эта система выстроена при грубейшем нарушении Конституции Российской Федерации, которая определяет страну как федерацию и наделяет регионы компетенцией, гарантирует

самостоятельность местного самоуправления. Однако при Путине конституционные нормы остаются лишь декларацией на бумаге. Губернаторы, некогда избиравшиеся населением, теперь фактически назначаются президентом, процедура «выборов» превратилась в ритуальное подтверждение решений, принятых в Кремле. Мэры крупных городов полностью подчинены региональной и федеральной власти.

Местное самоуправление как институт фактически ликвидировано – оно существует лишь номинально, как пустая оболочка, лишенная какой-либо реальной власти или ресурсов. Чтобы окончательно лишить регионы и муниципалитеты даже гипотетической самостоятельности, у них забрали финансовые ресурсы. Централизация бюджетной системы достигла абсурдных масштабов: некоторые из самых богатых регионов отдают в федеральный центр более 80% налогов. Взамен получают минимум средств, которых катастрофически не хватает ни на инфраструктуру, ни на социальные программы, ни на развитие. Финансовое удушение – это не побочный эффект имперской экономической политики, а сознательная стратегия подчинения. Без денег невозможна никакая самостоятельность альтернативная политика, тем более конкуренция с центром. Но и этого режиму для полного контроля недостаточно. Финансовое удушение подкрепляется постоянными арестами и привлечением к уголовной ответственности региональных и муниципальных руководителей под предлогом борьбы с коррупцией. Губернаторы и мэры арестовываются с пугающей регулярностью не потому, что они более коррумпированы, чем федеральная элита (скорее наоборот), а потому что эти аресты служат инструментом устрашения и дисциплинирования.

Любой региональный лидер знает: стоит ему проявить излишнюю самостоятельность, попытаться защитить интересы своего региона, выступить против требований центра, завтра против него будет возбуждено уголовное дело и он окажется за решеткой. Коррупционные обвинения всегда под рукой, их можно предъявить

кому угодно в любой момент – система устроена так, что формально нарушают все.

Местные инициативы, не санкционированные сверху, становятся для такого режима подозрительными и опасными. Все должно быть согласовано, одобрено, разрешено Кремлем. Вертикаль власти здесь – это не просто административная структура, а психологическая матрица, в которой любая автономность воспринимается как угроза, любая самостоятельность – как потенциальное предательство. Система требует не просто подчинения, а полной зависимости, не просто лояльности, но беспомощности.

На диктатора работает государственное телевидение, которое транслирует проекцию вовне в масштабах всей страны. Каждый день миллионы людей получают картину мира, в которой Россия – жертва, Запад – агрессор, Украина – марионетка, оппозиция – предатели. Эта картина не имеет отношения к реальности, но она точно соответствует внутреннему миру человека, который крайне нуждается во врагах.

Идеология «особого пути», «русского мира», «традиционных ценностей» выполняет функцию рационализации. Она придает смысл и благородство тому, что в своей основе является проекцией личных комплексов. И вот уже война ведется не из-за путинской паранойи и обиды, а ради защиты соотечественников. Репрессии осуществляются не из-за его иррациональных страхов и ненависти, а ради сохранения стабильности. Изоляция наступает не из-за неспособности к партнерским отношениям, а ради защиты суверенитета.

Рационализация – один из классических механизмов психологической защиты. Человек совершает действие, продиктованное бессознательным импульсом, а затем придумывает для него рациональное объяснение. Объяснение может быть сколь угодно убедительным и логичным, но оно вторично по отношению к импульсу. Сначала решение, потом обоснование.

Государственная идеология персоналистской диктатуры функционирует по тому же принципу. Она не определяет политику, а лишь постфактум ее рационализирует. Сначала принимается решение о войне, продиктованное внутренней логикой психики диктатора, затем – доктрина «денацификации» и «защиты Донбасса». Сначала появляется желание расправиться с несогласными, затем – законы об «иностранных агентах» и «дискредитации армии». Идеология подстраивается под действия, а не наоборот.

Паттерн саморазрушения

Если бы действия Путина были продиктованы рациональным расчетом, они имели бы внутреннюю логику максимизации интересов: личных, корпоративных или государственных. Но при внимательном рассмотрении обнаруживается иная логика. На протяжении двух десятилетий Путин выстраивал экономические связи с Европой. Газопроводы «Северный поток» и «Северный поток–2» были его личными проектами. Он продавливал их вопреки сопротивлению, вопреки санкциям, вопреки критике. И в результате они просто разрушены вместо того, чтобы приносить доходы в казну страны и работать на развитие государства.

В течение двадцати лет Путин создавал образ России как предсказуемого, пусть и жесткого партнера, страны, которая выполняет контакты, с которой можно поддерживать дипломатические и экономические связи.

Даже война с Грузией в 2008 году и аннексия Крыма в 2014-м воспринимались многими как ограниченные операции, после которых возможен возврат к прагматичному сотрудничеству. Полномасштабное вторжение в Украину уничтожило эту иллюзию окончательно.

Россия стала страной-изгоем, государством-агрессором, нарушителем всех базовых норм международного права. Война поставила под угрозу стабильность и преемственность, лояльность элиты и все то что выстраивалось десятилетиями.

В результате экономика деградирует, теряя конкурентоспособность и технологическую базу. Элиты лишаются активов и перспектив, оказываясь в ловушке между санкциями и требованиями режима. Миллионы молодых мужчин убиты, искалечены или бежали из страны – демографическая катастрофа, и без того неизбежная, ускорила на десятилетия вперед.

И здесь мы с вами видим определенную закономерность. Человек ломает то, что сам создавал, идет против собственной выгоды, уничтожает отношения, которые выстраивал годами, превращает партнеров во врагов и постепенно оказывается в тупике. Рациональный анализ не способен объяснить эту закономерность. Он предполагает, что актер стремится к максимизации своих интересов, а ошибки – результат неполной информации или неверных расчетов. Но перед нами нечто иное.

Что же это такое? Почему человек действует против, казалось бы, собственных интересов? Что же заставляет Путина разрушать то, что он создавал два с половиной десятка лет?

Ответ на эти вопросы лежит за пределами политологии. Он требует обращения к психологии – к тем глубинным структурам личности, которые формируются в раннем детстве и определяют поведение на протяжении всей жизни.

Чтобы понять это, надо искать истоки в детстве. В следующей главе мы заглянем в ленинградский двор в Басковом переулке, где прошло детство Владимира Путина.

Глава 2

Формирование личности

Мальчик в углу: анатомия будущего диктатора

Ленинград, середина 1950-х. Четырехлетний мальчик стоит в углу коммунальной комнаты. Мать ходит вокруг и грозно спрашивает: «Ты будешь прощение просить или нет?»

Маленький эпизод в коммуналке как сжатая пружина на тот момент. В будущем это схема отношений с властью – ранняя модель подчинения, зависимости и выживания. Он задает психологическую структуру, в которой позже будет формироваться политическое поведение диктатора.

Для понимания современного российского персоналистского режима важно учитывать такие перинатальные матрицы: власть Путина возникает не из абстрактных исторических условий, а из устойчивых психологических механизмов, заложенных в детстве.

Наследники травмы: семья военного поколения

Владимир Путин родился 7 октября 1952 года в Ленинграде, в семье, которая уже пережила колоссальную травму. Его отец, Владимир Спиридонович, прошел Вторую мировую войну, был ранен и контужен, получил инвалидность. Но его военная служба имела особую специфику: он служил в «истребительном батальоне НКВД» – карательном подразделении, занимавшемся поиском и уничтожением «врагов народа», диверсантов и дезертиров. Эта деталь биографии отца критически важна для понимания семейной атмосферы. Владимир Спиридонович не был обычным фронтовиком – он был частью репрессивной машины, человеком, чья работа заключалась в выявлении и наказании «предателей». После войны он работал

мастером на вагонном заводе, но опыт карательной деятельности наложил отпечаток на его характер и, следовательно, методы воспитания.

Мать Путина, Мария Ивановна, пережила блокаду Ленинграда – один из самых травматичных опытов XX века. 872 дня осады, голод, холод, смерть близких – все это оставило неизгладимый след. Их первый сын, Виктор, умер от дифтерии в 1942 году во время блокады, еще одного ребенка они потеряли в младенчестве. То есть к моменту рождения Владимира родители уже похоронили двоих детей.

Психологи и психиатры знают: дети военного поколения часто наследуют травмы, которые сами не переживали. Этот феномен получил название «трансгенерационная травма» или «синдром второго поколения». Травма передается не генетически, а через особенности семейного взаимодействия: недосказанность, эмоциональную недоступность родителей, их неспособность дать безусловную любовь и защищенность, хроническую тревожность и гипербдительность.

Исследования показывают, что дети, пережившие Холокост, блокадников, военнопленных часто демонстрируют повышенную агрессивность, недоверие к миру, потребность в тотальном контроле, эмоциональную недоступность. У российского диктатора эти черты проявились с раннего возраста.

Путин появился на свет через семь лет после войны, но война никуда не ушла из его семьи. Она жила в молчании родителей об их потерях, в их скупых эмоциях, в атмосфере выживания, а не жизни. Отец и мать создали дома климат постоянной настороженности, где любое проявление слабости воспринималось как угроза безопасности семьи.

Коммунальная реальность: школа унижения

Семья Путиных жила в коммунальной квартире в доме №12 в Басковом переулке в центре Ленинграда. Путины занимали одну комнату площадью 20 квадратных метров – родители и сын.

Квартира находилась на последнем этаже мрачной, обветшалой пятиэтажки, которую не красили уже много лет. Туалет – в маленькой кабинке на лестничной площадке. Кухня – темная, без окон, настолько узкая, что если кто-то готовил еду, никто другой не мог пройти. Газовая горелка, раковина, три полки для посуды разных семей. Через коридор можно было пройти в комнату, где жила пожилая пара и в комнату Путиных, самую большую в квартире. За кухней располагалась комната, где жил еврейский портной Марголин с женой и незамужней дочерью. Комнаты были разделены фанерными перегородками, через которые слышно было все. Центрального отопления не было – в каждой комнате стояла дровяная печь. Горячей воды не было, ванной не было. Семья Путина раз в неделю ходила в общественную баню на улице Некрасова. В доме протекала крыша – жилищная контора отказывалась ремонтировать, несмотря на просьбы отца Путина. Лестница была грязной, с отсутствующими ступенями, металлические перила отваливались, большинство лампочек разбиты. Дом кишел тараканами. Во дворе среди мусора жили крысы. Володя спал на диване у одной стены, у родителей в углу стояла кровать на металлическом каркасе, частично скрытая ширмой.

Бытовые условия были действительно тяжелыми. «Была жуткая теснота. Ютились как селедки в бочке», – вспоминает бывший сосед Дмитрий Лобанов.

Мать работала дворником – тяжелый труд низкостатусного человека, который не мог не восприниматься ребенком как дополнительный источник стыда. Другой сосед, Сергей Богданов, вспоминал, что о крутом нраве Владимира Спиридоновича, отца Путина, который часто бил сына, знал весь двор.

Крысы на лестнице, о которых Путин неоднократно рассказывал, – не просто бытовая деталь, а символ деградации среды обитания. «Они

были размером с котят, и их было много», – подтверждает соседка семьи Тамара Козлова. Мальчик постоянно видел антисанитарию, нищету, скученность – все то, что формирует комплекс неполноценности и стыда за бытовые условия, в которых приходится жить.

В автобиографических интервью Путин намеренно романтизирует эти условия, представляя их как «суровую, но здоровую школу жизни».

Двор, в котором рос Путин, нес на себе отпечаток войны. «Ленинградский послевоенный двор был специфическим, – рассказывал Дмитрий Лобанов. – По соседству с нашим двенадцатым домом находился штаб Военно-воздушных сил Ленинградского оборонительного пояса. Поэтому во время войны Басков переулок сильно бомбили. В итоге наш дом оказался наполовину разрушенным. Мальчишкам это казалось забавным – все с удовольствием играли в прятки на этих руинах». Эти руины были не просто игровой площадкой, но постоянным напоминанием о разрушении, хаосе и смерти – фоном, на котором формировалась детская психика.

Особенно болезненным был контраст с детьми из благополучных семей. В центре Ленинграда, рядом с Невским проспектом, жили дети дипломатов, партийных функционеров, интеллигенции – те, кто имел отдельные квартиры, дачи, качественную одежду. Этот контраст преследовал Путина годами. Уже будучи взрослым, он признавался: «На каком-то этапе в университете я старался не афишировать, что мои родители просто рабочие, мама была даже чернорабочей. Конечно же, мне было бы приятней, особенно в университете на первом курсе, если бы я мог сказать, что мой отец профессор, а мать, допустим, доцент. Я не выпячивал их род занятий».

Эта болезненность – прямое следствие детских переживаний стыда и неполноценности. Постоянное сравнение себя с более благополучными сверстниками формировало то, что психоаналитик Альфред Адлер называл «комплексом неполноценности»¹¹ –

¹¹ Адлер А. Понять природу человека (1927).

болезненное переживание собственной ущербности, которое может трансформироваться в навязчивое стремление к превосходству над другими.

Признание Путина о том, что он скрывал социальное происхождение даже в университете, показывает глубину этой травмы: стыд не исчез с годами и изменением обстоятельств, он укоренился в структуре личности и требовал постоянного контроля над информацией о себе.

Сцена принуждения: власть через унижение

Особенно показательна его собственная история из раннего детства, которую он рассказал в том же интервью для книги «От первого лица»: «Мама поставила меня в угол, даже не помню, за что, в течение какого-то времени ходила, все так грозно смотрела, спрашивала: «Ты будешь прощение просить или нет?»»

Эта сцена раскрывает основу его будущих отношений с властью: унижение через принуждение к покаянию. Мать использует классический метод психологического давления – она не просто наказывает ребенка, а добивается его капитуляции, признания вины и унижения через просьбу о прощении. Ребенок должен не только подчиниться, но и принять роль виноватого, даже не понимая, в чем его вина. Это формирует у него представление о власти как о системе, где сильный не только принуждает слабого к повиновению, но и заставляет его просить прощения за сам факт своего сопротивления или даже существования.

Психоаналитически этот эпизод представляет собой травматичный опыт, который закладывает основу для садомазохистических отношений с властью. С одной стороны, ребенок усваивает урок о том, что власть имеет право требовать не только повиновения, но и унижения. С другой стороны, он интернализирует желание когда-нибудь самому оказаться в позиции того, кто может требовать покаяния от других.

Этот паттерн – власть через унижение и вынужденное покаяние – станет основой его политического стиля.

Эмоциональный дефицит: одиночество как норма

За внешне обыденными деталями коммунального быта проступает картина глубокого эмоционального дефицита. Путин описывает себя как одинокого ребенка, который большую часть времени предоставлен сам себе. «Отец, в принципе, мною не занимался», – признается он в интервью журналисту Олегу Блоцкому в 2002 году. Это признание особенно значимо, поскольку прозвучало уже после прихода к власти, когда не было необходимости вызывать жалость или сочувствие. Владимир Спиридонович работал на заводе, уходил рано утром, возвращался поздно вечером, в выходные часто подрабатывал или пил с фронтовыми друзьями.

Его мать, Мария Ивановна, по его же словам, «была не шибко грамотная женщина. Проработала всю жизнь. И дворником, и ночью товар в булочной принимала, и в лаборатории пробирочки мыла». Она трудилась на износ, чтобы обеспечить семью, но эмоциональных ресурсов для сына у нее не оставалось. Семья существовала в атмосфере эмоциональной скупости и сдержанности, где родители, поглощенные тяжелым трудом и выживанием, не умели и не могли проявлять чувства, делиться переживаниями или давать ребенку эмоциональное тепло.

В психологической литературе такой стиль воспитания называется «эмоциональным пренебрежением» – ситуацией, когда базовые физические потребности ребенка удовлетворяются, но эмоциональные игнорируются.

Мальчик вынужден был выстраивать защитные механизмы с раннего детства. Главным из них стала эмоциональная автономия – способность не нуждаться в тепле и поддержке взрослых, полагаться только на себя. Эта защита, сформировавшаяся в детстве, станет основой его взрослой неспособности к интимности и доверию.

Дворовые университеты: криминальная социализация

Воспитание фактически проходило на улице. Один из соседей семьи Путиных по дому №12 в Басковом переулке, Дмитрий Лобанов, вспоминал: «Мальчишеский двор был разделен по возрастному признаку. Задавали тон во дворе 15–16-летние ребята, пережившие блокаду. Иерархия была жесткой. Младшие не имели права войти в этот круг.

Также существовало правило: если пацана наказали, то упаси боже ему пожаловаться родителям! Такой парень мог навсегда превратиться в изгоя. Поэтому все мальчишки, вышедшие из Баскова переулка, выросли закаленными трудностями».

Главенствующей фигурой во дворе считался 17-летний Юра Сидоров. Ему подчинялись все мальчишки, и все как один хотели походить на этого пацана. В дальнейшем судьба Сидорова сложилась трагически типично для той среды: повзрослев, он связался с криминальной бандой, стал наводчиком, попался на краже продуктов с Некрасовского рынка и исчез за решеткой. Это был образец «успешной» дворовой карьеры, на который равнялись младшие.

Двор был насквозь пропитан криминальной культурой. «Во дворе нашего дома постоянно тусовалась шпана из соседних районов, – вспоминают старожилы. – Например, если кто-то украл на Некрасовском рынке мясо, то от милиции мог скрыться только через наш двор. У воров существовала своеобразная памятка, как уходить от преследования. Надо было от рынка добежать до Баскова переулка, свернуть во двор дома №12, затем пробежать на задний двор, нырнуть в слуховое окошко подвала, где был выход на Саперный переулок. Так, подвалами, уходили». Дети росли, наблюдая эти побег, усваивая логику преступного мира как норму жизни.

Володя Путин не сразу понял и принял законы дворового мира и потому жилось ему поначалу непросто. «Двор существовал по волчьим законам, – рассказывал бывший сосед Путина. – Старшие верховодили над младшими. Жили, как на зоне: были паханы и их слуги. Дисциплина – строжайшая. Если старший велел младшему: «Иди принеси то-то, то надо было беспрекословно идти и нести. Путин входил в компанию младших ребят. И ему не нравилось такое положение дел».

Одним из тех, кто чаще других поколачивал Володю, был Валентин Косырев. Спустя много лет, когда Путин уже был у власти, Косырев постоянно вспоминал, как ни за что обижал маленького Володю. Говорят, он даже собирался попросить прощения у Путина за испорченное детство.

Эта деталь красноречива: обидчик интуитивно понимал, что нанесенные унижения могли оставить след и теперь перед ним был человек, обладающий абсолютной властью над его судьбой.

Эта дворовая иерархия, основанная на силе и подчинении, стала для Путина первой школой власти, но в роли подчиненного, что оставило глубокий след в его психике.

Исследования показывают, что дети, систематически подвергавшиеся унижениям в группе сверстников, часто развивают компенсаторные фантазии о будущем могуществе и мести обидчикам. Путин получил опыт обеих ролей: сначала жертвы, затем через отцовское вмешательство понял механизм восстановления статуса через насилие.

Говоря о своей юности, Путин признавался в интервью 2002 года: «Я прошел серьезные уличные «университеты», существовал в свободном режиме, много времени проводил на улице, во дворе». Этот эвфемизм скрывает погружение в криминальную субкультуру, которая в СССР 1960-х активно проникала в подростковую среду.

Российские исследователи тюремной субкультуры отмечали, что «с советских времен культура детей, подростков и молодежи двигалась и развивалась в рамках тюремной культуры. Молодежные шайки в

СССР почерпнули ценности поведения именно из воровской среды». Дворы ленинградских окраин 1960-х были пропитаны блатной романтикой, жаргоном, понятиями о «правильной» жизни, почерпнутыми из лагерного фольклора. Двор дома №12 в Басковом переулке, где воры прятались от милиции, а подростки жили «как на зоне», был идеальной средой для усвоения этой субкультуры.

У Путина прослеживается влияние того периода во взрослой речи. Его знаменитое «мочить в сортире» (1999), «Пятерочка ломится или десяточка» (2008), «Замучаетесь пыль глотать» (2014) – все это лексика дворовой криминальной субкультуры, усвоенная в детстве и юности. Эти словечки выдают тот самый проблемный период, о котором он сам говорил осторожно, но который сформировал базовую матрицу понимания мира: иерархия силы, беспрекословное подчинение, запрет на стукачество и право сильного диктовать правила.

Более того, некоторые исследователи находят в его поведенческих паттернах отражение тюремной иерархии и «понятий». Двор Баскова переулка дал Путину не просто жизненный опыт – он дал систему координат, в которой власть измеряется способностью применить насилие, лояльность ценится выше закона, а прошлые унижения требуют компенсации через будущее доминирование.

Спорт как спасение: дзюдо против хаоса

Особенно показательны слова самого Путина: «С тех пор, как я начал заниматься дзюдо, это стало менять жизнь в лучшую сторону...» Психологически эта фраза крайне значима. Что должно происходить в жизни ребенка, чтобы она требовала кардинального изменения в лучшую сторону?»

Нормальное детство не нуждается в спасении через спорт. Такие слова говорит подросток, который находился в деструктивной среде, переживал серьезные проблемы, возможно, травматичные события, от

которых дзюдо стало психологическим убежищем и способом восстановления самооценки.

В 1965 году, в возрасте 12 лет, Володя записался в секцию самбо во Дворце пионеров на Невском проспекте к тренеру Анатолию Рахлину. Через год он переключился на дзюдо к Аркадию Ротенбергу – отцу будущих олигархов Аркадия и Бориса Ротенбергов. Выбор дзюдо был не случаен: это была экзотика в СССР середины 1960-х, восточное боевое искусство, окруженное ореолом тайны и исключительности.

По воспоминаниям тренера Ротенберга, Володя был не самым талантливым учеником: слишком мал ростом и легок весом для серьезных достижений в борьбе. Но он компенсировал недостаток физических данных фанатичной преданностью тренировкам и готовностью терпеть боль. «Он мог тренироваться до потери сознания», – вспоминал Ротенберг.

Эта готовность терпеть физическую боль указывает на стремление преодолеть боль психологическую. Дзюдо давало ему несколько важных вещей: во-первых, ощущение контроля над собственным телом и ситуацией; во-вторых, четкую систему правил в мире, где правил не было; в-третьих, возможность легитимно причинять боль другим в рамках спортивного поединка.

К 1973 году он стал мастером спорта по дзюдо и кандидатом в мастера спорта по самбо. Это были значительные достижения для подростка из рабочей семьи, которые давали ему право чувствовать себя особенным, выделяющимся из серой массы сверстников.

Темная сторона подросткового периода

Этот период мог включать и более травматичные переживания. Некоторые исследователи не исключают возможность сексуального насилия, которое было широко распространено в криминальной подростковой субкультуре того времени. Дворы, живущие по законам

«зоны» с жесткой иерархией и культом силы, воспроизводили и тюремные практики унижения младших старшими.

В советских реалиях 1960-х тема сексуализированного насилия над детьми была абсолютно табуирована – случаи не расследовались, о них не говорили, жертвы были обречены на молчание под страхом стать изгоями.

Воспоминания соседей рисуют картину, в которой такая травма вполне могла иметь место. Путин входил в «компанию младших ребят», систематически подвергался физическому насилию со стороны старших, существовал в среде, где действовало железное правило: «упаси боже пожаловаться родителям – превратишься в изгоя навсегда».

Получение такой детской травмы объясняет многие особенности его дальнейшего поведения: навязчивую гиперкомпенсацию через демонстративную маскулинность (публичные съемки с обнаженным торсом, культ силы, агрессивная риторика), глубокую неспособность к интимности и доверию, садистские проявления, патологическую потребность в тотальном контроле, особое – почти параноидальное – отношение к гомосексуальности как к символу слабости и унижения, которое необходимо искоренять.

Более очевидным является его собственное признание о «проблемном периоде» в подростковом возрасте. В различных интервью он осторожно намекал на то, что мог оказаться «не на той дороге», что были «искушения», от которых его спасло дзюдо. Такие уклончивые формулировки типичны для людей, переживших нечто, о чем они категорически не хотят говорить прямо, травму настолько болезненную, что даже намек на нее требует немедленного переключения на спасительную тему.

Конечно, это остается гипотезой, которую невозможно доказать без прямых свидетельств. Однако совокупность поведенческих маркеров – от систематического унижения в иерархии «как на зоне» до взрослой эмоциональной недоступности, от навязчивой демонстрации

маскулинности до садистских паттернов – соответствует психологическому профилю людей, переживших сексуализированное насилие в подростковом возрасте.

Характерно, что Путин никогда не рассказывает конкретных историй из того «проблемного периода» – только общие формулировки о «дворовых университетах» и «искушениях». Это типичная защитная стратегия: признать существование проблемы в абстрактной форме, но никогда не приближаться к реальным событиям. Молчание здесь может быть красноречивее любых слов.

История с крысой: метафора будущего

Также показательна его собственная история о том, как он загнал крысу в угол, которую неоднократно рассказывал журналистам в разных интервью: «Там я раз и навсегда понял, что означает фраза «загнать в угол». В подъезде жили крысы. И мы с друзьями все время гоняли их палками. Один раз я увидел огромную крысу и начал преследование, пока не загнал ее в угол. Бежать ей было некуда. Тогда она развернулась и бросилась на меня. Это было неожиданно и очень страшно. Теперь уже крыса гналась за мной. Она перепрыгивала через ступеньки, соскакивала в пролеты. Правда, я все равно был быстрее и захлопнул дверь перед ее носом».

Эта история раскрывает ключевую психологическую истину: загнанное в угол существо становится особенно опасным. Но здесь важна и другая деталь – Путин идентифицирует себя одновременно с охотником и с жертвой. Он загоняет крысу в угол, но затем сам оказывается в роли преследуемого. Этот двойной опыт – быть агрессором и жертвой – станет основой его мировоззрения. Он усвоил урок: в мире есть только охотники и дичь, и нужно постоянно быть готовым к тому, что роли могут поменяться. Отсюда его параноидальная подозрительность, потребность в тотальном контроле, готовность наносить упреждающие удары.

Символически эта история предвосхищает его будущую политическую стратегию. Как он будет загонять в угол целые страны – и смотреть, как они, доведенные до отчаяния, будут пытаться дать отпор.

Вытеснение, нарциссическая защита и маска мужественности

Столкнувшись с эмоциональной заброшенностью и постоянной угрозой унижения, детская психика Путина выработала защитные механизмы, которые определяют всю его дальнейшую жизнь.

Первый и важнейший – вытеснение. Болезненные переживания, связанные с незащищенностью, зависимостью, потребностью в любви, изгоняются из сознания. Путин научился не чувствовать то, что могло бы сделать его уязвимым. Эмоциональная тупость становится броней, которая защищает от повторного травмирования.

Но вытесненное не исчезает, оно трансформируется. Потребность в любви превращается в потребность в страхе со стороны окружающих. Желание быть защищенным – в желание контролировать. Страх быть униженным – в стремление унижать других. Психологи называют это реактивным образованием: травмированная психика защищается, превращая болезненные импульсы в их противоположность.

Второй механизм – нарциссическая защита. Ребенок, который не получил достаточно безусловной родительской любви, часто компенсирует этот дефицит грандиозными фантазиями о собственной исключительности. «Я особенный, я избранный, я выше других» – эти идеи становятся психологическим костылем, который поддерживает хрупкую самооценку.

У Путина нарциссическая защита проявляется уже в подростковом возрасте.

Наиболее показательным эпизодом, раскрывающим формирование его психологической структуры, стала история из школьного похода в Латвию летом 1969 года. Учительница Вера Гуревич и бывшие его

одноклассники позже так описывали эпизод, который произошел во время этого похода.

Дети раздобыли нескольких утят, чтобы приготовить из них еду. Как рассказывала бывшая одноклассница Путина никто не хотел отрубить головы утятам. Володя Путин не отказался, а наоборот сам вызвался выполнить эту неприятную задачу. Чтобы не так печально все выглядело, ребята разыграли сценку. Устроили суд над утятами, обвинив их в том, что они дерзко нарушали правила жизни: ели больше всех, уплывали дальше, чем положено. Путин накинул на себя красное одеяло – которое должно было символизировать балахон палача, голову закрыл целиком – ведь лицо палача должно быть неузнаваемо. «Положите ей голову так, чтобы я, не видя ее, мог одним ударом отсечь ей голову», – попросил он.

Этот эпизод раскрывает несколько критически важных черт формирующейся личности.

Во-первых, готовность взять на себя грязную работу, от которой отказались все остальные, указывает на отсутствие нормальных эмпатических реакций и раннее формирование садистских наклонностей. Путин не просто согласился убить, он организовал ритуал, придал процессу театральность, превратил насилие в представление.

Во-вторых, символическое закрывание лица и требование не видеть жертву демонстрируют механизм психологической диссоциации – способность отделять себя от совершаемого насилия, создавать психологическую дистанцию между «я-палач» и «я-обычный». Это позволяет действовать без угрызений совести, сохраняя иллюзию непричастности: «это делал не я, а безликий палач в красном балахоне».

В-третьих, потребность в ритуализации и «оправдании» убийства через имитацию судебного процесса выдает раннее формирование рационализации как защитного механизма. Утят «судили», «обвиняли» в нарушении правил, приговорили, то есть насилию

придавалась видимость законности и справедливости. Жертвы объявлялись виновными, что психологически снимало ответственность с палача.

В-четвертых, показательна сама готовность принять на себя роль палача в ситуации, когда все остальные отказались. Для подростка, пережившего систематические унижения в дворовой иерархии, это был момент обретения власти, пусть и власти над беззащитным существом. Он был единственным, кто мог совершить то, что другие не решались. Это давало ощущение силы, исключительности, превосходства над теми, кто слишком слаб для такого действия.

Эти психологические паттерны – садизм, диссоциация, рационализация и потребность в демонстрации силы через насилие – станут основой его методов управления и устранения политических противников в будущем. От Чечни до отравлений оппозиционеров, от «судов» над Ходорковским до «спецоперации» в Украине – всюду будет присутствовать та же структура: ритуализация, рационализация, диссоциация и театрализация насилия, которое совершается якобы не лично, а по закону, по необходимости, во имя справедливости.

Семнадцатилетний подросток в красном одеяле, требующий «не видеть» жертву перед казнью, – это момент кристаллизации психопатической структуры личности, которая через три десятилетия получит в свои руки абсолютную власть над жизнью и смертью миллионов людей.

Мечты о КГБ: идентификация с агрессором

Еще более показательна история о том, как в начале девятого класса, в 15 лет, Путин пошел в приемную Ленинградского управления КГБ: «Ко мне вышел какой-то сотрудник. Как ни странно, выслушал меня. «Хочу, – говорю, – у вас работать». – «Отрадно, но есть несколько моментов». – «Каких?» – «Во-первых, – говорит, – мы инициативников не берем. Во-вторых, к нам можно попасть только после армии или какого-нибудь гражданского вуза».

Психологически этот поступок представляет собой классический случай идентификации с агрессором – защитного механизма, описанного британским психологом и психоаналитиком, одной из основателей детского психоанализа Анной Фрейд¹². Подросток, систематически подвергавшийся унижениям и насилию, пытается защититься, присоединившись к источнику власти и страха. КГБ в его сознании – это не просто спецслужба, а воплощение абсолютной власти, способной карать и миловать.

За этим выбором скрываются несколько психодинамических мотивов.

Во-первых, компенсаторная фантазия всемогущества – попытка преодолеть травматическое чувство беспомощности через слияние с карательной машиной государства.

Во-вторых, проекция собственной агрессии – желание легитимно причинять боль тем, кто причинял боль ему. В-третьих, садомазохистская инверсия – превращение из жертвы в палача как способ совладания с травмой.

Показательно, что в 15 лет он мечтает не о созидательной деятельности, а о тайной власти над людьми. Это указывает на глубокие нарушения в формировании суперэго и развитие антисоциальных черт личности. Нормальная подростковая идеализация направлена на героические профессии, такие как врач, учитель, исследователь. Выбор карательной функции в таком возрасте сигнализирует о патологической трансформации агрессивных импульсов.

Все это способы почувствовать себя особенным, отличающимся от серой массы ленинградских мальчишек. Но выбор именно насилия как пути к исключительности выдает глубокие психологические деформации.

¹² Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы (1936).

Третий механизм – конструирование маски гипермужественности. Травмированный мальчик инстинктивно понимает: в мире насилия и унижения выживают только «настоящие мужчины». Он начинает культивировать образ жесткого, бесчувственного, всегда готового к драке человека.

Эта маска станет основой его публичной личности. Путин будет демонстрировать свою «мужественность» обнаженным торсом на охоте, полетами на истребителе, поездками на мотоцикле, жесткими заявлениями. Но за этой демонстративной маскулинностью скрывается глубокая неуверенность в собственной мужской идентичности.

Психоаналитик Эдмунд Берглер в своих исследованиях показал: демонстративная, агрессивная маскулинность часто компенсирует вытесненные сомнения в собственной мужественности. Мужчина, уверенный в своей маскулинности, не нуждается в ее постоянном доказательстве. Тот же, кто чувствует внутреннюю неопределенность, вынужден снова и снова подтверждать свою мужскую идентичность через демонстрацию силы, агрессии, доминирования.

Путинская маска мужественности – это психологическая необходимость, способ справиться с глубинной неуверенностью, корни которой уходят в травматичное детство.

От КГБ к краху: путь к реваншистской одержимости

В 1970 году Путин поступает на юридический факультет Ленинградского государственного университета. Выбор специальности не случаен – он уже в 15 лет пришел в приемную КГБ и спрашивал, как туда поступить. КГБ представляется ему институцией настоящих мужчин, сильных, закрытых, владеющих тайнами и властью, то есть всем тем, чего ему так не хватало в детстве.

В 1975 году, сразу после окончания университета, Путин поступает на работу в Ленинградское управление КГБ. Это осуществление детской

мечты – попадание в элиту, в закрытую касту, которая стоит над обычными людьми.

Для мальчика из коммуналки, который скрывал в университете, что его мать была чернорабочей, это был способ компенсировать детские унижения через принадлежность к привилегированной структуре власти.

Служба в Дрездене (1985–1990) становится следующим этапом. Восточная Германия позднесоциалистического периода – это мир, где все понимают неизбежность краха системы, но продолжают играть установленные роли. Путин существует в атмосфере умирающей империи, наблюдая, как рушатся идеологические конструкции, которым он служил.

Крах как повторная травма

9 ноября 1989 года пала Берлинская стена. Путин был свидетелем того, как толпа штурмовала здание Штази в Дрездене, как рушилась система, частью которой он был. Он звонил в советские военные части, прося защиты, но получал ответ: «Москва молчит». Эта беспомощность, это бессилие перед лицом хаоса – прямой резонанс с детским опытом униженного мальчика из коммуналки, который не мог защититься от дворовых паханов.

Затем последовал окончательный крах – распад СССР в декабре 1991 года. Путин позже назовет это «величайшей геополитической катастрофой XX века». Но для него это было не просто геополитическое событие – это была глубоко личная травма.

Система, которой он служил, которая давала ему статус, идентичность, ощущение принадлежности к элите, рухнула. Сверхдержава, частью которой он гордился быть, превратилась в объект насмешек и унижений со стороны Запада. Страна, которую он представлял за границей, распалась на куски. Институтация, в которой он строил карьеру, была дискредитирована и частично демонтирована.

Это был повторный опыт унижения, но теперь в масштабе всей страны. Детский стыд за мать-дворника и отца-рабочего трансформировался в стыд за слабую Россию, которую предали и унизили. Беспомощность перед дворовыми хулиганами превратилась в беспомощность перед лицом исторических процессов. Комплекс неполноценности из-за коммуналки расширился до комплекса неполноценности всей постсоветской России перед успешным Западом.

Формирование реваншистской психологии

Психологические исследования показывают, что повторная травма, резонирующая с ранними детскими переживаниями, часто приводит к формированию навязчивых компенсаторных фантазий. Человек, дважды переживший унижение, – в детстве и во взрослой жизни – может развить патологическую одержимость реваншем, восстановлением утраченного величия, доказыванием своей силы.

Именно это и произошло с Путиным. Крах СССР стал для него не просто политическим событием, которое нужно принять и пережить, а личным оскорблением, которое требует мести. Запад, победивший в холодной войне, превратился в персонифицированный образ тех благополучных детей из центра Ленинграда, которые смотрели свысока на мальчика из коммуналки. Распад империи стал символическим повторением всех детских унижений и требовал компенсации.

В 1990-е годы, работая в мэрии Санкт-Петербурга, а затем в Администрации президента России, Путин внешне приспосабливается к новой реальности. Но внутри формируется то, что можно назвать реваншистской одержимостью, – навязчивая идея восстановления величия Российской Федерации как способ компенсировать собственные детские и взрослые травмы унижения.

Его будущая политика – от войны в Чечне до аннексии Крыма, от конфронтации с Западом до полномасштабной агрессии против Украины – будет прямым продолжением этой психологической

динамики. Это не рациональная геополитика, а попытка психологически компенсировать цепь личных унижений через демонстрацию силы на международной арене.

Мальчик из коммуналки, который не мог защититься от дворовых хулиганов, превратился во взрослого, который пытается восстановить величие России военной силой. Офицер КГБ, который беспомощно наблюдал за крахом системы в Дрездене и не мог дозвониться до Москвы, стал диктатором, одержимым идеей реванша за «величайшую геополитическую катастрофу». Детская травма, усиленная исторической травмой, породила политического монстра, для которого война стала способом психотерапии, а унижение других стран – компенсацией за собственные унижения.

Промежуточные выводы: завершение формирования

К середине 1990-х формирование личности Путина в основном произошло. Это человек без иллюзий и моральных ограничений, но с огромной энергией и беспощадными амбициями. Его детские травмы не исцелены и не проработаны, они трансформированы в источник холодной силы. Его неспособность к подлинной любви превращена в виртуозную способность к манипулированию. Его страх быть униженным – в неукротимое стремление унижать других.

Детство и юность Путина – это психологический код, ключ к пониманию логики всех его политических решений: от методов борьбы с оппозицией до стратегий международной политики, от техник подавления гражданского общества до мотивов развязывания войн.

Мальчик, которого в четыре года поставили в угол и заставляли просить прощения за непонятную провинность, вырос, стал диктатором и теперь ставит в угол целые народы, требуя от них покаяния за мнимые прегрешения.

История, начавшаяся в тесной комнате коммунальной квартиры в Басковом переулке в Ленинграде, продолжается в золотых залах Кремля и ее трагический финал пока не написан.

Но детство – только фундамент. Как эти травмы проявились в его взрослой жизни, в отношениях с женщинами, в браке, в семье – об этом в следующей главе.

Глава 3

Личная жизнь

«Он был как стена»: брак как театр власти

Ленинград, начало 1980-х. Молодой офицер КГБ знакомится со студенткой филологического факультета. Впереди три года изматывающих ухаживаний, тридцать лет брака и одна фраза, которая подведет итог всему: «Он был как стена».

Людмила Путина произнесет эти слова в 2013 году, когда Путин объявит о разводе. К тому времени человек, который учит страну «традиционным семейным ценностям», уже три десятилетия демонстрирует полную неспособность к нормальной семейной жизни. Диктатор, проповедующий святость брака, превратит собственную семью в пустыню эмоциональной холодности.

За этим парадоксом – ключ к пониманию путинской психополитики. Интимная сфера становится театром власти, где отрабатываются методы контроля и доминирования.

Генеалогия эмоциональной холодности

Эмоциональная неспособность Путина к близким отношениям проявилась еще в школьные годы. Его школьная учительница Вера Дмитриевна Гуревич вспоминала: «Хотя он вообще-то не особенно интересовался девочками. Девочки им больше интересовались».

Это равнодушие к противоположному полу – не просто подростковая застенчивость. Это следствие эмоциональной травматизации в семье, где чувства подавлялись, а близость воспринималась как слабость.

Мальчик, выросший в атмосфере эмоциональной скупости, не научился распознавать и проявлять интимные эмоции.

Когда Людмила впервые попала в семью Путиных, она столкнулась с той же системой эмоционального унижения, которая сформировала ее будущего мужа. «Прекрасно помню первую встречу с родителями Владимира Владимировича, – вспоминала она. – Помню, я вышла на кухню, и там была мама Владимира Владимировича Мария Ивановна. Мы стали о чем-то говорить, и тут Алексей заходит на кухню спрашивает у Марии Ивановны: «Как Вам Люда?» А та отвечает: «Да, конечно, она ничего. Но у него уже была Люда. Хорошая девочка...» И дальше все в таком духе. У меня чуть слезы из глаз не брызнули... Не скрою, мне тогда было очень неприятно, больно и обидно...»

С точки зрения семейной психологии, перед нами классический паттерн нарциссической семейной системы. Обесценивание через сравнение – одна из базовых техник поддержания иерархии: новый член семьи сразу получает сигнал о своем низком статусе и необходимости его «отрабатывать». Разговор о человеке в третьем лице в его присутствии – форма психологической аннигиляции: субъект превращается в объект обсуждения, лишается права голоса и собственной воли.

Мария Ивановна транслировала межпоколенческую травму. Женщина, пережившая блокаду и потерю двух детей, не имела внутреннего ресурса для эмпатии, она воспроизводила единственную известную ей модель отношений, где близость подменялась контролем, а принятие – условным одобрением за соответствие ожиданиям.

Реакция Путина, точнее ее отсутствие, – диагностически значима. В психологии привязанности это называется «избегающий тип»: неспособность распознать дистресс партнера и отреагировать на него защитой или утешением. Он не встал на сторону Людмилы не из жестокости, а из слепоты, так как для него происходящее находилось в пределах нормы. Материнское поведение не регистрировалось как насилие, потому что именно так выглядела любовь в его детстве.

Этот эпизод стал для Людмилы инициацией в семейную систему Путиных. Правила были обозначены сразу: эмоциональная поддержка здесь не предусмотрена, уязвимость будет использована против тебя, а твоя ценность всегда под вопросом.

Ухаживания как дрессировка

Отношения Путина с Людмилой с самого начала строились не как романтическая связь, а как система психологического контроля. Даже свидания превращались в испытания на покорность.

«Свидания – это особая история, – вспоминала Людмила. – На них я никогда не опаздывала, а Владимир Владимирович – постоянно. Полтора часа – это было в порядке вещей. Помню, стою в метро. Первые пятнадцать минут опоздания выдерживаю нормально... Но когда уже час проходит, а его все нет, то просто плачешь от обиды. А через полтора часа уже вообще не испытываешь никаких эмоций».

В психологии абьюзивных отношений этот паттерн хорошо описан. Систематические опоздания без предупреждения и извинений – не небрежность и не особенность характера. Это техника установления контроля и доминирования, при которой один партнер присваивает себе монополию на время и эмоции другого.

Людмила описывает классическую динамику травматического ожидания: надежда – тревога – обида – эмоциональное истощение – апатия. Путин прогонял ее через этот цикл раз за разом, и это не было случайностью.

Он формировал у нее выученную беспомощность – состояние, при котором жертва перестает сопротивляться, потому что усваивает: ее действия ни на что не влияют. Не уйдешь, не потребуешь объяснений, не выскажешь претензий, потому что это бесполезно.

Показательна финальная фаза, которую она описывает: «Через полтора часа уже вообще не испытываешь никаких эмоций». Это диссоциативная реакция на хронический стресс – психика отключает

чувства, чтобы защититься от боли. Именно такого состояния добивается абьюзер: партнер, который больше не чувствует, больше не сопротивляется.

Результат этой «дрессировки» – усвоенный запрет на собственные потребности. Людмила научилась не требовать, не злиться, не уходить. Научилась ждать. Научилась принимать его условия как единственно возможные. Три года таких ухаживаний сформировали идеальную жену для человека, неспособного к партнерским отношениям.

Наказание за радость

Когда Людмила позволила себе естественное женское поведение на вечеринке «слишком раскованно себя повела: танцевала, веселилась, смеялась», последовало немедленное наказание. Путин заявил о разрыве отношений. Нормальная человеческая радость была квалифицирована как «недопустимое поведение».

Этот эпизод – ключевой для понимания структуры отношений. В здоровой паре радость партнера вызывает ответную радость или, как минимум, нейтральную реакцию. Здесь же веселье Людмилы было воспринято как угроза – и угроза настолько серьезная, что потребовала максимальной санкции: разрыва.

Почему?

Потому что ее радость была автономной. Она веселилась не для него и не с его разрешения. В этот момент она существовала как отдельный человек со своими эмоциями, а для личности с потребностью в тотальном контроле, это невыносимо. Партнер должен быть продолжением его самого, а не самостоятельной единицей со своими желаниями.

В психологии насильственных отношений это называется «наказание за индивидуацию». Любое проявление отдельности, самостоятельности, собственной воли карается, чтобы жертва усвоила: безопасно только полное слияние, полное подчинение.

Но после паузы он «решил дать девушке еще один шанс». Эта формулировка – настоящий манифест власти. Он – судья, определяющий, что допустимо, а что – нет. Она подсудимая, ожидающая приговора. Он милостиво прощает ее «вину» за то, что она была живой.

Такой цикл «проступок – наказание – прощение» является базовым механизмом формирования травматической привязанности. Жертва начинает испытывать благодарность за то, что ее «простили», – хотя никакой реальной вины не было.

Она усваивает, что отношения могут быть отняты в любой момент по его инициативе, а ее задача – заслуживать их снова и снова. Так формируется хроническая тревога и готовность к самоцензуре: лучше не проявлять эмоций вообще, чем рисковать наказанием.

Людмила усвоила урок. Ее эмоции, ее поведение, ее радость – все это отныне подлежало его контролю и оценке.

Тест на выживание

Летняя поездка на юг стала следующим испытанием – уже на выживание в буквальном смысле. «Володя решил обследовать небольшой полуостров в районе Судака. Взял с собой подводное ружье и поплыл. Люда плавать не умела, поэтому перебиралась через пролив на матрасе». Обрато он решил идти по берегу, а Людмиле «отдал ружье, чтобы самому не нести, и благословил на новый заплыв». «Когда я неумело поплыла, подняв ружье над головой, то с ужасом поняла, что оно очень тяжелое и мне, наверное, не доплыть. Позже я вообще не могла понять, каким образом добралась до берега», – вспоминала Людмила.

Здесь мы видим переход от психологического давления к физическому риску. Путин знал, что Людмила не умеет плавать. Он знал, что ружье тяжелое. И тем не менее он выбрал легкий путь для себя, а ее отправил

через воду с грузом в руках. Собственный комфорт оказался важнее ее жизни.

В этом эпизоде проявляется характерный дефицит эмпатии – неспособность или нежелание представить себя на месте другого, почувствовать его страх и уязвимость. Для Путина Людмила в этой ситуации была не любимой женщиной, которую нужно защитить, а носильщиком. То что она могла утонуть, его не волновало.

Но есть и другой уровень интерпретации. В логике абьюзивных отношений такие эпизоды служат проверкой границ: насколько далеко можно зайти? Что она готова терпеть? Каждое пройденное испытание поднимает планку следующего. Людмила не утонула, не устроила скандал, не ушла – значит, можно продолжать.

Примечательно, как сама Людмила описывает свое состояние: «с ужасом поняла», «не могла понять, каким образом добралась». Это язык диссоциации – психика отключается в момент запредельного стресса, действия совершаются автоматически, без участия сознания. Она выжила не благодаря навыкам, а вопреки обстоятельствам.

Путин же воспринял ее выживание как результат, а не как чудо.

Прошла – значит, годится. Не прошла бы – значит, не судьба. В этой жесткой селекции нет места заботе о партнере. Есть только отбор на соответствие его требованиям. И Людмила этот отбор прошла ценой того, что научилась не ожидать защиты от человека, который должен был ее обеспечить.

Брак как деловая сделка

После трех лет таких «ухаживаний» Путин решил жениться. Но даже предложение руки и сердца прозвучало как деловое уведомление: «Ну вот дружок, ты знаешь мой характер, он достаточно тяжелый, и сейчас в принципе ты должна определиться в жизни, предлагаю тебе выйти за меня замуж».

Стоит вслушаться в эти слова. «Дружочек». Не «любимая», не «родная». Дистанцирующее обращение, которое ставит барьер между говорящим и адресатом. «Ты знаешь мой характер» – не извинение, а констатация: я такой, меняться не собираюсь, принимай как есть. «Ты должна определиться». Не он предлагает ей счастье, а она должна принять решение, устраивает ли ее такая жизнь. Вся конструкция фразы снимает с него ответственность за будущее: он честно предупредил – дальше ее выбор и ее проблемы. Никаких объяснений в любви, никаких романтических слов. Никакого «я хочу быть с тобой», «ты мне нужна», «я счастлив рядом с тобой». Вместо этого честное предупреждение о том, что жизнь будет тяжелой. Предложение, которое звучит почти как отговаривание.

Сам Путин объяснял это решение с поразительной откровенностью: «Продолжались эти встречи долго, года три, наверное. Мне уже было 29 лет, и я привык все планировать. Да и друзья стали говорить: «Слушай, прекращай ты, давай женись». Но я и сам понял, что если не женюсь еще года два-три, то не женюсь никогда».

В этом объяснении Людмила отсутствует полностью. Она не упоминается ни как причина, ни как ценность. Есть возраст – 29 лет. Есть привычка планировать. Есть мнение друзей. Есть расчет – если не сейчас, то никогда. Женидьба предстает как пункт в списке дел, который пора закрыть. Как социальная галочка, необходимая для карьеры офицера КГБ.

Почему именно Людмила?

Не потому что любил.

Не потому что не мог без нее жить.

А потому что она прошла трехлетний отбор. Доказала, что способна терпеть. Не ушла после унижений. Не утонула с ружьем. Не устроила сцену после полуторачасовых опозданий. Она была не избранницей сердца, а победительницей конкурса на выживание.

Ирен Питч, близкая подруга Людмилы Путиной, точно определила суть происходящего: «Владимир Владимирович словно совершал сделку: подробно объяснил будущей жене, что ее ждет. Думаю, что это точно был не эмоциональный союз. Скорее продуманный и логичный».

В психологии такой тип отношений называется инструментальным. Партнер воспринимается не как субъект с собственными потребностями, а как средство достижения целей – социальных, бытовых, репродуктивных.

Любовь в этой схеме не предусмотрена, потому что любовь предполагает уязвимость, а уязвимость для Путина – синоним слабости. Он мог позволить себе жену. Но не мог позволить себе любить.

30 лет эмоционального вампиризма

Брак, начавшийся как сделка, продолжался как система эмоциональной эксплуатации. Путин воспроизводил в семье ту же модель отношений, которую усвоил в детстве: полный контроль через эмоциональную недоступность.

«Злило и обижало и было совершенно непонятно, почему Владимир Владимирович мог сказать, что будет, допустим, в девять вечера, и не прийти в это время, – вспоминала Людмила. – Но и это еще полбеды. Муж никогда не перезванивал, чтобы сообщить, на сколько задерживается... Все три часа я не могла найти себе места, я ждала. А ведь нет ничего томительнее, чем ждать и догонять... Я только и делаю, что жду его».

Три года ухаживаний научили Людмилу ждать. Тридцать лет брака превратили ожидание в образ жизни. Тот же паттерн, та же динамика – только теперь узаконенная штампом в паспорте. Муж приходит когда хочет, не звонит, не предупреждает, не извиняется. Жена ждет, волнуется, подстраивается. Ее время принадлежит ему. Ее планы

зависят от его настроения. Ее эмоциональное состояние определяется тем, соизволит ли он появиться.

В этой асимметрии – суть их отношений. Он свободен, она привязана. Он непредсказуем, она должна быть всегда готова. Он может опоздать на три часа без последствий, она не смеет уйти без разрешения. За три десятилетия такой жизни Людмила пришла к формулировке, которая точнее любого диагноза: «К сожалению, мой муж вампир».

Метафора, выбранная ею, заслуживает внимания. Вампир питается чужой жизненной силой. Он берет ничего не отдавая. Он существует за счет жертвы, которую постепенно опустошает. Людмила тридцать лет обеспечивала Путину тыл: стабильность, уют, детей, образ семьянина для публики. Она отдавала внимание, заботу, годы своей жизни. Взамен получала холод и отсутствие.

Для Путина жена выполняла функцию. Создавала быт. Воспитывала дочерей. Поддерживала имидж. Ее собственные потребности в близости, в разговорах, в тепле в эту схему не входили. Она была нужна как элемент конструкции, а не как человек. Такое же отношение распространилось и на дочерей. Мария и Екатерина Путины – одна из самых охраняемых тайн режима. Их лица были скрыты, жизнь засекречена, существование официально почти не признавалось. Отец прятал их от мира с той же тщательностью, с какой прячут компромат. На первый взгляд, это можно воспринять как заботу о безопасности. При ближайшем рассмотрении же мы видим просто тотальный контроль над тем, что он считает своей собственностью. Дочери для него – это продолжение его самого, а не отдельные люди со своими судьбами.

«Отец нации» воспроизвел в своей семье ту же модель, которую получил от собственного отца. Эмоциональная закрытость. Физическое отсутствие. Неспособность к близости. Дети, которые растут рядом с ним, но без него. Цикл повторяется: травма передается из поколения в поколение, и каждое следующее поколение платит по счетам предыдущего.

Развод как политический театр

Когда в 2013 году супруги Путины объявили о разводе, это стало не только концом брака, но и началом новой политической игры. Тридцать лет совместной жизни завершились коротким объявлением в антракте балета публично, на камеру, с отрепетированными репликами. Сам выбор места и формата показателен: даже интимный момент разрыва был превращен в медийное событие, управляемое и срежиссированное.

Официальная версия звучала деликатно и обтекаемо: «цивилизованный развод», «взаимное решение», «сохранение теплых отношений». Но государственные СМИ тут же предложили интерпретацию, которая расставила акценты нужным образом.

«Сам Путин за годы, что он занимает пост президента, очень сильно изменился... Супруга Владимира Владимировича не вытянула роли первой леди государства», – транслировал ТВЦ.

Обратим внимание на конструкцию: он изменился, вырос, стал больше – она не вытянула, не справилась, не соответствовала. Вина возложена на жену с хирургической точностью. Путин предстает человеком, который перерос свой брак, поднялся на высоту, недоступную для спутницы. Людмила стала балластом, который пришлось сбросить.

Эта схема в точности воспроизводит динамику, заложенную еще при первой встрече с его матерью: «Она ничего, но у него уже была другая Люда, хорошая девочка». Женщина всегда на испытательном сроке, всегда должна доказывать соответствие, и всегда может оказаться «недостаточно хороша». Через тридцать лет та же логика: не он оказался неспособен к близости, она оказалась недостойна его уровня.

Психологически здесь работает классический механизм проекции собственной неполноценности. Путин, неспособный к эмоциональной близости, выстраивает нарратив, в котором проблема – в партнере. Не он холоден – она не смогла его согреть. Не он отсутствовал – она не сумела его удержать. Ответственность за провал отношений полностью экстернализируется.

Одновременно запускался второй нарратив, компенсаторный: «Еще к одной из версий развода Путина относят вероятность того, что президент просто увлекся другой женщиной... Ходят слухи, что той самой разлучницей стала Алина Кабаева».

Медиа с энтузиазмом подхватили тему: «Слухам о ее отношениях с Путиным уже много лет. Утверждается также, что бывшая спортсменка родила главе государства двух детей».

Слухи о Кабаевой – это прикрытие. Альфа-маскулинное прикрытие для человека, чей брак рухнул после тридцати лет эмоционального вампиризма. Мужчина за шестьдесят, который разводится после трех десятилетий совместной жизни, рискует выглядеть неудачником, человеком, потерпевшим крах в личной жизни.

Но мужчина, который уходит к молодой красивой любовнице, олимпийской чемпионке, гибкой гимнастке, женщине на тридцать лет моложе, – это совсем другая история. Это история победителя, альфа-самца, мужчины в расцвете сил.

Это прикрытие было особенно важно в контексте соперничества с харизматичными западными лидерами.

Стареющий диктатор нуждался в образе мужчины, способного заменить одну женщину на другую – молодую, красивую, спортивную. Кабаева в этой конструкции – не столько реальная женщина, сколько символ. Символ мужской состоятельности, сексуальной потенции, способности привлекать молодых и красивых. Для лидера, чья легитимность во многом построена на образе «настоящего мужика», такой символ критически важен.

Но и здесь проявляется характерный для Путина механизм – одновременная игра в жертву. Официальная позиция настаивала на «взаимном решении». Не он бросил жену – они «разошлись». Не он разрушил семью, а просто она «исчерпала себя». Путин, инициировавший развод, позиционировался так, будто обстоятельства сложились помимо его воли.

Эта двойственность «я ушел к молодой красавице» и одновременно «я не виноват, так получилось» отражает глубинный внутренний конфликт. С одной стороны, потребность в нарциссическом триумфе: я могу получить любую женщину. С другой – страх ответственности и осуждения: я не хочу выглядеть тем, кто причиняет боль. Он хочет быть и победителем, и жертвой одновременно.

Показательно, что слухи о Кабаевой никогда не были ни подтверждены, ни опровергнуты официально. Эта неопределенность поддерживается сознательно. Она позволяет извлекать выгоду из образа, не неся за него ответственности. Путин получает репутационные дивиденды от слухов о молодой любовнице, но формально остается вне упреков, ведь он ничего не подтверждал.

Идеальное прикрытие: все преимущества мачо-имиджа без необходимости за него отвечать.

За всем этим медийным спектаклем скрывается простая психологическая реальность: человек, неспособный к близости, выстроил тридцатилетний брак на эксплуатации и холоде, довел жену до фразы «мой муж вампир», а затем представил произошедшее так, будто проблема была в ней, а он – жертва обстоятельств или, наоборот, триумфатор, покоривший новую вершину. Все что угодно, только не честное признание собственной эмоциональной несостоятельности.

Проповедь того, чего нет

Развод 2013 года совпал по времени с резким поворотом государственной идеологии. В том же году Госдума приняла первые законы о защите «традиционных ценностей». Путин, только что похоронивший собственный тридцатилетний брак, превратился в главного проповедника семейных устоев. Человек, чья жена публично назвала его вампиром, начал учить страну, как правильно любить.

Это совпадение не случайно. В психологии такой механизм

называется реактивным образованием – защита, при которой неприемлемые чувства или качества трансформируются в свою противоположность. Чем острее внутренний дефицит, тем громче внешняя компенсация. Путин, неспособный выстроить здоровые отношения в собственной семье, превратил «семейные ценности» в государственную идеологию. Он требует от миллионов того, чего сам не смог дать одной женщине.

Тридцать лет брака, построенного на контроле, эмоциональной эксплуатации и холоде, и вот этот человек проповедует уважение, заботу и верность. Он знает о здоровых отношениях только то, что сам никогда не мог их создать. И именно этот дефицит он теперь компенсирует, навязывая стране идеализированный образ семьи.

Отец, сделавший собственных дочерей государственной тайной, объясняет народу важность семейных уз. При этом сами дочери живут под такой завесой секретности, что их существование годами ставилось под сомнение. Для Путина они не самостоятельные люди со своими судьбами, а продолжение его самого – объекты владения, которые должны быть скрыты от посторонних глаз, как швейцарские счета или недвижимость приближенных.

Путин проецирует на общество те ценности, которых сам был лишен в детстве и которые не смог создать во взрослой жизни. Холодная коммуналка в Басковом переулке, нелюбящие и холодные родители, выгоревшие после войны и блокады, семья, где близость воспринималась как слабость, все это сформировало человека с глубоким эмоциональным дефицитом. Этот дефицит он теперь компенсирует через государственную политику, навязывая стране идеализированный образ того, чего никогда не имел.

«Традиционные ценности» в его исполнении – это инструмент контроля. Государство получает право вмешиваться в спальни граждан, определять, кого можно любить, как можно жить, что можно говорить детям. Семья превращается в продолжение властной вертикали: муж – маленький диктатор, жена – покорная подчиненная,

дети – послушные исполнители воли старших. Та самая модель, которую Путин выстроил в собственном браке, возводится в государственный идеал.

Но проекция идет глубже. Его эмоциональная неспособность к близости распространяется на всю страну. Россия при Путине – это общество разорванных связей. Общество, где донос на соседа становится нормой, где дружба рискованна, где откровенность опасна. Общество, построенное по образцу путинского брака: без доверия, без тепла, без подлинной близости. Только функции, только расчет, только вечное ожидание: придет ли хозяин, в каком он будет настроении. Людмила тридцать лет ждала мужа, который опаздывал на три часа без предупреждения. Россия ждет своего диктатора – его решений, его настроения, его милости или гнева. Та же динамика, тот же эмоциональный вампиризм, только в масштабах страны. Сто сорок миллионов человек в роли жены, которая «только и делает, что ждет».

История брака Путина – это матрица, по которой строится государство. Внутренняя холодность становится официальной атмосферой. Фасадные отношения становятся нормой публичной жизни. Эмоциональная эксплуатация становится принципом управления. Человек, не сумевший построить одну семью, взялся строить «семью народов» с предсказуемым результатом.

В следующей главе мы увидим, как та же психология проявляется в отношении Путина к собственному телу. Еще одна сфера, где личные комплексы становятся политическим инструментом, а внутренняя неуверенность требует все более гротескной компенсации.

Глава 4

Маленький человек

Конец 2000-х – начало 2010-х. Российские СМИ фиксируют странное явление: лицо Путина начинает меняться. Исчезают нависшие веки, разглаживаются морщины, появляется неестественная гладкость. Официально об этом не говорят, но специалисты видят очевидное: систематические пластические операции. Впервые в истории глава ядерной державы превращает собственное лицо в поле битвы со временем.

Но лицо лишь начало.

Тело Владимира Путина в целом давно перестало быть просто биологическим фактом. Оно стало политическим проектом – инструментом компенсации глубинных психологических травм и способом конструирования образа «вечного лидера».

Лицо корректируется хирургически: инъекции ботокса, подтяжки, устранение нависших век. Торс демонстрируется публично: рыбалка без рубашки, верховая езда, заплывы в ледяной воде. Два фронта одной войны – с собственной уязвимостью.

По крайней мере, так было до начала 2020-х. Затем спектакли маскулинности прекратились, а компенсация приняла другие формы, но об этом позже. Сначала разберемся, как формировались эти комплексы.

Маленький человек с большими комплексами

Рост Путина 170 сантиметров по официальным данным. Независимые наблюдатели, сопоставлявшие его фигуру с ростом других политиков на совместных фотографиях, называют цифры от 165 до 168 сантиметров. Сам он никогда публично не называл свой рост, тема, очевидно, болезненная.

В России, где средний рост мужчины составляет 176 сантиметров, Путин объективно ниже большинства окружающих. Для человека с его психологической структурой, травмированного в детстве, выросшего в атмосфере дворовой иерархии, где физическая сила определяла статус, – этот факт не мог остаться нейтральным.

Психоаналитик Альфред Адлер, которого мы уже упоминали в связи с детскими травмами Путина, описал механизм, напрямую применимый к этой ситуации. Адлер ввел понятие «органической неполноценности» – реального или воспринимаемого физического недостатка, который становится источником глубокого психологического дискомфорта.

Человек с органической неполноценностью стоит перед выбором: принять свою особенность или компенсировать ее, иногда до степени гиперкомпенсации.

Путин выбрал второй путь. Причем компенсация пошла по всем возможным направлениям одновременно.

Первое и самое очевидное – специальная обувь. На официальных фотографиях Путин почти всегда носит ботинки с заметно утолщенной подошвой и скрытым каблуком, добавляющие несколько сантиметров роста. Кремлевский протокол тщательно выстраивает мизансцены публичных мероприятий, чтобы минимизировать невыгодные сравнения с более высокими собеседниками.

Второе – физическая форма. Путин фанатично занимался спортом с подросткового возраста. Дзюдо, плавание, тренажерный зал – все это не просто хобби, а систематическая работа над телом, попытка превратить его из источника стыда в источник гордости. Невысокий рост компенсировался мускулатурой, выносливостью, спортивными достижениями.

Третье – и самое важное – власть. Наполеон I Бонапарт, которого часто вспоминают в связи с «комплексом маленького человека», компенсировал невысокий рост завоеванием Европы. Путин компенсирует его контролем над крупнейшей страной мира и самым

большим ядерным арсеналом на планете. Но, как и в случае с Наполеоном I, одной власти оказывается недостаточно: она требует постоянного подтверждения. Таким подтверждением становится война. Наполеон I расширял свою империю военными походами, Путин – военными авантюрами в Чечне, Грузии, Сирии и Украине. В этой логике территория становится продолжением тела. Чем больше пространство, находящееся под контролем, тем больше (в психологическом смысле) кажется фигура правителя.

Но так бывает не у всех. Президент Соединенных Штатов Америки Франклин Рузвельт, прикованный к инвалидной коляске, не боялся близкого контакта с собеседниками и не нуждался в демонстрациях физической силы. Премьер-министр Соединенного Королевства с 1940-го по 1945 год во время Второй мировой войны и с 1951-го по 1955 год Уинстон Черчилль, невысокий и полный, не избегал фотографий рядом с более высокими лидерами.

Подлинная политическая сила и личная уверенность не требуют компенсации. Комплекс неполноценности – не следствие физических особенностей. Это следствие психологической травмы.

Лицо как маска: хроника хирургических вмешательств

Трансформация путинского лица происходила поэтапно как реализация долгосрочного проекта по созданию «лица власти».

Первый этап – блефаропластика (конец 2000-х).

До вмешательства у Путина были характерные возрастные признаки в области глаз: нависшие верхние веки, придававшие взгляду усталость, и мешки под глазами. После операции картина изменилась: верхние веки открылись, исчезло нависание, разгладились мешки. Это не результат отдыха и не игра света, а результат хирургии.

Глаза – зеркало души, говорит народная мудрость. Их коррекция несет глубокий психологический смысл. Уставший взгляд выдавал внутреннее напряжение, бремя власти, человеческую уязвимость.

Второй этап – ботулинотерапия (начало 2010-х).

Если раньше на его лбу были заметны глубокие горизонтальные морщины, то теперь лоб стал визуально плотным, гладким и неподвижным. Подвижность бровей снизилась, взгляд стал ледяным.

Это результат ботулинотерапии – инъекций ботулотоксина, парализующего мимические мышцы. Ботокс – это не просто косметическая процедура, а фактическое химическое лишение лица способности к спонтанному выражению эмоций. Власть не должна морщиться, вздрагивать, сомневаться. Ее лицо должно быть непроницаемым.

Третий этап – филлеры и объем (середина 2010-х).

В средней зоне лица в области скул и щек появился дополнительный объем. Скулы стали выраженными, плотными, контур лица – более собранным и подтянутым. Это явные признаки введения дермальных филлеров на основе гиалуроновой кислоты. Создание искусственных объемов стало попыткой компенсировать потерю естественной полноты лица, неизбежную с возрастом. Но результат получился противоположный: вместо эффекта омоложения возникло ощущение застывшей маски.

Четвертый этап – хирургический лифтинг (конец 2010-х – начало 2020-х).

Финальным аккордом стала подтяжка нижней части лица – создание четкой линии подбородка и жесткого контура нижней челюсти, несвойственных человеку его возраста.

К 2026 году лицо 73-летнего Путина превратилось в хирургическую конструкцию – застывшую маску с неподвижными глазами, искусственно раздутыми скулами, неестественно гладким лбом.

Зигмунд Фрейд в работе «О нарциссизме» описал механизм, который объясняет эту одержимость внешностью: когда реальное «я» травмировано и неприемлемо, психика создает идеальное «я» –

грандиозный образ, призванный компенсировать внутреннюю пустоту.

У Путина этим идеальным образом стал вечно молодой альфа-самец, неподвластный времени.

В свою очередь Жак Лакан развил эту концепцию в теории «зеркальной стадии»: субъект формируется через идентификацию с идеализированным отражением. Путинское зеркало показывает ему не реального человека, а сконструированный образ власти: гладкий, неподвижный, лишенный человеческих слабостей.

Но за этой нарциссической конструкцией скрывается тот же травмированный мальчик из ленинградской коммуналки, которого мы видели в предыдущей главе. Мальчик, который так и не смог принять собственную уязвимость.

Теория проблемной маскулинности

Для понимания путинского культа тела необходимо обратиться к исследованиям проблемной маскулинности – направлению в психологии и социологии, изучающему патологические формы мужской идентичности.

Альфред Адлер и маскулинный протест

Австрийский психоаналитик первым системно исследовал феномен «маскулинного протеста» – патологической потребности доказывать свою мужественность через демонстративную агрессию и доминирование.

Комплекс неполноценности, по Адлеру, возникает в детстве из-за переживаний слабости, унижения и беспомощности. Мы подробно описали эти переживания в главе о детстве: физическая слабость в агрессивной дворовой среде, эмоциональная заброшенность в семье, унижения из-за бедности и низкого статуса.

Гиперкомпенсация – попытка психики справиться с комплексом неполноценности через чрезмерное развитие противоположных качеств. По этому поводу Адлер писал: «Чем сильнее чувство неполноценности, тем сильнее стремление к превосходству». Но эта компенсация носит невротический характер, она не устраняет исходную проблему, а лишь маскирует ее все более отчаянными способами.

У Путина гиперкомпенсация проявлялась в нескольких формах:

Культ физической силы: от детского увлечения дзюдо до демонстративных спортивных «достижений» в зрелом возрасте.

Демонстративная брутальность: от жестких высказываний («мочить в сортире», «замучаетесь пыль глотать») до систематического использования криминального жаргона («десятка ломится»).

Накопление символов власти: от роскошных резиденций и часов за сотни тысяч долларов до контроля над крупнейшим ядерным арсеналом.

Ритуализованное доминирование: от систематических опозданий на встречи с мировыми лидерами до унижительных процедур для подчиненных.

Адлер предупреждал об опасности невротической гиперкомпенсации: «Стремление к превосходству может принимать формы, разрушительные как для самого человека, так и для общества». В случае диктатора эта разрушительность приобретает масштабы национальной катастрофы.

Рэйвин Коннелл и гегемонистская маскулинность

Австралийский социолог в работе «Маскулинности» (1995) разработала теорию «гегемонистской маскулинности» – доминирующей модели мужского поведения, которая поддерживает патриархальный порядок через подавление альтернативных форм мужественности.

Путинская маскулинность представляет собой радикализированную форму гегемонистской маскулинности, основанную на четырех столпах:

Физическое доминирование как основа авторитета. Постоянная демонстрация силы, спорт как политический проект, культ армии и силовых структур.

Эмоциональная репрессия как признак силы: подавление «слабых» чувств (сострадания, сомнения, нежности), культ «железного» самоконтроля.

Агрессивная гетеронормативность: яростное утверждение гетеросексуальности как единственной нормы и жестокое подавление любых альтернатив.

Милитаризация как квинтэссенция мужественности: война и готовность убивать как высшее проявление мужского призвания.

Коннелл отмечала критически важную особенность: «Гегемонистская маскулинность не является нормальным состоянием мужчин. Она существует только в отношении к подчиненным маскулинностям». Путину постоянно нужны «неправильные» мужчины (геи, либералы, пацифисты, «предатели»), чтобы через контраст с ними подтвердить собственную «правильность». Особенно важен анализ Коннелл связи гегемонистской маскулинности с институциональным насилием: «Насилие становится ресурсом для поддержания доминирования, когда другие ресурсы (экономические, культурные, символические) становятся недоступными или неэффективными». И эта закономерность станет ключевой для понимания событий 2022 года.

Майкл Киммел и компенсаторная маскулинность

Американский социолог в работах «Мужественность в Америке» (2001) и «Гневные белые мужчины» (2013) исследовал феномен компенсаторной маскулинности – особого типа мужского поведения, направленного на восстановление утраченного или угрожаемого

чувства мужского превосходства. Киммел выделил ключевые характеристики компенсаторной маскулинности:

Ностальгия по золотому веку мужественности – идеализация прошлого, когда мужчины якобы имели неоспоримый авторитет. У Путина это проявляется в идеализации СССР и Российской империи.

Страх феминизации – паническая боязнь быть воспринятым как женственный, слабый или зависимый. Путин воспринимает любые проявления мягкости, компромисса, уступчивости как признаки слабости.

Агрессивная защита традиционных гендерных ролей: законы против «пропаганды нетрадиционных отношений», риторика о «традиционных ценностях», преследование представителей ЛГБТ.

Использование насилия как последнего аргумента: когда другие способы поддержания превосходства не работают, остается только сила.

Киммел сформулировал центральный парадокс: «Там, где мужественность нужно доказывать каждый день, ее просто нет». Подлинно уверенный в себе мужчина не нуждается в постоянном подтверждении своей мужественности через демонстрацию силы.

Гипермаскулинные спектакли: расцвет и закат

Вооруженные этим теоретическим аппаратом, мы можем переосмыслить путинские демонстрации обнаженного торса не как политический PR, а как невротические симптомы глубинной неуверенности в собственной мужской идентичности.

Фотосессии с обнаженным торсом, кадры рыбалки, охоты, верховой езды и плавание в ледяной воде представляли собой ритуализованную демонстрацию маскулинности. Но их навязчивый характер выдавал компенсаторную природу. По теории Адлера, чем больше

психической энергии тратится на доказательство чего-то, тем больше внутренних сомнений в этом существует.

Эти кадры были не случайны и не спонтанны. Они были полностью постановочными и несли четкое семиотическое послание: этот мужчина – альфа, доминант, лидер стаи. Обнаженный торс, ныряние за амфорами, хоккей, дзюдо – все это элементы сконструированного образа, призванного демонстрировать силу и мужественность.

Психологически показательное изменение характера этих демонстраций с возрастом. В 2000-е годы это были относительно естественные сцены активного отдыха президента средних лет. К 2010-м они превратились в откровенно постановочные спектакли с профессиональными фотографами и режиссерами.

Согласно исследованиям Коннелл, такая эскалация демонстративности указывает на прогрессирующий кризис гегемонистской маскулинности: когда традиционные источники мужского авторитета (молодость, физическая сила, сексуальная привлекательность) объективно исчезают, компенсаторные попытки их воссоздания становятся все более отчаянными.

Спортивные постановки: от фантазий к фарсу

В 2000-е годы это были реальные тренировки. Путин действительно занимался дзюдо с детства и имел черный пояс.

К 2010-м спорт превратился в постановку. Хоккейные матчи Ночной хоккейной лиги, где российский диктатор забивал по 8–10 голов за игру против соперников, которые специально пропускали его атаки. Показательные поединки по дзюдо, где спарринг-партнеры послушно падали от его приемов. Фотосессии, где каждый кадр выверен командой политтехнологов.

Киммел писал о подобных явлениях: «Компенсаторная маскулинность часто принимает форму регрессивного возвращения к детским фантазиям о всемогуществе и непобедимости». Взрослый мужчина

создает искусственную игровую ситуацию, где все должны ему поддаваться и восхищаться, – это не признак силы, а свидетельство глубокой психологической инфантильности.

А затем спектакли прекратились. Фотосессии с торсом исчезли из информационного пространства. Хоккейные матчи становились все более редкими. Показательные поединки по дзюдо прекратились вовсе.

Что же произошло?

70-летний человек, как бы он ни старался, не может убедительно изображать молодого альфа-самца. Забивать голы в ворота, которые специально открывают, – не победа, а самообман. И где-то на подсознательном уровне Путин это понял. Тело как инструмент компенсации исчерпало себя. Но потребность в компенсации никуда не делась, она искала новый выход.

Тупик тела

К началу 2020-х Путин оказался в экзистенциальном тупике. Все методы телесной компенсации, которые работали десятилетиями, перестали функционировать.

Пластическая хирургия достигла предела возможного. Лицо превратилось в маску, но этим не обманешь никого, все видят стареющего человека, пытающегося выглядеть моложе. Каждая новая процедура лишь усугубляет гротеск. Спектакли маскулинности стали невозможны. Обнаженный торс в 70 лет вызывает не восхищение, а неловкость. Постановочные спортивные победы выглядят не героически, а жалко. Тело предает. Время побеждает. Альфа-самец стремительно стареет, и знает это. Каждое утро в зеркале он видит то, от чего не спасают ни хирурги, ни ботокс: дряхлеющее тело, уходящую силу. И это знание – самое разрушительное. Человек, построивший идентичность на физическом превосходстве, вынужден наблюдать, как это превосходство утекает, как песок сквозь пальцы.

Осознание собственного угасания не смиряет, а озлобляет. Чем очевиднее становится старение, тем отчаяннее потребность доказать обратное. Чем меньше реальной силы, тем больше нужно ее демонстрировать. Замкнутый порочный круг. Но потребность в компенсации никуда не делась. Травмированная психика требовала нового инструмента для поддержания грандиозного самоощущения. И этот инструмент был найден. Вспомним четвертый столп путинской маскулинности по Коннелл: милитаризация как квинтэссенция мужественности: война и готовность убивать как высшее проявление мужского призвания.

Когда тело перестает убеждать, остается последний аргумент – насилие. Когда спектакли силы становятся фарсом, остается реальная сила: армия, ракеты, война.

Коннелл предупреждала: «Насилие становится ресурсом для поддержания доминирования, когда другие ресурсы становятся недоступными или неэффективными». Именно это произошло в феврале 2022 года.

Но это уже тема другой главы.

Маска вместо лица

Тело диктатора – текст, написанный страхом. В нем зашифрованы все его комплексы, травмы и компенсации. Мальчик из ленинградской коммуналки, который стыдился своей бедности, вырос в человека, контролирующего крупнейшую страну мира. Но комплексы никуда не делись, они лишь масштабировались вместе с властью. Десятилетиями он боролся с собственным телом. Качал мышцы, чтобы компенсировать рост. Делал пластику, чтобы остановить время. Демонстрировал торс, чтобы доказать мужественность. Ни один из этих методов не сработал. Тело все равно постарело. Время все равно победило. Уязвимость никуда не делась. За хирургически созданной гладкостью скрывается не сила, а паника. За демонстративной маскулинностью – глубокая неуверенность. За контролем над образом – потеря контроля над сущностью. Человек, который всю жизнь боялся

показать свое настоящее лицо, в итоге лишился его. Осталась только маска: застывшая, неподвижная, нечеловеческая. И когда и это перестало работать, он нашел другой способ компенсации – более разрушительный, более смертоносный, более окончательный.

В следующей главе мы рассмотрим еще одно проявление путинской травмированной психики – его страхи и то, как трусость компенсируется жестокостью.

Глава 5

Трус

Страхи, паранойя и жестокость как компенсация

4 апреля 2025 года. Вечер. Кривой Рог, Украина. Дети играют на детской площадке в центре жилого микрорайона. Трехлетний Тимофей возвращается домой с бабушкой. Пятнадцатилетние Данила и Алина – на свидании. Никита и его двоюродный брат Костя гуляют вместе. В 19:00 баллистическая ракета «Искандер-М» поражает дом и находящуюся рядом детскую площадку. Специальная боевая часть с воздушным подрывом, чтобы осколки накрыли максимальную площадь, чтобы погибло как можно больше людей. Девять детей погибают на месте или умирают в больницах в течение следующих часов. Тимофею было три года. Арине и Радиславу – семь. Герману – девять. Даниле, Никите, Алине – пятнадцать. Константину – шестнадцать. Еще одному Никите – семнадцать. Погибли двадцать человек. Семьдесят пять ранены, включая двенадцать детей.

Верховный комиссар ООН по правам человека Фолькер Тюрк назвал эту атаку самой смертоносной для детей за все время войны.

В тот момент, когда ракета убивала детей в Кривом Роге, человек, несущий прямую ответственность за ее запуск, находился в полутора тысячах километров от места удара. В подземном бункере. За многоуровневой системой ПВО. Под охраной более пятидесяти тысяч сотрудников Федеральной службы охраны (личной армии, превосходящей по численности вооруженные силы многих европейских государств). Владимир Путин отдал приказ бить ракетами по жилым кварталам украинских городов, убивать тех, кто не мог защититься, – детей, женщин, стариков. А сам в это время находится в абсолютной безопасности. При всей немыслимой

жестокости и наплевательском отношении к жизни других людей российский диктатор панически боится за свою собственную жизнь.

Казалось бы парадокс.

Но трусость и жестокость здесь не противоречат друг другу, они связаны. И чтобы понять эту связь, нам придется обратиться к нескольким психологическим теориям, каждая из которых освещает феномен с разных сторон.

Масштаб жестокости

Прежде чем перейти к теории, зафиксируем факты. Девять детей, погибших 4 апреля в Кривом Роге, – не исключение и не трагическая случайность. Это часть систематической стратегии.

По данным Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, с начала полномасштабного вторжения в Украину российская армия убила более семисот украинских детей. Это целая школа – от первоклассников до выпускников. Более двух тысяч детей ранены, многие стали инвалидами. Сотни тысяч получили психологические травмы на всю жизнь.

Официально подтвержденное число погибших мирных жителей превышает четырнадцать тысяч. Реальная цифра, по различным оценкам, может достигать семидесяти-восемидесяти тысяч. В украинском реестре пропавших без вести – более семидесяти тысяч человек. Их нет ни среди живых, ни среди мертвых. Когда российские войска уничтожали Мариуполь квартал за кварталом, десятки тысяч людей были погребены под завалами собственных домов. Разрушено или повреждено более двухсот тридцати тысяч зданий. Два с половиной миллиона единиц жилья превращены в руины. Почти двести медицинских учреждений уничтожены полностью, полторы тысячи повреждены. Более четырех тысяч школ и детских садов пострадали от обстрелов. Российская армия целенаправленно уничтожает гражданскую инфраструктуру, не военные объекты, а критическую инфраструктуру и мирных жителей. Школы, в которых

дети могли сидеть за партами и мечтать о будущем. Больницы, где врачи борются за жизни пациентов, поликлиники, куда люди приходят с надеждой на выздоровление. Детские дома, ставшие единственным убежищем для сирот, уже однажды потерявших все. Дома престарелых, где доживают свой век старики. Жилые кварталы, где семьи строят свой быт, растят детей, празднуют дни рождения и встречают Новый год. Все это методично превращается в руины по приказу человека, который сам прячется в бункере за тысячу километров от ближайшего взрыва.

Анатомия страха

Официальные сведения о численности Федеральной службы охраны засекречены. Однако бывший руководитель Службы безопасности президента Александр Коржаков в 2016 году назвал цифру: около пятидесяти тысяч человек. При Ельцине было тринадцать тысяч. Увеличение почти в четыре раза.

Для сравнения: регулярная армия Дании – пятнадцать тысяч человек. Армия Норвегии – тридцать три тысячи. Армия Бельгии – двадцать пять тысяч. У Путина личная охрана больше, чем вооруженные силы этих не самых маленьких и весьма богатых европейских государств.

Но дело не только в количестве. ФСО контролирует все пространство вокруг Путина. Это государство в государстве со своим бюджетом, своими подразделениями, своей инфраструктурой и практически неограниченными полномочиями. Когда Путин передвигается по российским городам, целые районы замирают за несколько часов до его проезда. Перекрываются улицы, останавливается движение, и в разгар рабочего дня центральные магистрали миллионных городов превращаются в пустыню – ни машин, ни пешеходов, только оцепление и ожидание, пока проедет кортеж. ФСО превращает их в города-призраки.

Журналисты-расследователи обнаружили, что Путин создал три абсолютно идентичных рабочих кабинета в разных резиденциях:

Ново-Огарево, Валдай, Сочи. Одинаковая мебель, одинаковое расположение предметов, одинаковые шторы, одинаковый фон для съемок. Цель – сделать невозможным определение его реального местонахождения по телевизионной картинке. Также была обнаружена целая система подземных бункеров: резиденции под землей с многоуровневой защитой и автономными системами жизнеобеспечения, рассчитанные на месяцы изолированного существования. На их строительство ушли десятки миллиардов рублей из государственного бюджета.

Во время пандемии паранойя достигла пика: двухнедельные карантинные для каждого, кто хотел попасть на прием, знаменитые переговорные столы длиной в десять и более метров, полный отказ от живых контактов. Человек, управляющий страной, боялся рукопожатия.

Путин крайне редко встречается с реальными людьми. Каждый человек, который оказывается в радиусе нескольких метров от него, проходит многоступенчатую проверку. Биография, связи, родственники, финансы, политические взгляды. Нет ни одного спонтанного контакта, ни одной неконтролируемой ситуации. «Случайные» встречи с «простыми людьми» (рыбаками, прихожанами, покупателями мороженого) это все постановки.

Журналисты и блогеры начали собирать коллекции таких «повторяющихся лиц» и обнаружили целую группу людей, которые регулярно появляются рядом с Путиным в разных ролях, – профессиональная массовка, изображающая народ.

Если собрать все вместе – три идентичных кабинета в разных концах страны, подземные бункеры на случай апокалипсиса, пятьдесят тысяч личной охраны, вымершие улицы городов при каждом визите, проверенные статисты вместо случайных прохожих, то получается картина, выходящая далеко за рамки разумных мер безопасности. Так ведет себя человек, для которого весь окружающий мир представляет смертельную угрозу.

Эрих Фромм: садомазохистский характер

Первый теоретический ключ к пониманию связи между трусостью и жестокостью дает немецко-американский психоаналитик Эрих Фромм. В 1941 году, наблюдая за подъемом нацизма, он опубликовал работу «Бегство от свободы», где описал психологические механизмы авторитарной личности. Фромм ввел понятие «садомазохистский характер» – типа личности, который одновременно стремится подчиняться высшей силе и садистически доминировать над слабыми. Садист и мазохист, по Фромму, – не противоположности, а два проявления одной и той же личности, которые могут сосуществовать в одном человеке и переключаться в зависимости от ситуации. При этом садист нуждается в объекте своего садизма так же сильно, как мазохист нуждается в господине. «Садист, при всей своей видимой власти над мазохистом, не свободен в выборе своих действий», – писал он. Оба связаны симбиотической зависимостью.

Фромм выделил три формы садистических тенденций:

Первая – стремление сделать других полностью зависимыми от себя, иметь над ними абсолютную власть, превратить их в «глину в руках гончара».

Вторая – импульс не просто контролировать, но эксплуатировать, использовать, «выпотрошить» другого человека, забрать у него все ценное (материальное и нематериальное).

Третья – желание причинять страдания или наблюдать страдания других.

Все три формы мы видим у Путина. Абсолютная власть над подчиненными, которых он унижает публично. Эксплуатация страны в качестве личного ресурса. И удары ракетами по детским площадкам.

Но ключевой вывод Фромма в другом. Садизм – это не проявление силы. Это проявление бессилия. «Импотенция – в широком смысле неспособность реализовать свои потенциалы – порождает садистическое стремление к доминированию», – писал он. Чем слабее

человек внутренне, тем сильнее его потребность властвовать над другими. Фромм анализировал Гитлера и обнаружил ту же структуру: человек, одержимый желанием подчинить себе весь мир, одновременно был «крайне зависим: зависим от одобрения масс, от одобрения своих советников, от того, что он называл высшей силой природы, истории и судьбы».

Путин демонстрирует идентичный паттерн. Жестокость к беззащитным и в то же время паническая забота о собственной безопасности. Показная сила и параноидальный страх. Воля к власти над миром и неспособность выйти из бункера.

Отто Кернберг: паранойя как компонент злокачественного нарциссизма

Второй теоретический ключ дает американский психиатр Отто Кернберг и его концепция злокачественного нарциссизма¹³ – синдрома, включающего нарциссическое расстройство личности, антисоциальные черты, параноидные тенденции и садизм.

Кернберг писал о синдроме, включающем нарциссическое расстройство личности, антисоциальные черты, параноидные тенденции и садизм. Для нашего анализа важен параноидный компонент. Ученый описывал его как хронический страх преследования, убежденность в том, что окружающие замышляют против тебя зло, и превентивную агрессию как реакцию на воображаемые угрозы. Логика параноидного мышления: «Все хотят меня уничтожить, поэтому я должен уничтожить их первым». Формально это выглядит как защита, но по сути является нападением, просто заранее оправданным «необходимостью обороны». Превентивный удар по тем, кто «мог бы» представлять угрозу.

Он подчеркивал: параноидные тенденции у злокачественных нарциссов усиливаются с возрастом и властью. Чем больше власти, тем больше потенциальных врагов. Чем больше врагов, тем сильнее

¹³ Кернберг О. Тяжелые расстройства личности (1984).

страх. Чем сильнее страх, тем жестче превентивная агрессия. Порочный круг, который невозможно разорвать изнутри.

Война против Украины идеально вписывается в эту модель. Украина не нападала на Россию. Украина не представляла военной угрозы. Но в параноидном восприятии Путина она «могла бы» стать угрозой в будущем. Она «могла бы» присоединиться к НАТО. Она «могла бы» стать успешной демократией, показывающей россиянам альтернативу. И этого было достаточно для превентивного удара.

То же относится к внутренним «врагам». Навальный и Немцов не представляли реальной угрозы путинской власти. Но они «могли бы» ее представлять. Они были альтернативой, другой моделью. И этого было достаточно.

Эдмунд Берглер: вытесненная уязвимость и компенсаторный садизм

Третий теоретический ключ – психоаналитик Эдмунд Берглер, к чьим концепциям мы уже неоднократно обращались. Здесь нас интересует еще один аспект его теории: связь между вытесненной уязвимостью и компенсаторным садизмом.

Берглер описывал тип личности, который воспринимает собственную уязвимость как невыносимую угрозу. Для обозначения этой структуры он использовал термин «гомосексуал в отрицании» не как характеристику сексуальной ориентации, а как описание человека, который отрицает и ненавидит в себе то, что воспринимает как «слабость», «женственность», «пассивность». Такой человек не может признать свой страх, свою зависимость от других, свою потребность в любви и принятии. Эти чувства вытесняются в бессознательное и замещаются демонстрацией противоположных качеств: агрессии, доминирования, жесткости.

Результат – то, что Берглер называл «психическим мазохизмом, перевернутым в садизм». Непереносимая внутренняя боль превращается в причинение боли другим. Вытесненный страх в

запугивание окружающих. Механизм здесь двойной: компенсация и проекция одновременно. Собственные невыносимые чувства переносятся вовне и приписываются жертвам. Теперь это они боятся, они страдают, они беспомощны. Он выделил ключевую характеристику такой личности: «смелость» проявляется только в ситуациях, где сам человек находится в полной безопасности. Он способен на агрессию только тогда, когда риск полностью переложено на других.

Это точное описание путинского поведения. Он «смел», когда отдает приказы на удары по детским площадкам из бункера. Он «смел» угрожая войной, зная, что воевать будут другие, а сам он останется в безопасности. Он «смел» в расправах с безоружными оппонентами: отравлениями, убийствами, тюрьмой. Но он не способен на встречу с реальным риском. Не способен на честное противостояние. Не способен оказаться в ситуации, где исход не предрешен заранее.

Мелани Кляйн: параноидно-шизоидная позиция

Четвертый теоретический ключ связан с работами британского психоаналитика Мелани Кляйн и ее концепцией параноидношизоидной позиции¹⁴. Это самая ранняя стадия психического развития, которую младенец проходит в первые месяцы жизни. Но некоторые взрослые застревают на ней или регрессируют к ней в условиях стресса.

Характеристики параноидно-шизоидной позиции:

Расщепление: мир делится на абсолютно хороших и абсолютно плохих. Нет полутонов, нет амбивалентности. Либо друг, либо враг.

Проективная идентификация: собственные непереносимые чувства (страх, ненависть, зависть) проецируются на других и воспринимаются как исходящие от них.

¹⁴ Кляйн М. Зависть и благодарность (1957).

Персекуторная тревога: хронический страх уничтожения со стороны «плохих» объектов.

Превентивное уничтожение: попытка уничтожить «преследователей» прежде чем они уничтожат тебя.

Путинская картина мира идеально соответствует этому описанию. Запад – абсолютное зло, империя лжи, которая хочет уничтожить Россию. Украина – не суверенное государство, а инструмент этого зла. Внутренние критики – не граждане с другим мнением, а предатели и пятая колонна. Собственный страх проецируется вовне: это не он боится – это Запад боится возрождения великой России. Это не он агрессор – это НАТО приближается к границам. Это не он нападает – это он защищается от угрозы.

И логический вывод из параноидно-шизоидной позиции: уничтожить преследователей, прежде чем они уничтожат тебя. Ударить первым. Превентивная война против угрозы, которая существует только в параноидном воображении.

Синтез: механизм трусливой жестокости

Четыре теоретических подхода – Фромм, Кернберг, Берглер, Кляйн – освещают один и тот же феномен с разных сторон. И все они сходятся в главном: жестокость к беззащитным и страх за собственную жизнь – не противоположности, а две стороны одной психологической структуры.

Механизм работает следующим образом: Глубинный страх и ощущение собственной уязвимости невыносимы для нарциссической личности. Признать их – значит разрушить грандиозный образ себя. Поэтому они вытесняются и компенсируются демонстрацией противоположного: силы, власти, контроля. Но вытесненный страх никуда не девается. Он проецируется вовне – на врагов, которые якобы угрожают. Чем сильнее внутренний страх, тем больше внешних врагов обнаруживается. Единственный способ справиться с проецированным страхом – уничтожить его носителей. Отсюда превентивная агрессия:

удар по тем, кто «мог бы» представлять угрозу. Убийство тех, кто вызывает тревогу одним фактом своего существования.

Но агрессия порождает реальных врагов. Те, кого ты убиваешь, имеют родственников, друзей, соотечественников. Каждый удар создает новых людей, которые хотят отомстить. И страх усиливается. Порочный круг замыкается: больше страха – больше агрессии, больше реальных врагов – еще больше страха. Выхода изнутри не существует. Только эскалация.

Асимметрия как условие «смелости»

Есть еще одна закономерность, которую отмечали все упомянутые теоретики: такой тип личности способен на агрессию только в условиях гарантированной асимметрии. Только когда риск полностью переложен на других.

В декабре 2024 года Путин предложил Украине то, что назвал «высокотехнологичной дуэлью XXI века». Суть предложения: Россия бьет ракетой «Орешник» по Киеву, а Украина пытается ее сбить. Он назвал это «экспериментом», который будет «полезен» обеим сторонам.

В классической дуэли два человека выходят на поле с одинаковым оружием и оба рискуют жизнью. В путинской «дуэли» заряженный пистолет только у него. У противника лишь право уворачиваться от пуль. И сам он при этом находится в полутора тысячах километров от места «поединка». В такой конфигурации отсутствует сама идея дуэли: риск полностью исключен для одной стороны и целиком возложен на другую. И предложить такое мог только человек, для которого «смелость» возможна исключительно в условиях собственной полной безопасности.

Сравните с поведением лидеров, которые не были трусами. Уинстон Черчилль во время немецких бомбежек оставался в Лондоне под бомбами. Владимир Зеленский с первых дней вторжения остается в Киеве и вместе со своим народом переживает российские воздушные

атаки. Французский президент Шарль де Голль, возглавляя движение Сопротивления, лично взял на себя риск открытого противостояния нацистской Германии, понимая, что в случае поражения его ждет смерть.

Подлинная смелость связана с готовностью принять риск на себя. Путинская «смелость» выражается в поведенческой стратегии прятаться от риска, перекладывая его последствия на окружающих.

Постановочная храбрость

Трус нуждается в демонстрации храбрости, иначе его трусость станет очевидной. Но демонстрация возможна только в контролируемых условиях, где риск заранее исключен.

Мы уже разбирали в предыдущей главе путинские спектакли маскулинности: постановочный хоккей, где его соперники специально пропускают голы; показательные поединки по дзюдо, где спарринг-партнеры послушно падают; фотосессии с обнаженным торсом, где каждый кадр выверен профессионалами, а съемка ведется снизу, чтобы «мачо» визуально казался выше и мощнее. Та же логика переносится и в политическую практику: агрессивная риторика и демонстративная брутальность допускается лишь полной уверенностью в полной личной безопасности, ядерные угрозы – только при гарантии отсутствия ответа, а призывы «мочить в сортире» – исключительно в отношении тех, кто уже схвачен и не способен ответить.

В январе 2025 года Путин заявил, что «Россия готова к войне с Европой прямо сейчас». Он хотел выглядеть уверенным, хладнокровным, готовым к решительным действиям.

Но кто именно «готов»?

Не он сам. Он, как и всегда, спрячется в бункере, за спинами десятков тысяч сотрудников личной охраны, в полутора тысячах километров от линии фронта, под защитой полуторамиллионной армии. Не его ближайшее окружение (их семьи и активы находятся в той самой

Европе, и ни один из этих людей, равно как и их близкие, гарантированно не окажется на линии огня). «Готовы» будут только мобилизованные из российской глубинки, которых никто не спросит и, как это водится в российской армии, отправят умирать в мясных штурмах. Путин готов отправлять на смерть других. Сам же он не готов рискнуть ничем.

Параллель

В 1992 году маньяк Андрей Чикатило, совершивший пятьдесят два убийства, был приговорен к смертной казни. Два года он ждал расстрела в одиночной камере, подав на обжалование приговор.

Что он делал каждое утро? Зарядку. Заботился о своем здоровье. Психиатры отмечали: никаких угрызений совести, никаких переживаний о жертвах. Только забота о собственном физическом состоянии. Человек, убивший десятки людей, хотел прожить как можно дольше и надеялся на смягчение смертного приговора, надеялся на лучшее.

Путин развязал войну, унесшую сотни тысяч жизней. На его совести в десятки тысяч раз больше смертей, чем у Чикатило.

И что он делает?

Занимается физкультурой. Плавает. Регулярно проходит медицинские обследования. Передвигается в сопровождении личных врачей.

На прямой вопрос журналиста о том, изменил бы он свое решение, если бы имел возможность вернуться в февраль 2022 года, Путин ответил отрицательно. Более того, он заявил, что не только не отказался бы от начала так называемой «СВО», но считает ошибкой лишь то, что вторжение не было начато раньше и не было лучше подготовлено.

Здесь проявляется одна и та же психологическая структура: крайняя фиксация на собственной физической сохранности при полном обесценивании жизней других. Чужая смерть не вызывает чувства

вины и не становится предметом внутреннего переживания, тогда как забота о собственном теле и здоровье приобретает навязчивый, почти маниакальный характер.

Чикатило воспринимал себя как исключительную фигуру и был полностью изолирован от реальности страданий своих жертв. Путин мыслит себя великим историческим деятелем и столь же радикально отделен от реальности массового уничтожения людей, совершаемого его армией в Украине, войны, по масштабу насилия и числу жертв ставшей крупнейшей в Европе со времен Второй мировой и сопровождающейся признаками геноцидальной политики.

Трус у власти

Трусость сама по себе не редкость и не преступление. Большинство людей испытывают страх, и в этом нет ничего патологического. Проблема возникает, когда трус получает абсолютную власть.

Трус у власти – самый опасный тип диктатора. Потому что у него нет внутренних тормозов. Нет ограничений, которые накладывает способность поставить себя на место жертвы. Нет эмпатии, которая могла бы остановить руку. Храбрый человек способен уважать противника. Трус – нет. Для него противник существует только как объект уничтожения, источник угрозы, который нужно устранить.

Храбрый человек способен принять поражение. Трус – нет. Для него поражение равно уничтожению, поэтому он будет эскалировать до последнего. Храбрый человек способен на компромисс. Трус – нет. Для него любая уступка – признак слабости, приглашение к атаке.

Все что мы видим в путинской политике (от ударов по детским площадкам до ядерного шантажа) – это поведение человека, который панически боится и компенсирует свой страх жестокостью к тем, кто не может ответить.

Мальчик из ленинградской подворотни, который научился выживать через агрессию к слабым и подчинение сильным. Офицер КГБ, который усвоил, что безопасность достигается через контроль и

устранение угроз. Диктатор, который построил систему абсолютной личной защиты и использует ее для уничтожения беззащитных.

Трус, который боится всего, и поэтому готов убить любого.

В следующей главе мы рассмотрим еще один механизм путинской психологической защиты – патологическую ложь и ее функцию в поддержании его картины мира.

Глава 6

Лжец

Патологическая ложь как способ существования

Трус не может позволить себе видеть реальность такой, какая она есть. Мир, в котором он живет, переполнен угрозами, опасностями, врагами – реальными и воображаемыми. Каждый факт потенциально разрушителен, каждая правда способна обнажить слабость, которую он так тщательно скрывает. Психика нуждается в защите от этой невыносимой реальности, и такую защиту обеспечивает ложь.

Однако речь идет не о той лжи, которую обычно имеют в виду, говоря о политиках. Тактический обман, манипуляция общественным мнением, сокрытие неудобных фактов – все это инструменты, которыми пользуются государственные деятели во всем мире.

Путинская ложь представляет собой нечто принципиально иное: систематическое искажение реальности, которое начинается сознательным обманом ради конкретных целей, а заканчивается как единственно возможный способ существования. Чтобы понять природу этой лжи, необходимо обратиться к нескольким теоретическим традициям, каждая из которых освещает разные грани такого явления.

Ханна Арендт: ложь как разрушение самой способности к истине

В своей работе «Истоки тоталитаризма» Ханна Арендт¹⁵ описала механизм, который отличает тоталитарную ложь от обычного политического обмана.

Традиционный лжец скрывает правду, но при этом сам прекрасно знает, что является правдой, а что – вымыслом. Граница между ними

¹⁵ Арендт Х. Истоки тоталитаризма (1951).

остаётся четкой, и именно эта граница позволяет манипулировать информацией.

Тоталитарная ложь работает иначе: её цель состоит не в сокрытии конкретных фактов, а в разрушении самой способности отличать истину от вымысла.

Арендт показала, что тоталитарные режимы создают мир, в котором «все возможно и ничто не истинно». Пропаганда не пытается убедить – она стремится дезориентировать. Когда человек сталкивается с потоком взаимоисключающих версий одного и того же события, он в конечном счете перестает искать правду и смиряется с тем, что правды как таковой не существует. Именно это смирение и является целью.

Российская пропагандистская машина воспроизводит этот механизм с пугающей точностью. После крушения малайзийского «Боинга» МН17 над Донбассом в июле 2014 года российские государственные СМИ выдали десятки версий произошедшего: украинский истребитель сбил самолет; украинская зенитная ракета; провокация западных спецслужб; самолет был заполнен трупами еще до вылета. Версии противоречили друг другу, но это было неважно. Задача состояла не в том, чтобы какая-то из них стала общепринятой, а в том, чтобы сама идея установления истины выглядела бессмысленной.

Арендт предупреждала: когда общество утрачивает способность к различению истины и лжи, оно становится беззащитным перед любыми манипуляциями. Люди, которые больше не верят ничему, готовы поверить чему угодно. Цинизм, порожденный тотальной ложью, оказывается не защитой от нее, а питательной средой.

Патологическая лживость: когда ложь становится компульсией

Клиническая психология давно выделяет особый тип лжи, который получил название «псевдология фантастика» – патологическая лживость. В отличие от обычного обмана, который служит конкретным целям и прекращается, когда цель достигнута, патологическая ложь обладает компульсивным характером: человек

продолжает врать даже тогда, когда это не приносит ему никакой выгоды и иногда причиняет вред.

В 2005 году исследователи Университета Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе опубликовали результаты первого нейровизуализационного исследования патологических лжецов¹⁶. Ученые сравнили структуру мозга двенадцати патологических лжецов с мозгом двадцати одного человека из контрольной группы, не склонного к систематической лжи, и шестнадцати человек с антисоциальными чертами, но без патологической лживости.

Результаты оказались поразительными. В префронтальной коре мозга патологических лжецов – области, отвечающей за планирование, принятие решений и социальное поведение, – обнаружилось на 14,2% меньше серого вещества (нейронов) и на 22% больше белого вещества (нервных волокон, обеспечивающих связи между нейронами). Исследователи предположили, что увеличенный объем белого вещества может облегчать процесс конструирования лжи, делая его более автоматическим, менее затратным с когнитивной точки зрения. Ложь для таких людей требует меньше усилий, чем для обычного человека.

Патологический лжец отличается от обычного еще одной важной чертой: он вживается в собственную ложь. Обычный лжец сохраняет внутреннюю дистанцию между собой и своим вымыслом – он знает, что врет. Патологический лжец эту дистанцию утрачивает. Он настолько погружается в создаваемый им нарратив, что начинает воспринимать его как реальность. Граница между тем, что было на самом деле, и тем, что он рассказывает, постепенно стирается.

Большинство психиатров связывают патологическую лживость либо с глубинными психическими расстройствами, либо с хронически низкой самооценкой, которую человек пытается компенсировать через создание альтернативной, более приемлемой версии себя и своей

¹⁶ Янг Ю., Рейн А., Нарр К. и др. Префронтальное белое вещество у патологических лжецов (2005).

жизни. Ложь становится способом существования в мире, который иначе был бы невыносим.

Нарциссическая функция лжи

Эдмунд Берглер, чью теорию мы уже использовали для анализа путинской психодинамики, предлагает еще один ключ к пониманию патологической лжи – ее связь с нарциссической структурой личности.

Для нарцисса ложь выполняет жизненно важную функцию: она защищает грандиозный образ себя от столкновения с реальностью, которая этому образу не соответствует. Важно понять специфику нарциссической лжи. Нарцисс не врет в обычном смысле слова, его психика автоматически перестраивает восприятие реальности так, чтобы оно соответствовало внутреннему образу грандиозного «я».

Там, где обычный человек признал бы ошибку, нарцисс искренне не видит никакой ошибки. Там, где другой заметил бы собственную слабость, нарцисс видит проявление силы. Искажение происходит на уровне восприятия, а не на уровне сознательного решения солгать. Этот механизм объясняет парадокс, который ставит в тупик многих наблюдателей путинского режима: почему диктатор продолжает утверждать очевидно ложные вещи, когда вся имеющаяся информация их опровергает? Ответ состоит в том, что для него это не ложь в субъективном смысле. Его психика уже переработала информацию таким образом, что она подтверждает его картину мира. Он не скрывает правду, а просто не воспринимает ее.

Берглер описал закономерность, которая проявляется с пугающей последовательностью: чем сильнее реальность противоречит грандиозному образу, тем интенсивнее работает механизм искажения. Мелкие расхождения между «я» и реальностью еще могут быть проигнорированы. Но когда разрыв становится катастрофическим, когда армия, называющая себя второй в мире, терпит поражение за поражением, когда «пятая в мире» экономика, разваливается из-за санкций, когда война длится годами вместо трех дней, психика

вынуждена работать на пределе своих защитных возможностей. Ложь становится все более масштабной, все более оторванной от реальности, потому что только такая ложь способна удержать грандиозное путинское «я» от разрушения.

Защитные механизмы на службе лжи

Психоаналитическая традиция описала несколько защитных механизмов, которые обеспечивают функционирование патологической лжи. В предыдущей главе мы рассматривали эти механизмы в контексте страха и жестокости. Здесь важно показать, как они работают в контексте искажения реальности.

Проекция позволяет приписывать другим собственные мысли, чувства и намерения. Путин систематически обвиняет Запад, Украину, оппозицию в том, что делает сам. Он говорит о «западной агрессии», при этом сам начиная вторжение в независимое государство. Он обвиняет Украину в военных преступлениях, при этом сам осуществляя массовые убийства мирных жителей. Он называет оппонентов «лжецами» и «манипуляторами», сам будучи патологическим лжецом. Проекция создает зеркальный мир, в котором жертва становится агрессором, а агрессор – жертвой.

Рационализация обеспечивает конструирование «разумных» объяснений для иррациональных действий.

Война, развязанная из-за параноидного страха и нарциссической травмы, получает «рациональное» обоснование: «денацификация», «защита русскоязычного населения», «противодействие расширению НАТО на восток». Разрушение собственной экономики объясняется «созданием суверенной экономической модели». Международная изоляция преподносится как «освобождение от западной зависимости». Каждое катастрофическое последствие получает благозвучное название, которое превращает провал «в достижение». Вытеснение обеспечивает исчезновение невыносимой информации из сознания. Миллион погибших и тяжело раненных российских военных

превращается в государственную тайну: цифры засекречены, статистика фальсифицирована, сама тема табуирована. Разрушенные украинские города преподносятся как «освобожденные территории», а документальные свидетельства жертв среди мирного населения и разрушений жилых кварталов отвергаются как «постановки киевского режима».

Экономические показатели, свидетельствующие о надвигающейся катастрофе, перестают публиковаться: Росстат закрывает доступ к данным, методики расчета меняются так, чтобы цифры выглядели приемлемо, а любые негативные тенденции объясняются «адаптацией к новым условиям».

Вытеснение работает избирательно: информация, подтверждающая грандиозный образ, проходит; информация, ему противоречащая, блокируется на подступах к сознанию.

Наконец, инверсия реальности – механизм, который систематически переворачивает значения. Поражение представляется победой. Отступление называется «перегруппировкой». Провал блицкрига объявляется «изначальным планом». Изоляция превращается в «суверенитет». Деградация преподносится как «развитие».

Инверсия создает параллельный мир, в котором все знаки меняют свои значения на противоположные.

Конфабуляции: когда ложь становится памятью

Особое место в путинской лжи занимают конфабуляции – ложные воспоминания о событиях, которых не было, сопровождающиеся полной уверенностью в их реальности.

В отличие от сознательной лжи, конфабуляция не предполагает намерения обмануть: человек искренне верит в то, что рассказывает, потому что его память сконструировала эти «воспоминания» для заполнения пробелов в нарративе, необходимом психике.

Путин многократно ссылается на «устные договоренности Горбачева с западными лидерами о нерасширении НАТО». Эти договоренности стали одним из центральных элементов его исторического нарратива, обоснованием претензий к Западу и в конечном счете – одним из оправданий войны. Проблема в том, что никаких таких договоренностей не существовало. Историки проанализировали все доступные документы и стенограммы переговоров того периода; никаких обязательств относительно нерасширения НАТО зафиксировано не было. Более того, само предположение о том, что судьбоносные геополитические решения могли быть приняты в форме устных договоренностей, не зафиксированных документально, противоречит элементарной дипломатической практике и международному праву.

Тем не менее Путин продолжает повторять эту версию с такой убежденностью, которая свидетельствует не о сознательной манипуляции, а о подлинной вере. Его психика сконструировала «воспоминание», которое объясняет мир так, как ему нужно: Запад нарушил обещания, Россия стала жертвой обмана, все последующие действия – лишь справедливый ответ на предательство. Конфабуляция заполнила пробел в нарративе, сделав его внутренне непротиворечивым.

Другой пример – утверждение о том, что «Украина исторически не существовала как государство». Путин развивает этот тезис в своих статьях и выступлениях с академической обстоятельностью, ссылаясь на исторические источники и выстраивая сложную аргументацию. При этом украинская национальная идентичность документирована на протяжении столетий, украинский язык и культура существовали задолго до формирования современных национальных государств, а попытки имперского Петербурга, а затем Москвы подавить украинскую идентичность сами по себе свидетельствуют о ее реальности.

Однако для Путина его версия истории является не интерпретацией, которую можно оспорить, а установленным фактом, в котором он

абсолютно уверен. Это и есть конфабуляция: не сознательное искажение, а реконструкция прошлого в соответствии с психологическими потребностями настоящего. История переписывается не для пропаганды (хотя используется и в этих целях), а так, как того требует пошатнувшаяся психика диктатора.

Эволюция: от инструмента к патологии

Анализ путинской лжи на протяжении двадцати пяти лет позволяет выделить три стадии ее эволюции, каждая из которых характеризуется качественно иным отношением к реальности.

Первая стадия охватывает примерно 2000–2010 годы и может быть названа периодом инструментальной лжи. На этом этапе Путин использует ложь как обычный политический инструмент: он знает правду, сознательно ее скрывает и контролирует процесс.

Ложь о гибели подводной лодки «Курск» в августе 2000 года – характерный пример. Путин знал, что экипаж погиб, но продолжал утверждать, что связь с подводниками поддерживается. Он знал истинные причины катастрофы, но скрывал их. Это была циничная, расчетливая ложь, направленная на избежание ответственности.

Таким же образом функционировала ложь о конституционных ограничениях. В 2003 году Путин заявлял, что «отрицательно» относится к возможности увеличения президентских сроков и категорически против того, чтобы «кто бы то ни было нарушал Конституцию». В 2005 году он говорил: «Я свою задачу вижу не в том, чтобы вечно сидеть в Кремле». При этом уже тогда он выстраивал механизмы, которые позволят ему остаться у власти бессрочно. Это была сознательная ложь человека, который точно знает свои намерения и умышленно их скрывает.

Вторая стадия – примерно 2010–2020 годы – характеризуется превращением лжи в государственную систему. Ложь перестает быть индивидуальным инструментом и становится принципом

функционирования всего государственного аппарата. Создается параллельная реальность, альтернативная версия событий, которая тиражируется пропагандистской машиной. При этом граница между правдой и ложью для самого Путина еще сохраняется: он знает, что «вежливые люди» в Крыму – российские военные, хотя публично это отрицает. Он знает, что малайзийский «Боинг» сбит российской ракетой, хотя государственные СМИ генерируют десятки альтернативных версий.

Характерная черта этого периода – отложенное признание. Ложь используется тактически: отрицание продолжается до тех пор, пока правда представляет угрозу, после чего следует признание, которое преподносится как демонстрация силы. В марте 2014 года Путин отрицал присутствие российских войск в Крыму; год спустя он признал это с очевидной гордостью. Признание пришло, когда аннексия стала свершившимся фактом и правда перестала быть опасной.

Третья стадия начинается около 2020 года и продолжается по сей день. Она характеризуется утратой самой способности различать правду и вымысел. Путин, по всей видимости, искренне верил, что Киев падет за три дня. Он был убежден, что украинская армия не станет сопротивляться, а население встретит российские войска как освободителей. Он ожидал, что Зеленский сбежит из страны, а Запад ограничится ритуальными протестами. Все это было не пропагандой для внешнего потребления – это была его реальная картина мира, на основании которой принимались стратегические решения.

Когда эти ожидания рухнули в первые же дни войны, психика, судя по всему, не смогла интегрировать новую информацию. Вместо признания ошибки и коррекции курса последовало усиление искажения реальности. Военные неудачи объяснялись предательством, западная помощь Украине – агрессией, сопротивление украинцев – результатом зомбирования.

Произошел качественный сдвиг в самом механизме восприятия. Если раньше реальность пусть с трудом, пусть через сопротивление – все же могла вносить поправки в его картину мира, то теперь эта способность утрачена. Картина мира стала первичной: она определяет, какие факты допускаются к восприятию, а какие отбрасываются как ложь, провокация, происки врагов.

Сегодня Путин утверждает, что российская экономика растет рекордными темпами, Запад находится на грани краха, а Россия одерживает победу за победой. Все это произносится с убежденностью, которая свидетельствует о подлинной вере. Диктатор живет в мире, который сам сконструировал, и у него, по-видимому, не осталось инструментов для проверки этой конструкции на соответствие реальности.

Ложь как принцип отбора

Патологическая ложь диктатора создает специфическую институциональную среду, в которой готовность врать становится критерием отбора. Каждый чиновник, каждый министр, каждый губернатор сталкивается с необходимостью повторять фразы, хотя знает, что они ложные. Отказ означает конец карьеры, согласие же – публичное отречение от реальности.

В сентябре 2022 года пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков на вопрос о возможной мобилизации ответил категорически: «В настоящий момент нет, об этом речь не идет». Через восемь дней Путин объявил мобилизацию. Когда журналисты напомнили Пескову о его словах, он начал объяснять, что его спрашивали про «полную мобилизацию», а речь идет о «частичной», а это «принципиально разные вещи».

Весь мир слышал и видел его предыдущее заявление. Он сам знал, что солгал. Журналисты знали. И тем не менее он продолжал защищать очевидную ложь, нагромождая новые искажения. Для Пескова иная линия поведения уже невозможна – он слишком давно и слишком

глубоко встроен в путинскую систему лжи, чтобы позволить себе честность.

Многие журналисты на его месте не смогли бы так себя вести, и именно поэтому они никогда не оказались бы на его месте. Система отбирает тех, для кого ложь не создает внутреннего конфликта, и отсеивает всех остальных.

Представители МИД во главе с Сергеем Лавровым хором утверждают, что Россия не наносит ударов по гражданским объектам, в то время как весь мир видит кадры ракетных обстрелов жилых кварталов и похороны украинских детей.

Мария Захарова с невозмутимым видом рассуждает об экономическом крахе Европы, якобы вынужденной экономить даже на рождественской иллюминации, в то время как в самой России за 2025 год произошло свыше четырех тысяч отключений электричества.

Каждый из них знает, что заведомо говорит неправду. Но именно готовность говорить очевидную ложь и является условием сохранения позиции в системе.

Такой механизм отбора запускает процесс, который в организационной психологии называется негативной селекцией. Система постепенно вытесняет людей с высокой толерантностью к когнитивному диссонансу – тех, для кого разрыв между знанием правды и необходимостью произносить ложь создает невыносимое внутреннее напряжение.

На их место приходят люди с иной психической организацией: либо способные к глубокой компартиментализации – изоляции противоречивых убеждений друг от друга, либо те, кто искренне интернализировал официальную картину мира и уже не воспринимает ее как ложь. В результате наверху оказываются либо циники, для которых слова не имеют связи с реальностью, либо люди, утратившие способность эту связь отслеживать.

В результате диктатор оказывается в информационном коконе собственного производства. Ему докладывают то, что он хочет услышать. Данные, противоречащие официальной картине, отфильтровываются на подступах. Аналитики, которые могли бы предупредить о проблемах, либо уволены, либо научились молчать. Обратная связь, необходимая для корректировки курса, перестает функционировать.

Возникает парадокс: система, построенная на лжи для защиты диктатора, начинает обманывать самого диктатора. Он становится заложником механизма, который сам создал. Мир, существующий в его представлении, все больше расходится с миром реальным, и у него не остается способов обнаружить это расхождение.

Почему ложь разрушает систему

Государство, управляемое человеком, который утратил связь с реальностью, лишается способности к адаптации. Решения принимаются на основе искаженной информации и ведут к результатам, которые не предвидел никто, включая самого принимающего решения. Ошибки не признаются и не исправляются, поскольку признание ошибки несовместимо с нарциссической структурой личности. Каждое следующее решение – это попытка исправить последствия предыдущего провала, но и оно основано на той же искаженной картине мира.

Элиты видят расхождение между декларируемой реальностью и реальностью фактической. Генералы знают истинные потери. Экономисты понимают реальное состояние финансов. Дипломаты осознают степень международной изоляции. До определенного момента это знание остается приватным, так как каждый держит его при себе, опасаясь последствий откровенности.

Но накопление расхождений между официальной версией и очевидными фактами создает напряжение, которое рано или поздно должно разрядиться.

Мятеж Евгения Пригожина в июне 2023 года был, помимо прочего, публичным заявлением о том, что «король-то голый». Пригожин открыто сказал то, что знали многие, но боялись произнести: военное командование врет о положении на фронте, решения принимаются на основе ложных докладов, система не способна к честной самооценке. Мятеж был подавлен, Пригожин погиб, но информация, которую он озвучил, никуда не делась. Она продолжает циркулировать в элитах, подрывая остатки доверия к официальной картине мира.

Наконец, реальность обладает свойством, которое не поддается отмене никакими пропагандистскими усилиями: она наступает. Можно врать о победах, но солдаты возвращаются домой в цинковых гробах, и их матери знают правду. Можно врать об экономическом росте, однако инфляция съедает зарплаты, и это отражается на покупательской способности простых граждан. Можно врать о международном уважении, тем не менее визовые ограничения, санкции и конфискованные активы говорят сами за себя. Иллюзия может существовать долго. Но не вечно. Рано или поздно разрыв между декларируемой реальностью и реальностью фактической становится настолько велик, что его невозможно игнорировать. Система, построенная на лжи, лишена механизмов мягкой коррекции, ее ждет только катастрофическое обрушение.

В следующей главе мы рассмотрим другой механизм, тесно связанный с ложью, но представляющий собой самостоятельный феномен: проекцию вины. «Нас вынудили», «Запад не оставил нам выбора», «Мы только защищаемся» – эти формулы не просто лживы, они выполняют особую психологическую функцию переноса ответственности, которая заслуживает отдельного анализа.

Глава 7

Проекция: «Нас вынудили»

Проекция – один из фундаментальных защитных механизмов психики, описанных Зигмундом Фрейдом в начале XX века. Суть проста: человек приписывает другим то, что не может признать в себе самом. Нежелательные импульсы, неприемлемые чувства, постыдные желания – все это психика выталкивает вовне и размещает на внешних объектах. Вместо «я ненавижу» возникает «меня ненавидят», вместо «я агрессивен» появляется «мир полон агрессии против меня», вместо «я виноват» рождается «меня обвиняют несправедливо».

Проекция выполняет защитную функцию: она снимает невыносимое внутреннее напряжение, перемещая его источник во внешний мир. Человек избегает встречи с собственными неприемлемыми частями личности, проецируя их на окружающих. Это происходит бессознательно, так как человек искренне верит, что угроза исходит извне, а не изнутри.

Для авторитарной личности проекция становится не эпизодической защитой, а тотальным способом существования. Весь мир делится на «своих» и «чужих», на «жертв» и «агрессоров», и в этом делении собственная агрессивность неизменно оказывается спроецированной вовне. Авторитарная личность видит враждебность повсюду именно потому, что не способна признать собственную враждебность. У Путина проекция работает на всех уровнях: от личного взаимодействия до геополитики. И главная его формула – «нас вынудили».

Механизм перекладывания вины

«Это не мы – это они». Эта фраза проходит красной нитью через все публичные высказывания Путина за последние двадцать пять лет.

«Кто виноват в войне? Запад вынудил».

«Кто виноват в санкциях? Запад изолировал».

«Кто виноват в экономическом кризисе? Запад душил санкциями».

«Кто виноват в репрессиях? Запад финансирует оппозицию». Ответственность за любые действия, любые последствия, любые провалы всегда перекладывается вовне. Психика систематически совершает одну и ту же операцию: вместо признания собственного авторства событий возникает конструкция вынужденности, реактивности, защиты от внешней угрозы.

Почему?

Потому что для нарциссической личности признание вины равнозначно признанию несостоятельности. Вина означает ошибку, ошибка означает слабость, слабость означает крах грандиозного образа самого себя. Нарцисс не может допустить, что он чего-то не рассчитал, не предвидел, неправильно оценил ситуацию. Любое признание ошибки угрожает целостности его «я».

В нормальной психике вина выполняет важнейшую функцию роста. Человек, способный признать вину, может осознать ошибку, извлечь урок, изменить поведение. Вина ведет к покаянию, покаяние – к исправлению, исправление – к развитию. Это механизм психологической зрелости.

Но у нарциссической личности вина невыносима. Она не может быть переработана, интегрирована, осмыслена. Она слишком разрушительна для хрупкого грандиозного «я». Поэтому психика совершает мгновенную операцию: вина проецируется вовне. «Виноват не я – виноваты они». Это моментальное снятие напряжения через перенос источника боли на внешний объект.

И чем больше реальных оснований для вины, тем интенсивнее проекция.

Путин развязал войну, которая привела к сотням тысяч жертв, экономическому краху, международной изоляции. Масштаб

катастрофы огромен, и вина за нее невыносима. Признать ее – значит признать собственную чудовищность. Поэтому психика работает на полную мощность: «Это не я начал войну – нас вынудили».

Проекция вины становится не защитным эпизодом, а постоянной операцией, базовой структурой мышления. Мир в этой структуре устроен так, что Россия оказывается вечной жертвой обстоятельств, и когда Путин говорит «Россия», он имеет в виду себя. Страна обороняется от угроз, реагирует на давление, отвечает на агрессию, то есть это он сам обороняется, реагирует, отвечает. Инициатива всегда принадлежит другим, он лишь вынужден действовать... неохотно, защищаясь, не имея выбора.

Запад как экран проекции

Для того чтобы проекция работала, нужен объект – некий внешний экран, на который можно поместить все вытесненное. У Путина таким экраном стал «Запад». Обратите внимание, как он говорит о Западе. Не как о дифференцированной реальности с разными странами, разными политиками, разными интересами, а как о едином аморфном объекте: «они». Америка, Европа, НАТО – все сливается в одно враждебное целое, лишенное внутренних различий. И этот «Запад» обладает всеми качествами, которые Путин не может признать в себе самом.

Отсутствие демократии.

Путин обвиняет Запад в том, что там выборы нечестные, все куплено, нет настоящей демократии, народовластия и свободы слова. При этом в России выборы давно превратились в имитацию, независимых кандидатов не допускают до участия в них, результаты фальсифицируются, политических оппонентов уничтожают. Но вместо признания этого факта возникает проекция: «У них тоже нет демократии, значит, мы не хуже».

Агрессивность.

Путин говорит: Запад навязывает свои ценности силой, вмешивается в дела других стран, устраивает «цветные революции». При этом именно Россия ведет захватническую войну, аннексирует территории, силой навязывает «русский мир» соседним государствам, ведет гибридную войну против демократических стран. Собственная агрессия проецируется на внешний объект и воспринимается как западная агрессия против России.

Цензура и репрессии.

Путин обвиняет Запад в «отмене культуры», преследовании инакомыслящих, тотальной цензуре. При этом именно в России людей сажают за комментарии в соцсетях, признают террористами за антивоенную позицию, блокируют независимые СМИ, запрещают мессенджеры, отключают интернет. То, что невыносимо признать в себе, он видит у других.

Безнравственность.

Особенно показательна его навязчивость в разговорах о «моральном разложении Запада». Права ЛГБТ, гендерное равенство, свобода выбора образа жизни – все это Путин называет «извращением», «развращенностью», «деградацией». И говорит об этом с истеричностью, которая выдает не идеологическую позицию, а личную одержимость.

Почему тема ЛГБТ вызывает у него такую реакцию? Потому что она напрямую касается его собственного вытесненного конфликта. Путин – человек, у которого все построено на подавлении собственных импульсов, поскольку считает их неприемлемыми. Психолог Эдмунд Берглер в отношении таких людей применил термин «гомосексуал в отрицании» – личность, которая строит всю свою идентичность на яростном отвержении того, что подавляет в себе.

Психосексуальную динамику Путина мы подробно рассмотрим в следующей главе, но здесь важно понимать главное: любое напоминание о существовании людей, которые живут в соответствии со своей природой, вызывает у него невыносимую тревогу, на

подавление которой он тратит много внутренней энергии. То, что он запрещает себе, он объявляет запретным для всех. То, что он ненавидит в себе, он пытается уничтожить вне себя. Поэтому «безнравственность Запада» в его речи – это вообще не про Запад. Это способ вывалить на него свои собственные страхи, свои собственные импульсы – все то, что он не может признать в себе и проецирует наружу.

Параноидальная структура: мир как угроза

Проекция у Путина не ограничивается переносом отдельных качеств. Она создает целостную параноидальную картину мира, в которой внешняя реальность воспринимается как тотальная угроза.

Параноидальная личность не может видеть мир как сложную, многофакторную, неоднозначную систему. Мир должен быть устроен просто: есть враги, которые замышляют зло. Любая неудача объясняется их происками, любой конфликт – их кознями, любая критика – их заговором.

Для Путина «Запад» – не просто геополитический оппонент. Это экзистенциальный враг, который «спит и видит, как уничтожить Россию». У него есть план. Он действует координированно. Он использует всех: оппозицию, НКО, СМИ, соседние страны как инструменты агрессии против России.

Эта конструкция дает несколько психологических выгод сразу.

Во-первых, она дает объяснение всему происходящему.

Экономический кризис перестает быть результатом плохого управления – он становится заговором против России.

Политическая изоляция объясняется не собственными действиями, а враждебной осадой.

Война затягивается не из-за просчетов, а потому что Запад помогает Украине. Один большой понятный враг превращает хаос в простую схему, где все имеет причину, и эта причина всегда внешняя.

Во-вторых, она дает оправдание любым действиям. Когда враг окружает со всех сторон, любые меры против него выглядят необходимыми. Репрессии превращаются в защиту от «пятой колонны». Цензура становится борьбой с вражеской пропагандой. Война оформляется как превентивная самооборона. Агрессия получает моральное основание.

В-третьих, она обеспечивает героизацию. Когда весь мир против тебя, а ты держишься, ты уже не диктатор, а герой. Когда тебя пытаются уничтожить, а ты сопротивляешься, ты не тиран, а спаситель. Параноидальная картина мира превращает агрессора в мученика, а преступления – в подвиг. И наконец, она дает смысл существованию. Жизнь получает высшую цель: борьба с мировым злом. Власть перестает быть просто властью, она становится миссией. Политика превращается в служение. Диктатура преподносится как жертвенное стояние на защите цивилизации.

А без врага вся конструкция рухнет. Потому что если признать, что врага нет или что он не настолько всемогущ и враждебен, как утверждается, тогда придется признать, что проблемы находятся внутри системы. Следовательно, экономический крах вызван не санкциями, а коррупцией и неэффективностью управления.

Политическая изоляция стала следствием не заговора, а собственной агрессии.

Война провалилась не из-за западной помощи Украине, а из-за чудовищных просчетов, некомпетентности и безумия самой идеи нападения на соседнюю страну, которая никогда не угрожала и не провоцировала агрессию.

А если проблемы внутри системы – значит, система не работает. А если система не работает – значит, виноват тот, кто ее создал и единолично управляет ею. Значит, виноват сам диктатор. Признание

этого факта разрушает весь нарциссический образ «великого лидера», «спасителя», «геостратега». Вместо героя вырисовывается некомпетентный и безумный разрушитель. Вместо спасителя – главный виновник и источник практически всех бед.

Поэтому враг Путину жизненно необходим. Не как реальная геополитическая угроза, а как психологическая опора, на которой держится вся его структура самовосприятия. Без внешнего врага он остается один на один с собственной несостоятельностью. С провалом всего, что он строил. С чудовищностью того, что он совершил. Враг – это единственное, что позволяет ему не встретиться с этой реальностью.

Травма 1991 года как источник проекции

Почему именно «Запад» стал главным объектом проекции? Почему не Китай, не исламский мир, не какая-то другая сила? Ответ – в личной травме, которую Путин пережил на рубеже 1980-х и 1990-х годов.

1989 год. Дрезден. Путин служит офицером КГБ в Германской Демократической Республике. На его глазах рушится весь социалистический блок. Толпа штурмует здание Штази – восточногерманской службы безопасности, союзника и партнера КГБ. Путин звонит в Москву, требует подкрепления, просит инструкций. Ответа нет. «Москва молчит». Позже он опишет этот момент. Империя, которой он служил, которая казалась вечной и непобедимой, рухнула на его глазах. И он пережил это не как историческое событие, а как личное унижение, как предательство, как крах всего, что определяло его идентичность.

Затем наступил 1991 год. Распад Советского Союза. Событие, которое миллионы людей восприняли как освобождение, конец тоталитаризма, начало новой жизни, Путин же пережил совершенно иначе. Годы спустя он скажет: «Распад Советского Союза – крупнейшая геополитическая катастрофа века».

Обратите внимание на выбор слова: катастрофа. Не историческая неизбежность и не освобождение от диктатуры, а именно катастрофа.

Это слово выдает характер переживания. Для Путина распад СССР стал личным крушением, потерей статуса, значимости, идентичности, унижением перед лицом Запада, который «победил» в холодной войне, крахом всего, во что он верил и чему служил. КГБ из грозной мировой силы превратился в объект насмешек. Великая держава стала просить гуманитарную помощь. Офицеры спецслужб (представители элиты) оказались никем.

С тех пор каждый раз, когда Путин говорит о Западе, он обращается к тому Западу 1991 года, который в его восприятии «унизил» его и всю страну. Каждая фраза про «загнивающий Запад» становится запоздалым ответом тому Западу из прошлого, попыткой доказать, что на самом деле они не победили, что слабые не мы, а они, что мы поднялись с колен, а они деградируют.

Но чем больше он это повторяет, тем яснее становится: рана не зажила, травма не исчезла, она определяет его восприятие реальности и его действия. Проекция в этом смысле оказывается способом справиться с непереносимым чувством унижения, которое он испытал тогда и которое не может пережить, интегрировать, отпустить до сих пор.

Зависть и жажда реванша

Проекция часто маскирует зависть. Зигмунд Фрейд описывал механизм «амбивалентности вытесненного влечения»: объект, который восхищает и вызывает зависть, превращается в объект ненависти. Человек не может сказать «я им завидую», поэтому говорит «я их презираю».

Запад объективно богаче, успешнее, технологичнее России. ВВП на душу населения в США в шесть раз выше российского. Средняя зарплата в Германии в пять раз больше. Продолжительность жизни на десять лет дольше. Это неоспоримые факты, о которых Путин знает.

Но признать, что западная система эффективнее, означает признать собственную несостоятельность. Поэтому психика совершает защитный маневр: зависть превращается в презрение. «Они богаче, но духовно нищие. Они живут дольше, но бессмысленно. Они успешнее, но аморальны».

Формула работает так: если я не могу быть лучше их в реальности, я объявляю себя лучше их в том, что невозможно измерить и проверить. Материальное превосходство Запада – факт, от которого никуда не деться. Где произведен лучший автомобиль, какова продолжительность жизни, сколько зарабатывают люди – все это поддается измерению и сравнению. Скрыть разрыв невозможно.

Поэтому психика переносит конкуренцию в область нематериального, где можно объявить себя победителем без всяких доказательств. Духовность, традиционность, нравственность, жертвенность – все это категории, которые невозможно измерить объективно. О них можно говорить что угодно, и никто не сможет предъявить счетчик или статистику, опровергающую эти заявления.

Компенсация через проекцию работает именно так: то, чего я не имею и не могу получить, объявляется неважным или даже порочным. А то, что я могу себе приписать без риска быть уличенным во лжи (духовность, верность традициям, моральное превосходство), объявляется высшей ценностью.

При этом реальность совершенно иная. Россия не более духовна, чем европейские страны, достаточно посмотреть на уровень алкоголизма, домашнего насилия, коррупции. Она не более привержена традициям, традиционные семейные структуры разрушены, разводов больше, чем на «загнивающем Западе».

Но все это можно скрыть за красивыми словами о «традиционных ценностях», потому что проверить их наличие или отсутствие невозможно. Зато можно бесконечно повторять, что «у нас есть душа, а у них только деньги».

И вместе с завистью приходит жажда реванша. Месть – это попытка восстановить нарциссический баланс. Путину кажется, что Запад его лично унизил в 1991 году, и он мечтает унизить их в ответ. Только тогда, в его фантазии, рана закроется. Только тогда он почувствует себя полностью восстановившимся. Поэтому он не может перестать говорить о Западе, возвращается к этой теме снова и снова, даже когда его не спрашивают, даже когда разговор идет совсем о другом. Запад становится навязчивой идеей, от которой невозможно освободиться. Психологи называют это незакрытым гештальтом¹⁷ – ситуацией, которая не получила завершения и продолжает требовать внимания, энергии, возвращения к ней.

Травма 1991 года осталась непрожитой. Она не была интегрирована в опыт, не была осмыслена и отпущена. Она законсервировалась в психике как открытая рана, которая продолжает болеть спустя десятилетия. Обида не была отомщена, унижение не было компенсировано, во всяком случае в его восприятии. И пока мечь не свершилась, пока Запад не унижен так же, как был унижен он сам, гештальт остается открытым.

Проекция в этом смысле становится способом поддерживать обиду живой, не давая ей раствориться в прошлом. Каждое обвинение в адрес Запада подпитывает травму, каждая фраза про «загнивание» возвращает к изначальному унижению, каждое сравнение оживляет боль 1991 года. Вместо того чтобы пережить травму и двигаться дальше, психика застревает в ней, превращая всю последующую жизнь в попытку переписать прошлое, доказать, что поражение было не поражением, а унижением – не унижением.

Эксплуатация коллективной травмы

Личная травма Путина накладывается на коллективную советскую травму. Советский миф всегда строился на идее внешней угрозы: «Нас окружают враги», «Мы в кольце», «Весь мир против нас, но мы

¹⁷ Перлз Ф. Гештальт-подход и свидетель терапии. 1969.

стойкие». Эта схема пережила распад СССР, но укоренилась в коллективном сознании.

Путин эксплуатирует именно ее. Его личная обида на Запад за 1991 год становится понятной для тех, кто тоже пережил распад империи как унижение. Его личная зависть превращается в коллективное «они богаче, но мы духовнее». Его личная месть оформляется как национальная идея реванша. Эта комбинация дает идеальный результат: люди перестают видеть собственную бедность как следствие плохого управления и начинают воспринимать ее как результат внешней агрессии. «Да, у нас плохо, но это не наша вина. Это они нас душат». «Да, мы бедные, но мы честные. Они богатые, но гнилые». Путинское «а вот на Западе» становится не только его личной защитой, но и коллективной формой самоуспокоения. Механизм проекции работает одновременно на индивидуальном и социальном уровнях. Общество, зараженное проекцией лидера, начинает смотреть на мир его глазами, воспринимать реальность через призму его травмы.

И чем дольше эта схема работает, тем глубже укореняется в общественном сознании идея о том, что источник всех бед находится за пределами страны. Проблема не в системе управления, не в коррупции, не в некомпетентности власти, проблема во внешних врагах, которые не дают России развиваться. Страна становится вечной жертвой: мы не агрессоры, развязавшие войну, мы вынуждены обороняться от экспансии НАТО; мы не виноваты в экономическом крахе, нас задушили санкциями; мы не несем ответственности за репрессии, нас вынудили защищаться от «пятой колонны». Механизм «нас вынудили» освобождает от необходимости задавать неудобные вопросы.

Проекция снимает ответственность не только с диктатора, но и с общества, которое его поддерживает или молчаливо терпит.

Фантазийный образ врага

Для того чтобы проекция работала эффективно, враг должен быть не просто плохим, он должен быть чудовищным. Поэтому в голове Путина создается фантазийный образ Запада, который не имеет отношения к реальности. В этом образе детей разбирают на органы, процветает сатанизм, малышей учат быть геями, педофилия легализована, все ненавидят русских и являются русофобами. Любой человек, бывавший в Европе или Америке, знает, что все перечисленное просто вымысел. Но Путин говорит об этом с полной убежденностью, с той интонацией, с которой говорят о реальной угрозе. Почему? Потому что он описывает не реальные страны, а проецирует собственные страхи вовне.

Запад в его голове перестает быть географией, совокупностью реальных стран с реальными людьми и институтами. Он превращается в экран, на который проецируется все вытесненное из сознания: страхи перед собственной чудовищностью, вина за совершенные преступления, подавленные импульсы, которые он не может признать в себе, ожидание неизбежной расплаты за содеянное.

И чем страшнее этот образ, тем легче оправдать любые действия против него. Потому что если они «сатанисты, разбирающие детей на органы», тогда любая жестокость в отношении них становится морально оправданной.

Проекция создает не просто ложный образ врага. Она создает моральное основание для собственной агрессии. «Мы не нападаем, мы защищаемся от зла». «Мы не убиваем, мы уничтожаем нелюдей». Механизм проекции превращает агрессора в героя, а жертву – в угрозу.

Итог: загнивает тот, кто не может перестать об этом кричать

Когда Путин говорит «Запад загнивает», он описывает собственную систему, которая гниет изнутри. Когда он говорит «у них нет морали», он убегает от собственной безнравственности. Когда он говорит «они

хотят нас уничтожить», он проецирует собственную агрессию. Когда он не может перестать говорить о чужих проблемах, он демонстрирует полную неспособность иметь дело со своими. И чем громче он кричит о «загнивающем Западе», тем отчетливее видно: загнивает не Запад. Загнивает тот, кто не может перестать об этом кричать. Потому что здоровая личность не нуждается в постоянном сравнении с другими. Здоровая личность способна видеть собственные ошибки и исправлять их. Психически зрелый человек не строит картину мира на образе врага. Путин же говорит об этом каждый день. Это основа каждой его речи, каждого выступления. Потому что без этого образа для него рушится все: оправдание войны, объяснение кризиса, его собственная значимость.

Без «загнивающего Запада» Путину пришлось бы ответить на главные вопросы. Что ты сделал за двадцать пять лет власти и почему их итогом стала кровавая захватническая война? Как можно было довести богатейшую страну до экономического краха? Как ты умудрился сделать так, что страна, занимающая шестую часть суши, оказалась в изоляции от цивилизованного мира? Неужели за четверть века ты не смог предложить ничего, кроме диктатуры?

Но признать это означает признать полный крах всего, что он строил четверть века: крах политики, которая привела страну к катастрофе; крах жизни, потраченной на разрушение; крах личности, которая оказалась неспособной создать ничего, кроме насилия и лжи.

Поэтому он будет говорить о Западе снова и снова, возвращаясь к этой теме как к спасательному кругу. Проекция остается для него единственным способом избежать встречи с собственной чудовищностью, единственной защитой от осознания того, кем он на самом деле стал и что на самом деле совершил.

Но мы переходим к следующей главе, в которой мы поговорим о психосексуальном портрете политического лидера и влиянии механизмов вытеснения на формирование политических решений.

Глава 8

Психосексуальная динамика

Методологический дисклеймер

Прежде чем перейти к анализу, необходимо четко обозначить методологические рамки данного исследования. Мы не обсуждаем и не оцениваем сексуальную ориентацию как таковую – любая ориентация является нормальным вариантом человеческой сексуальности, не требующим лечения или исправления.

Гомосексуальность, гетеросексуальность, бисексуальность – все они представляют собой естественные проявления человеческого разнообразия и не являются патологией.

Предметом нашего анализа является психосексуальный портрет политического лидера и влияние механизмов вытеснения на формирование политических решений. Речь идет о том, как неразрешенные внутренние конфликты в интимной сфере, будучи вытесненными из сознания, могут трансформироваться в патологические паттерны поведения, включая агрессию к тем группам, которые символизируют отвергаемые аспекты собственной личности.

В персоналистских диктатурах, где лидер не ограничен демократическими институтами, его личные патологии неизбежно становятся государственной политикой. Понимание психологических корней такой политики – не праздное любопытство, а необходимый инструмент анализа иррациональных решений, которые влияют на судьбы миллионов людей.

Когда диктатор объявляет войну целой группе граждан, когда он превращает свои фобии в уголовные статьи, когда его личные страхи становятся основанием для разрушения жизней, понимание

психологических механизмов этой трансформации становится вопросом не теоретического интереса, а практической необходимости.

Мы также должны признать, что часть терминологии, которую использовал Эдмунд Берглер в середине XX века, сегодня устарела и не соответствует современным представлениям о сексуальности и гендере. Однако сам механизм, который он описал, – механизм вытеснения, проекции и компенсации, – остается чрезвычайно точным инструментом для понимания определенных типов поведения.

Мы используем его теорию не как истину в последней инстанции, а как рабочую модель, которая помогает объяснить иррациональные политические решения через призму неразрешенных психологических конфликтов.

Теория Эдмунда Берглера: «гомосексуал в отрицании»

Эдмунд Берглер (1899–1962) – австро-американский психоаналитик, один из учеников Зигмунда Фрейда, чьи работы середины XX века остаются важным, хотя и противоречивым вкладом в понимание психосексуальных конфликтов. В своих книгах «Гомосексуальность: болезнь или образ жизни?» (1956) и «Базовый невроз: оральная регрессия и психический мазохизм» (1949) он разработал теорию, которая, несмотря на устаревшую терминологию и некоторые спорные положения, описывает психологический механизм, сохраняющий свою объяснительную силу и сегодня.

Современная наука отказалась от патологизации гомосексуальности, и вполне справедливо. Американская психиатрическая ассоциация исключила ее из списка психических расстройств в 1973 году, Всемирная организация здравоохранения – в 1990–м. Сегодня консенсус научного сообщества однозначен: гомосексуальность – нормальный вариант сексуальности человека. Берглер писал в иную эпоху, когда доминировали иные представления, и часть его выводов отражает предрассудки того времени. Но один аспект его работы сохраняет свою ценность: описание механизма, который он назвал

«гомосексуал в отрицании». Важно понимать, что этот термин у Берглера не имеет прямого отношения к реальной сексуальной ориентации человека. Он описывает психологическую структуру, в которой человек яростно отрицает собственные вытесненные импульсы, не обязательно реализованные, не обязательно даже осознанные, но существующие как источник внутреннего конфликта и тревоги.

Согласно Берглеру, такая личность строит свою идентичность на тотальном отвержении того, что она не может признать в себе. Механизм работает следующим образом: человек испытывает импульсы или влечения, которые противоречат его представлению о себе, его идеалу «я», его социальным ролям. Эти импульсы не могут быть интегрированы в сознательную картину мира, потому что они угрожают базовому ощущению идентичности. Поэтому психика совершает операцию вытеснения – удаляет эти импульсы из сознания.

Но вытесненное не исчезает. Оно продолжает существовать в бессознательном, создавая постоянное внутреннее напряжение. И чтобы справиться с этим напряжением, психика использует защитный механизм, который Фрейд называл реактивным образованием: неприемлемые импульсы трансформируются в свою противоположность. Вместо влечения возникает отвращение. Вместо интереса – презрение. Вместо тайного желания – явная ненависть.

Ключевая формула Берглера звучит так: чем сильнее внутреннее притяжение, тем агрессивнее внешнее отвержение. Это не случайная корреляция, а психологическая необходимость. Человек, который спокойно относится к собственной сексуальности, не нуждается в яростном отрицании чужой. Болезненная реакция выдает наличие конфликта.

Берглер описывал несколько характерных проявлений этого механизма.

Первое проявление – проекция: человек приписывает другим те качества, мотивы и желания, которые отказывается признать в себе.

«Гомосексуал в отрицании» везде видит геев, даже там, где их нет. Он приписывает им агрессивные намерения, обвиняет в совращении и пропаганде, хотя никаких реальных оснований для таких обвинений не существует. Он проецирует на них собственные вытесненные желания и собственные страхи.

Второе проявление – навязчивость. Человек с неразрешенным внутренним конфликтом постоянно возвращается к запретной теме. Он не может от нее отвлечься, не может о ней забыть, не может перестать о ней говорить. В разговорах, в шутках, в политических высказываниях тема возникает снова и снова, выдавая внутреннюю одержимость.

Третье проявление – удовлетворение от наказания. Берглер заметил, что «отрицающий» получает скрытое удовольствие от преследования объекта своего отрицания. Это не просто моральное негодование и не рациональная защита ценностей. Это наслаждение от возможности законно унижить, наказать, причинить боль тем, кто символизирует вытесненное. За моральной риторикой скрывается психологическая потребность в мести объекту, который напоминает о собственном внутреннем конфликте.

Четвертое проявление – рационализация через высшие ценности. Никто не говорит открыто: «Я преследую геев, потому что боюсь собственных импульсов». Вместо этого агрессия маскируется под благородными мотивами: защита детей, сохранение традиций, спасение общества от разложения. Берглер подчеркивал, что «отрицающий» всегда находит морально приемлемое объяснение своей агрессии, превращая личную фобию в общественную миссию.

Важно понимать: речь идет не о сознательном лицемерии. Человек искренне верит в свои рационализации. Он действительно убежден, что защищает детей, спасает традиции, борется со злом. Вытеснение работает именно потому, что человек не осознает истинных мотивов своего поведения. Если бы он их осознавал, механизм бы не работал.

Берглер также описывал, как этот механизм связан с более широким комплексом психического мазохизма – потребностью в страдании и самонаказании, которая оборачивается агрессией вовне. Человек, неспособный справиться с собственной виной и стыдом, проецирует их на других и наказывает в других то, что ненавидит в себе.

Это замкнутый круг: чем сильнее внутренний конфликт, тем агрессивнее внешние проявления; чем агрессивнее проявления, тем глубже загоняется конфликт внутрь.

Когда американский исследователь Фредо Ариас-Кинг и профессор Института мировой политики в Вашингтоне, специалист по информационной войне Дж. Майкл Уоллер применили теорию Берглера к анализу Путина, они обнаружили поразительное совпадение. Все описанные Берглером механизмы – проекция, навязчивость, удовольствие от наказания, рационализация – проявлялись в поведении российского лидера с пугающей точностью. Но они дополнили анализ Берглера собственной концепцией «коллекционера обид» – личности, которая «тщательно собирает и хранит обиды, настоящие и мнимые» и планомерно мстит за каждое реальное или воображаемое унижение.

Когда берглеровское «отрицание» сочетается с механизмом «коллекционирования обид», возникает взрывоопасная психологическая смесь. Каждое упоминание ЛГБТ+ воспринимается как личное оскорбление. Существование открытых геев интерпретируется как вызов собственной «нормальности». Западная толерантность становится не просто культурным различием, а геополитической обидой, требующей мести. Внутренний конфликт проецируется вовне и превращается в политическую программу.

Для понимания поведения Путина эта теоретическая рамка оказывается незаменимой. Она объясняет иррациональность, навязчивость и эскалацию антиЛГБТ+ политики. Она показывает, как личный внутренний конфликт становится государственной идеологией. И она предсказывает, что эскалация будет продолжаться,

потому что внутренний конфликт не решается внешними действиями, каждое новое преследование только усиливает напряжение, требуя еще больших репрессий.

Путин и механизм Берглера: биографические основания

Чтобы понять, откуда взялся психосексуальный конфликт Путина, нужно вернуться туда, где он сформировался, в детство, в ленинградские дворы 1950–1960-х годов, в среду, где формировалась его личность. Ленинград послевоенных десятилетий был городом с особой, крайне жесткой социальной структурой. Дворы-колодцы, коммунальные квартиры, криминальная романтика, которая проникала во все слои общества, культ силы и жестокости как способа выживания.

В предыдущих главах мы уже показали, как формировалась личность Путина в условиях постоянного насилия, унижений и страха. Но один аспект этой среды требует отдельного внимания – реальная угроза сексуального насилия, которая была частью советской действительности, хотя о ней не принято было говорить.

В советском обществе гомосексуальность была криминализована и табуирована. Статья 121 Уголовного кодекса РСФСР предусматривала наказание до пяти лет лишения свободы за мужеложство. Но парадоксальным образом именно эта криминализация создавала среду, в которой сексуальное насилие процветало в закрытых мужских сообществах – в армии, в тюрьмах, в криминальной среде. Дедовщина в армии часто включала элементы сексуализированного насилия и унижения. Тюремная иерархия строилась на сексуализированном доминировании. Уличная криминальная культура воспроизводила те же паттерны. Для мальчика, росшего в этой среде, угроза сексуального насилия была не абстрактной, а вполне реальной. Путин навсегда остался слабым подростком из бедной семьи, начавший заниматься дзюдо, чтобы защитить себя от постоянных унижений (а на подсознательном уровне, возможно, и от фобии гомосексуального

изнасилования, которое в советском обществе было вполне реально, например, в армии или тюрьме).

Эта формулировка связывает детские травмы со взрослыми фобиями. Мальчик, росший в среде, где сексуальное насилие использовалось как инструмент доминирования и унижения, мог подвергнуться такому насилию или видеть его вокруг или просто жить в постоянном страхе перед ним. Став взрослым, получив власть, он проецирует эти детские страхи на государственном уровне, превращая личную травму в политическую программу.

Дзюдо, которым Путин начал заниматься в подростковом возрасте, становится в этой логике не просто спортом, а способом компенсации. Это защита от физической угрозы, которую представляли криминальная среда и дворовое насилие. Но на более глубоком уровне это защита от угрозы сексуального унижения, которая была частью этой среды. Формируется базовая психологическая схема: сила = защита от унижения; слабость = угроза быть униженным, в том числе сексуально.

Отсюда вырастает культ маскулинности, который мы анализировали в предыдущих главах. Демонстративная физическая сила, агрессивность, публичные проявления мужественности – все это не просто политический имидж, а глубинная психологическая потребность в постоянном доказательстве того, что он не слабый, не уязвимый, не может быть унижен. Каждая фотография с обнаженным торсом, каждая сцена охоты, каждое публичное проявление жесткости – это послание, адресованное в первую очередь самому себе: я не тот слабый мальчик, которым был когда-то.

Но компенсация через демонстративную маскулинность имеет оборотную сторону. Чем сильнее потребность доказывать силу, тем очевиднее внутренняя неуверенность. Чем агрессивнее утверждается маскулинность, тем глубже спрятан страх оказаться недостаточно мужественным. И этот страх распространяется на все, что может быть интерпретировано как признак немужественности, в том числе на

любые проявления гомосексуальности, которые в его психике ассоциируются с пассивностью, унижением и слабостью.

Связь с тем, что мы анализировали в главе о личной жизни, становится очевидной. Неспособность Путина к эмоциональной близости, его брак с Людмилой как театр без подлинной интимности, его одиночество с 2013 года – все это проявления одного и того же механизма. Близость требует уязвимости. Интимность предполагает способность открыться другому человеку, признать свою потребность в нем, показать слабость. Для человека, чья личность построена на отрицании любой слабости, близость становится невозможной.

Брак становится ритуалом, демонстрацией нормальности, но не пространством подлинного контакта. Людмила в интервью после развода говорила о том, что муж постоянно был закрыт, настоящей близости между ними не было, она не знала его по-настоящему. Это не личная неудача двух конкретных людей, а следствие психологической структуры, в которой близость воспринимается как угроза, а открытость как уязвимость.

После развода Путин живет один. Формально у него могут быть отношения, СМИ периодически сообщают о разных женщинах в его окружении, но настоящих отношений, близости нет. Он не способен на них. Его личность построена на контроле, закрытости, постоянной защите от любой возможности быть уязвленным. А близость и контроль несовместимы.

Связь с главой о теле тоже становится яснее. Постоянные попытки контролировать свое тело – ботокс, пластические операции, физические тренировки, публичная демонстрация силы – все это способы справиться с тревогой по поводу тела как источника слабости и уязвимости.

Тело стареет, теряет форму, напоминает о смертности. Для человека, который всю жизнь доказывает свою неуязвимость, старение тела становится экзистенциальной угрозой. Отсюда навязчивость в попытках остановить процесс старения, сохранить иллюзию

молодости и силы. Но тело не только стареет, оно еще и желает. И эти желания могут противоречить тому образу, который человек выстроил для себя и для других. Если желания тела не соответствуют представлению о правильной маскулинности, они должны быть вытеснены. А вытесненное не исчезает, оно возвращается в форме навязчивости, проекции, агрессии.

Таким образом, биографические основания механизма Берглера у Путина включают детскую травму, связанную с реальной или воображаемой угрозой сексуального насилия в криминальной среде; формирование защитного механизма через культ силы и маскулинности; неспособность к близости как следствие страха уязвимости; навязчивый контроль над телом как попытку контролировать тревогу; и, наконец, вытеснение любых импульсов, которые противоречат образу настоящего мужчины.

Все это не осталось в прошлом. Эти механизмы, сформировавшиеся в детстве и юности, определяют поведение взрослого человека, обладающего неограниченной властью. И когда такой человек становится диктатором, его личные фобии превращаются в государственную политику, его вытесненные страхи – в законы, а его потребность в компенсации – в войну.

Оговорки и навязчивые шутки: фрейдистский анализ

Зигмунд Фрейд считал, что в оговорках и спонтанных шутках проявляются неразрешенные подсознательные конфликты и вытесненные желания. Сознание контролирует то, что мы говорим намеренно, но в моменты, когда контроль ослабевает, в шутках, оговорках, спонтанных реакциях прорывается вытесненное. Эти прорывы не случайны. Они выдают то, что человек скрывает от себя самого.

Обычный гетеросексуальный мужчина не станет постоянно шутить на «голубую» тему. Эта тема для него эмоционально нейтральна, она не вызывает ни тревоги, ни особого интереса. Он может пошутить один-

два раза, если контекст уместен, но тема не будет возвращаться снова и снова. Путин же демонстрирует навязчивое возвращение к этой теме с удивительной регулярностью. И каждый раз его реакции выдают не безразличие, а внутреннее напряжение.

Душ на подводной лодке: классическая проекция

В 2017 году американский кинорежиссер Оливер Стоун, снимавший документальный фильм «Интервью с Путиным», задал российскому президенту провокационный вопрос: что бы он делал, если бы оказался один на один с гомосексуалистом в душе на подводной лодке?

Вопрос был задан в контексте обсуждения прав ЛГБТ+ в России и дискриминации в армии. Стоун хотел понять, как Путин относится к идее совместной службы геев и гетеросексуалов в армии, где неизбежны ситуации совместного быта. Вопрос был провокационным, но не оскорбительным. Нормальный ответ мог бы звучать спокойно: «Я бы отнесся к этому как к обычной ситуации совместного быта» или с юмором: «Я бы принял душ и вышел».

Но ответ Путина оказался психологически крайне показательным: «Я бы предпочел не ходить в душ с геем. Зачем его провоцировать? Вы же знаете, я мастер по дзюдо».

Разберем эту фразу по частям, потому что каждый ее элемент выдает работу защитных механизмов.

Во-первых, автоматическое предположение об агрессивном намерении. Путин сразу предполагает, что гомосексуал будет к нему приставать, хотя никаких оснований для такого предположения в вопросе не было. Стоун спросил о совместном принятии душа – обычной бытовой ситуации в условиях подводной лодки. Путин же немедленно интерпретирует это как ситуацию сексуальной угрозы.

Это классическая проекция – механизм психологической защиты. Согласно теории Берглера, такая реакция указывает на проекцию

собственного желания: человек приписывает другому те импульсы, которые испытывает сам, но не может в себе признать. Провокация существует только в его воображении как отражение внутреннего конфликта между влечением и отрицанием.

Во-вторых, немедленное упоминание о физической силе. «Вы же знаете, я мастер по дзюдо». Это не просто информация о спортивных достижениях – это угроза. Путин заранее готовится применить насилие против человека, который, в его фантазии, может его спровоцировать. Болезненная реакция, немедленное упоминание о физической силе выдает подсознательный страх перед собственными вытесненными импульсами.

Если бы у него не было внутреннего конфликта на эту тему, вопрос воспринимался бы спокойно или с юмором. Мужчина, уверенный в своей гетеросексуальности, не нуждается в угрозах насилия, чтобы защитить свою ориентацию. Сама необходимость такой защиты выдает тревогу.

В-третьих, нарциссическая иллюзия о собственной неотразимости. За фразой «зачем его провоцировать» скрывается странная уверенность в том, что его 65-летнее дряблое тело, проплешины, обколотое ботоксом лицо, маленький рост и невзрачная внешность обязательно будут провоцировать условного гея в душе. Это суперфантазия, которая компенсирует глубокий комплекс неполноценности.

Психоаналитически вся эта реакция указывает на глубокий внутренний конфликт. Человек, который спокойно относится к собственной сексуальности, не видит угрозы в параллельном одновременном принятии душа с геем. Он просто не думает об этом в сексуальных категориях.

Но для человека с вытесненным внутренним конфликтом любая ситуация потенциальной близости с мужчиной становится угрозой, потому что она активизирует вытесненные импульсы, с которыми он не может справиться иначе как через агрессию.

Шутка про Порошенко: перенос собственного страха

Еще более показателен комментарий Путина о Петре Порошенко, президенте Украины, который в 2014 году подписал Соглашение об ассоциации с Евросоюзом. Путин сказал: «Голубых мундиров там, куда он собирается, больше, чем у нас. И пусть он не расслабляется особенно. А то, как бы чего не случилось. Пусть он внимательно поглядывает по сторонам».

Эта фраза выглядит как шутка, но психологически она выдает несколько важных моментов.

Во-первых, перенос собственного страха на другого. Путин как бы говорит: «Я знаю об опасности изнасилования гей-европейцами, а этот наивный простачок еще нет». Он предупреждает Порошенко об угрозе, которая существует только в его собственном воображении.

Во-вторых, фантазия о Европе как пространстве сексуальной угрозы. Европейский Союз в сознании Путина населен геями, которые только и ждут момента, чтобы кого-то соблазнить или изнасиловать. Реальная Европа, конечно, не имеет к этому образу никакого отношения, здесь говорят собственные страхи Путина, спроецированные на внешний мир.

В-третьих, удовольствие от воображаемого унижения. За шуткой скрывается фантазия о том, как Порошенко будет унижен в Европе, как он окажется в пассивной подчиненной позиции. Эта фантазия выдает то, как Путин сам воспринимает отношения с Западом – через призму доминирования и подчинения, через страх оказаться в пассивной роли.

Психоаналитически эти высказывания выдают подсознательный страх перед собственными гомосексуальными фантазиями, которые он одновременно вытесняет и выдает в форме гомофобных шуток. Навязчивое возвращение к теме указывает на неразрешенный внутренний конфликт.

Навязчивость как симптом

Важно понимать: это не единичные случаи. Путин возвращается к этой теме постоянно. В интервью, публичных выступлениях, неформальных разговорах тема гомосексуальности всплывает снова и снова. И каждый раз реакция эмоционально заряжена, каждый раз видна тревога, каждый раз срабатывают защитные механизмы.

Фрейд писал, что навязчивость – это возвращение вытесненного. Человек не может забыть о том, что вытеснил, потому что вытеснение требует постоянных психических усилий. Вытесненное постоянно стремится вернуться в сознание, и психика вынуждена снова и снова его отталкивать. Отсюда навязчивое возвращение к запретной теме каждый раз, когда она возникает, психика должна заново совершать операцию отрицания.

Обычный человек, не имеющий внутреннего конфликта на эту тему, просто не думает о ней так часто. Она не занимает места в его сознании. Но для человека с вытесненным внутренним конфликтом эта тема становится навязчивой именно потому, что ее нельзя вытеснить окончательно. Каждая шутка, каждая оговорка, каждое спонтанное высказывание – это прорыв вытесненного, который немедленно маскируется агрессией и отрицанием.

Психологический портрет, складывающийся из этих эпизодов, поразительно точно соответствует описанию Берглера. Проекция собственных импульсов на других. Навязчивое возвращение к теме. Готовность к насилию как защита от страха. Нарциссические фантазии, компенсирующие комплекс неполноценности. Все это классические симптомы «гомосексуала в отрицании», личности, которая строит свою идентичность на тотальном отвержении того, что не может признать в себе.

Законодательная агрессия как симптом: эскалация-2013/2023

Личные психологические проблемы остались бы частным делом Путина и мы бы о них вообще не говорили, если бы они не превратились в государственную политику. Но в персоналистской

диктатуре, где один человек контролирует все ветви власти и не ограничен демократическими институтами, личные фобии лидера неизбежно становятся законами, а его внутренние конфликты – основанием для преследования целых групп населения.

Хронология антиЛГБТ+ законодательства в России демонстрирует нарастающую одержимость темой, которая не может быть объяснена рациональными политическими мотивами. Как отмечали Ариас-Кинг и Уоллер, «лелеющий обиды» превращает каждое раздражение в повод для систематической мести, а берглеровский механизм «отрицания» требует все более жестких мер против символических носителей вытесненных импульсов.

2013 год – первая волна: «защита детей»

11 июня 2013 года Госдума и Совет Федерации приняли федеральный закон о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», который 30 июня подписал Путин. Формально закон запрещал «распространение информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений».

На практике это означало криминализацию любого позитивного или даже нейтрального упоминания ЛГБТ–тематики в присутствии детей. Учитель не мог объяснить ученикам, что гомосексуальность – нормальный вариант сексуальности. Библиотекарь не мог порекомендовать книгу с ЛГБТ–персонажами. Активист не мог провести лекцию о толерантности в школе. Любое из этих действий могло быть интерпретировано как «пропаганда».

Практические последствия закона превзошли самые мрачные ожидания. Вводились штрафы для физических лиц (от 4 до 5 тысяч рублей), должностных лиц (от 40 до 50 тысяч), юридических лиц (от

800 тысяч до 1 миллиона рублей). СМИ могли быть оштрафованы на сумму до 1 миллиона рублей с возможным приостановлением деятельности на 90 суток. Иностранцы подлежали штрафу до 5 тысяч рублей с депортацией и запретом на въезд до 15 лет.

Закон создал атмосферу страха. ЛГБТ-активисты существенно сократили публичную деятельность. Организации, работавшие с ЛГБТ-сообществом, были вынуждены закрыться или уйти в подполье. Учителя боялись отвечать на вопросы детей о сексуальности. Издательства отказывались публиковать книги с ЛГБТ-персонажами. Кинотеатры не показывали фильмы с гей-тематикой.

С точки зрения теории Берглера, выбор детей как объекта защиты психологически показателен. Это классическая рационализация вытесненных импульсов: преследование геев маскируется под благородную миссию защиты невинности. Как писал сам Берглер, «отрицающий» всегда находит морально приемлемое объяснение своей агрессии. Дети становятся символическим оправданием для выражения личной ненависти. При этом никаких доказательств того, что информация о гомосексуальности как-то вредит детям, представлено не было. Напротив, все серьезные психологические исследования показывают, что знание о разнообразии сексуальности помогает детям лучше понимать себя и других, снижает уровень буллинга и способствует психическому здоровью. Но закон принимался не на основе научных данных, а на основе личных фобий, возведенных в ранг государственной политики.

2020 год – конституционное закрепление

В июле 2020 года Путин подписал пакет конституционных поправок, включая формулировку о браке как «союзе мужчины и женщины». Хотя однополые браки в России и так не регистрировались с момента принятия Семейного кодекса в 1995 году, это закрепление на конституционном уровне усилило символику «традиционного

семейного устройства» и сделало невозможным любые будущие изменения без изменения Конституции.

Психоаналитически эта мера выдает нарастающую тревогу. Согласно исследованию Ариас-Кинга и Уоллера, у «лелеющего обиды» любые социальные изменения воспринимаются как личная угроза. Растущая толерантность к ЛГБТ+ на Западе, легализация однополых браков в десятках стран, активное участие ЛГБТ–людей в культуре и политике – все это заставляло Путина укреплять «оборонительные позиции» даже там, где реальной угрозы не было.

Закрепление в Конституции имело символическое значение. Оно говорило: это не просто закон, который можно изменить, это базовая ценность государства, незыблемая основа. Гомосексуальность объявлялась не просто неприемлемой, а противоречащей самой сути российской государственности.

2022 год – тотальный запрет

В ноябре 2022 года, через девять месяцев после начала полномасштабной войны против Украины, Госдума и Совет Федерации приняли закон, расширяющий запрет на «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений» на взрослых, включая СМИ, кино, рекламу, Интернет. Теперь любое позитивное изображение ЛГБТ+ стало административным правонарушением независимо от возраста аудитории.

Формулировка закона была настолько расплывчатой, что под нее подпадало практически любое упоминание ЛГБТ–тематики. Фильм с гей-персонажем – пропаганда. Статья о правах ЛГБТ – пропаганда. Пост в соцсетях с радужным флагом – пропаганда. Публичное признание в своей ориентации – пропаганда.

Штрафы возросли радикально: до 400 тысяч рублей для физических лиц, до 800 тысяч для должностных лиц, до 5 миллионов для организаций. Иностранцы могли быть депортированы с запретом на

въезд до 15 лет. Закон также ввел понятие «пропаганды бездетности», расширив репрессии на демографическую политику и фактически запретив любую критику традиционной семейной модели.

Совпадение времени принятия этого закона с войной в Украине не случайно. Берглер предупреждал, что агрессия «отрицающего» имеет тенденцию к эскалации: каждый акт преследования не приносит облегчения, а только усиливает внутреннее напряжение. Принятие закона 2022 года совпало с началом войны в Украине, и эта синхронность показательна.

Как отмечали Ариас-Кинг и Уоллер, внешняя агрессия и внутренние репрессии часто идут параллельно у «лелеющих обиды». Война против Украины как «развращенной Западом» страны и война против ЛГБТ-сообщества как символа «западного разложения» – это две стороны одного механизма компенсации. Не справляясь с внутренним конфликтом, психика проецирует его одновременно вовне (на Украину и Запад) и внутрь (на ЛГБТ-сообщество).

2023 год – финальная эскалация

Июль 2023 года принес закон, полностью запрещающий медицинские и юридические процедуры по смене пола, включая гормонотерапию (за исключением случаев врожденных аномалий). Одновременно запрещались браки с людьми, сменившими пол до принятия закона, а записи о смене пола в документах аннулировались. Люди, которые годами жили в соответствии с новой гендерной идентичностью, внезапно оказались юридически возвращены в прежний статус.

Но кульминацией стало решение Верховного суда в ноябре 2023 года о признании «международного ЛГБТ-движения» экстремистской организацией. Решение было принято по иску Министерства юстиции в закрытом режиме, без присутствия представителей какого-либо «ЛГБТ-движения» (которое, строго говоря, не существует как единая организация). Это решение позволило применять к ЛГБТ+-активистам статьи об экстремизме с наказанием до 12 лет лишения свободы,

блокировкой банковских счетов, запретом на участие в выборах, конфискацией имущества. Фактически любое публичное проявление ЛГБТ-идентичности могло быть интерпретировано как «участие в деятельности экстремистской организации».

Первые обвинения не заставили себя ждать. Начались аресты за ношение радужных символов, за публикации в социальных сетях, за простое упоминание своей сексуальной ориентации. Amnesty International и другие правозащитные организации расценили это как «катастрофическое расширение репрессий». Human Rights Watch назвала решение «абсурдным по форме и ужасающим по последствиям».

Психологически эта эскалация демонстрирует полное торжество патологии. Согласно Берглеру, финальная стадия «отрицания» характеризуется полным растворением границ между внутренним конфликтом и внешней реальностью. Путин больше не может отличить свои личные фобии от государственных интересов – они окончательно слились в едином репрессивном импульсе.

Каждый новый закон – это попытка законодательно запретить то, что нельзя запретить в себе. Каждое преследование гей-активистов – это символическое убийство собственных вытесненных импульсов. Но вытесненное не исчезает. Оно возвращается в форме все более иррациональной агрессии. Поэтому эскалация не останавливается, она будет продолжаться, пока внешние обстоятельства не сделают ее невозможной.

Механизм проекции: случай «голой вечеринки»

Особенно показательна реакция путинского режима на так называемую «голую вечеринку» блогерки Анастасии Ивлеевой в декабре 2023 года. Этот эпизод стал хрестоматийным примером того, как работает механизм проекции, описанный Берглером, и как личная патология диктатора, помноженная на неограниченную власть, превращается в государственный террор.

Что произошло

В ночь с 20 на 21 декабря 2023 года в московском клубе Mutabor состоялась частная закрытая вечеринка, организованная Анастасией Ивлеевой. Концепция мероприятия – «Почти обнаженная вечеринка» – предполагала, что гости придут в откровенных нарядах или элементах нижнего белья. Это была стилизованная fashion-вечеринка по западному образцу, где нагота воспринимается как форма художественного самовыражения, а не сексуального провоцирования.

Гостями были преимущественно представители шоу-бизнеса, блогеры, музыканты – люди, для которых подобные мероприятия являются частью профессиональной среды. Ничего незаконного не происходило. Это была частная вечеринка в закрытом клубе, без участия несовершеннолетних, не выходящая за пределы частного пространства. Фотографии появились в социальных сетях участников, как это обычно бывает на любых светских мероприятиях.

Но реакция властей оказалась настолько жесткой и иррациональной, что шокировала даже привычное к репрессиям общество. По источникам, близким к Кремлю, которые цитировали независимые СМИ, репрессии были инициированы лично Путиным после того как он увидел фотографии с мероприятия. Президент России, управляющий ядерной державой, ведущий войну, лично занялся наказанием людей за то, как они оделись на частной вечеринке.

Масштаб репрессий

Репрессии превзошли все ожидания. Участники получили штрафы и аресты по статье о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений», несмотря на то что подавляющее большинство из них были гетеросексуалами, многие состояли в браке и имели детей.

Рэпер Vasio (Николай Васильев) был оштрафован на 50 тысяч рублей и получил 15 суток ареста за «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений». Васильев – гетеросексуальный мужчина. На

вечеринке он появился практически обнаженным – единственным элементом «одежды» был носок на половом члене, что соответствовало эпатажной эстетике мероприятия. Но ничего, что могло бы быть интерпретировано как «ЛГБТ-пропаганда», он не делал и не говорил.

Блогерка Анастасия Ивлеева была вынуждена заплатить штраф в один миллион рублей и публично каяться в своем «проступке». Ее карьера была фактически разрушена, крупнейшие российские бренды как по команде разорвали с ней контракты, рекламные агентства внесли ее в черный список, телеканалы отказались с ней работать.

Многие другие участники также потеряли контракты, спонсорские соглашения, возможность работать на телевидении. Некоторые были вынуждены публично каяться, записывать видеообращения с извинениями, обещать «исправиться». Атмосфера напоминала сталинские процессы 1930–х годов – публичное унижение, вынужденное самобичевание, коллективное осуждение.

Психоаналитический разбор

Российский публицист, историк и социолог Игорь Эйдеман дает точную психоаналитическую интерпретацию этого эпизода: «Такое ощущение, что власть в России захватили латентные гомосексуалы, вытеснившие свою природную ориентацию и ставшие гомофобами. Только они могут воспринимать демонстрацию голого мужского тела как пропаганду ЛГБТ».

Эта формулировка попадает в самую суть механизма. Нормальный гетеросексуальный мужчина не видит в полуобнаженных мужских телах на частной вечеринке ничего угрожающего или политически опасного. Для него это либо безразлично, либо слегка эпатажно, но никак не связано с «ЛГБТ-пропагандой». Связь между мужской наготой и гомосексуальностью возникает только в сознании того, кто сам испытывает сексуальное возбуждение от мужских тел и пытается это возбуждение вытеснить.

Эйдман продолжает: «У натурала мужская нагота никакой ассоциации с ЛГБТ вызвать не может. Но они «вытесненцы»-невротики». Это ключевой момент. Обычный гетеросексуальный мужчина воспринимает мужское тело эмоционально нейтрально – примерно так же, как женщина воспринимает женское тело в раздевалке спортзала. Нет ни возбуждения, ни тревоги, ни особого интереса. Это просто тело. Но для человека с вытесненным гомосексуальным влечением мужское тело становится источником невыносимой тревоги. Увидев его, он испытывает возбуждение, но это возбуждение неприемлемо для его сознательного «я».

Поэтому психика немедленно запускает защитные механизмы: возбуждение интерпретируется как угроза, собственное влечение проецируется на другого («это он меня соблазняет, а не я его хочу»), и возникает ярость, направленная на объект, который «спровоцировал» запретные чувства.

Игорь Эйдман описывает эту последовательность очень точно: «Увидели голого мужика, возбуждились, испугались собственных желаний, решили, что их соблазняют, разозлились – обидно же, очень хочется, а нельзя, обвинили голого в гей-пропаганде».

Это идеальное описание того, как работает механизм Берглера:

1. Возбуждение – человек видит мужское тело и испытывает сексуальную реакцию.
2. Испуг – эта реакция противоречит его представлению о себе как о «настоящем мужчине»
3. Проекция – вместо признания собственного желания он проецирует его на объект: «это он меня соблазняет».
4. Ярость – возникает агрессия против объекта, который заставил его почувствовать запретное.
5. Рационализация – агрессия оправдывается благородными мотивами: «защита традиционных ценностей», «борьба с пропагандой».

6. Удовольствие от наказания объекта – это скрытое удовлетворение, потому что позволяет законно выразить и возбуждение, и агрессию одновременно.

Почему пострадали именно гетеросексуальные мужчины

Особенно показательно, что пострадали преимущественно гетеросексуальные мужчины и женщины. Реальных геев, присутствовавших на вечеринке, почти не тронули. Это выдает истинную мишень агрессии.

Согласно теории Берглера, «отрицающий» направляет агрессию не на реальных носителей отвергаемой характеристики, а на символических. Реальный гей – это конкретный человек с конкретной ориентацией, и его наказание не приносит психологического облегчения, потому что проблема не в нем. Проблема в символе, в образе, в том, что этот образ активирует внутри самого «отрицающего».

Гетеросексуальный мужчина в откровенном наряде становится идеальным объектом проекции, потому что он одновременно «свой» (гетеросексуал, «настоящий мужчина») и «чужой» (демонстрирует свое тело, нарушает нормы маскулинности, вызывает возбуждение). Он символизирует то, что «отрицающий» боится в себе самом: возможность быть одновременно мужчиной и объектом мужского желания.

Как отмечали Ариас-Кинг и Уоллер, «лелеющий обиды» накапливает ненависть не к конкретным людям, а к символическим представлениям собственных вытесненных аспектов. Васильев стал такой символической фигурой, он напомнил Путину о том, что мужское тело может быть объектом желания, и за это напоминание должен был быть наказан.

Проекция собственного возбуждения

В основе всей этой истории лежит проекция собственного сексуального возбуждения. Путин увидел фотографии с полуобнаженными мужчинами и испытал реакцию. Но эта реакция не могла быть признана, потому что она противоречит образу «настоящего мужчины», на котором построена вся его идентичность. Поэтому психика совершила мгновенную операцию: собственное возбуждение было интерпретировано как внешняя агрессия. «Они меня соблазняют» вместо «я их хочу». «Они пропагандируют» вместо «я реагирую». «Они угрожают традиционным ценностям» вместо «они угрожают моему представлению о себе».

И как только возбуждение было интерпретировано как угроза, включился весь репрессивный аппарат государства. Штрафы, аресты, разрушение карьер, публичные унижения – все это, конечно, не ради «защиты детей» или «сохранения традиций». Все это ради того, чтобы наказать тех, кто спровоцировал запретные чувства.

Скрытое наслаждение от наказания

Берглер описывал, как «отрицающий» получает скрытое удовольствие от преследования объекта своего отрицания. Это не просто месть и не просто защита. Это форма эротического удовлетворения, замаскированная под моральное негодование. Наказание позволяет одновременно выразить два противоположных импульса: влечение и агрессию. Можно законно сосредоточиться на объекте желания (рассматривать фотографии, обсуждать детали, представлять сцены), но при этом выражать не желание, а праведный гнев. Можно наслаждаться унижением объекта, представлять его страдания, контролировать его жизнь – и все это под прикрытием «борьбы за нравственность».

Масштаб репрессий за «голую вечеринку» выдает именно это скрытое удовольствие. Если бы речь шла о рациональной защите каких-то ценностей, достаточно было бы штрафа для организатора. Но

репрессии распространились на десятки людей, сопровождались публичными унижениями, разрушением карьер, требованиями покаяния. Подлинная цель была не в защите ценностей, а в наслаждении властью над теми, кто «посмел» активировать запретные чувства.

Рационализация через «защиту детей»

Как всегда агрессия была рационализирована через благородные мотивы. Официальная риторика утверждала, что вечеринка стала оскорблением традиционных духовно-нравственных ценностей, пропагандой разврата и ЛГБТ-повестки. Хотя вечеринка была частной, закрытой, без участия детей и без какой-либо ЛГБТ-пропаганды.

Это классический пример того, как личные фобии превращаются в общественную миссию. Берглер писал, что «отрицающий» всегда находит социально приемлемое оправдание для своей агрессии. Нельзя сказать: «Я наказываю их, потому что они вызвали во мне возбуждение, которое я не могу признать». Вместо этого говорится: «Я наказываю их, потому что они угрожают обществу».

И чем абсурднее обвинение, тем отчетливее видна его истинная природа. Но рациональность здесь не важна. Важна возможность законно наказать тех, кто символизирует вытесненное.

Патология как государственная политика

Этот случай демонстрирует, как личная патология диктатора, помноженная на неограниченную власть, превращается в государственный террор. Частные фобии становятся основанием для разрушения жизней людей. Сексуальные комплексы превращаются в критерий лояльности к режиму. Вытесненные импульсы оформляются как уголовные статьи.

В нормальном обществе с работающими институтами личные патологии лидера ограничены сдержками и противовесами. Парламент может отклонить иррациональные законы. Суд может

защитить граждан от произвола. СМИ могут критиковать абсурдные решения. Общество может выразить несогласие через выборы.

Но в персоналистской диктатуре все эти механизмы уничтожены. Парламент штампует любые решения лидера. Суд выполняет политические заказы. СМИ транслируют официальную риторику. Выборы превратились в имитацию. И личные патологии лидера получают прямой доступ к репрессивному аппарату государства, не встречая никаких препятствий на своем пути.

«Голая вечеринка» стала символом этой трансформации. Потому что фотографии с нее и рассказы о ней активировали личные фобии диктатора, чья психика не может справиться с собственными импульсами иначе как через проекцию и наказание.

Это и есть суть того, что Берглер описывал как финальную стадию механизма «отрицания»: полное растворение границ между внутренним конфликтом и внешней реальностью. Путин больше не различает, где заканчиваются его личные страхи и начинаются государственные интересы. Они слились в единое целое, и любой, кто напоминает ему о вытесненном, становится врагом государства.

Геополитическая проекция: Запад как объект желания и ненависти

Механизм проекции, который мы проанализировали на примере внутренней политики, не ограничивается преследованием ЛГБТ-сообщества внутри страны. Он распространяется на всю систему международных отношений, превращая геополитику в театр, где разыгрываются личные психосексуальные конфликты диктатора.

Путинское восприятие отношений с Западом пронизано садомазохистскими фантазиями, которые выдают глубинные психосексуальные конфликты. Игорь Эйрман точно диагностировал корни путинской внешнеполитической паранойи: «Именно подсознательные страхи, имеющие сексуальный подтекст, формируют

отношение Путина к Западу. Он как будто боится быть им изнасилованным, то есть поставленным в пассивную подчиненную униженную позицию».

Садомазохистское восприятие Запада

В путинской риторике Запад постоянно изображается как агрессивный «самец», стремящийся поставить Россию в пассивную позицию. Международные отношения описываются не языком партнерства, компромисса или взаимной выгоды, а языком доминирования и подчинения, насилия и защиты от насилия.

«Они будут всегда стремиться к тому, чтобы посадить на цепь. А как только удастся посадить на цепь, вырвут и зубы, и когти» – эта метафора выдает садомазохистское восприятие международных отношений. Запад представляется как хищник, который хочет не просто победить, а унижить, кастрировать, лишить способности сопротивляться. «Вырвать зубы и когти» – это не просто политическое ослабление, это символическая кастрация.

Эта метафора показывает, что Путин воспринимает международные отношения через призму сексуализированного насилия. Партнеры для него – это потенциальные насильники. Переговоры – это не поиск компромисса, а попытка избежать изнасилования. Уступки – это не рациональный обмен, а капитуляция перед насильником.

Психоаналитически это классический перенос детской травмы на геополитический уровень. Мальчик, который рос в среде, где доминирование выражалось через сексуализированное насилие, где «поставить на место» означало унижить сексуально, став взрослым, продолжает воспринимать все властные отношения через ту же призму. Для него нет нейтральных отношений, есть только доминирование или подчинение, насилие или защита от насилия.

Отсюда навязчивый страх оказаться в «пассивной позиции». Любое предложение о сотрудничестве воспринимается как попытка

подчинить. Любая критика интерпретируется как унижение. Любые переговоры кажутся ловушкой, где Россию попытаются «изнасиловать», то есть поставить в зависимое положение.

Для человека, чья маскулинность построена на тотальном отрицании пассивности, сама мысль о зависимости от кого-то становится невыносимой. Она активизирует глубинный страх оказаться в роли жертвы сексуального насилия – той самой роли, от которой он всю жизнь защищался через культ силы и агрессии.

«Традиционные ценности» как щит против «развращения»

В этой логике «традиционные ценности» становятся не просто идеологическим конструктом, а психологическим щитом против «развращающего» влияния Запада. Запад представляется не только политическим оппонентом, но и источником морального разложения, которое угрожает самой основе путинской идентичности.

В речи 30 сентября 2022 года при объявлении аннексии украинских территорий Путин прямо связал антизападную риторику с «гендерной повесткой»: «...разве мы хотим, чтобы у нас, здесь, в нашей стране, в России, вместо мамы и папы был «родитель номер один», «номер два», «номер три» (совсем спятили уже там!)? Разве мы хотим, чтобы в наших школах с начальных классов детям навязывали извращения, которые ведут к деградации и вымиранию? Чтобы им вдалбливали, что кроме женщин и мужчин якобы существуют еще некие гендеры и предлагали сделать операцию по смене пола? Разве мы всего этого хотим для своей страны и своих детей?»

Такая гиперболизация выдает, что речь идет не о рациональной оценке социальной политики, а о проекции собственного внутреннего ужаса. Идея о том, что гендер может быть изменен, что маскулинность и феминность не являются жесткими категориями, что человек может выбирать свою идентичность – все это угрожает основе, на которой построена личность Путина.

Его идентичность зиждется на жестком бинарном делении: мужчина/женщина, активный/пассивный, сильный/слабый, доминирующий/подчиненный. Любое размывание этих категорий воспринимается как экзистенциальная угроза. Если гендер может быть изменен, если маскулинность не является природной данностью, если человек может выбирать, тогда рушится вся конструкция, которую он выстраивал десятилетиями, чтобы защититься от собственной уязвимости. Поэтому западная «гендерная повестка» становится для него не просто культурным различием, а формой агрессии. Запад не просто предлагает иные социальные нормы, он «развращает», «совращает», «разлагает». Эта лексика выдает сексуализированное восприятие идеологического конфликта.

«Традиционные ценности» в этой логике – это не набор культурных норм, а бастион против соблазна. Жесткие гендерные роли, запрет на любые отклонения, культ патриархальной семьи, преследование ЛГБТ - все это способы построить защитный барьер против «развращающего» влияния, которое угрожает активировать вытесненные импульсы.

Украина как объект, «развращенный» Западом

В этой психосексуальной геополитике Украина занимает особое место. Она становится не просто соседним государством, выбравшим иной путь развития, а символическим объектом, который был «совращен» Западом и потому должен быть «спасен» через насилие.

Психоаналитически Украина для Путина – это объект, который должен был подтвердить его мужественность, его правоту, его превосходство. В его картине мира Украина должна была оставаться в зоне российского влияния не по рациональным геополитическим причинам, а потому что это подтверждало его статус «настоящего мужчины», способного контролировать и доминировать.

Когда Украина выбрала европейский путь, это было воспринято не как суверенное решение независимого государства, а как предательство,

как отказ от «правильного» мужчины в пользу «развращенного Запада». В логике садомазохистских отношений это означало, что Украина предпочла «пассивную» роль жертвы западного «соблазнения», вместо того чтобы остаться под «мужественной» защитой России.

Евромайдан 2013–2014 годов, свержение Януковича, подписание Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом – все это в путинском восприятии стало не демократической революцией, а «соблазнением». Запад «совратил» Украину, предложив ей «развращенные» ценности: демократию, права человека, европейские стандарты жизни.

И в психоаналитической логике, которую описывал Берглер, объект, который поддался «соблазну», должен быть наказан. Не переубежден, не привлечен обратно через экономические стимулы или политические компромиссы – наказан. Война против Украины становится актом «исправления», попыткой вернуть «созвращенный» объект в «правильное» состояние через насилие.

Это объясняет иррациональность войны с точки зрения рациональной геополитики. Война разрушает экономику России, изолирует ее от мирового сообщества, приводит к огромным потерям. Но в психосексуальной логике компенсации она необходима, потому что это единственный способ восстановить нарциссический баланс после «предательства».

Украина должна быть наказана не за то, что она сделала что-то рациональное или иррациональное, а за то что напомнила Путину о его собственной слабости. Она показала, что можно выбрать иной путь. Что можно жить без диктатора. Что можно строить демократию. Что можно отказаться от «мужественного» доминирования в пользу равноправного партнерства с Европой.

В терминах Берглера Украина стала зеркалом, в котором Путин увидел альтернативу, и это зеркало должно быть разбито.

Запад как объект одновременно желания и ненависти

Психоаналитически отношение Путина к Западу демонстрирует классическую амбивалентность – одновременное притяжение и отталкивание, желание и ненависть, зависть и презрение.

С одной стороны, Запад – это объект желания. Путин хотел быть принятым западными элитами, хотел, чтобы его воспринимали как равного, хотел признания, статуса, уважения. Он завидовал западному богатству, технологиям, культурному влиянию. Он хотел, чтобы Россия была такой же успешной, сильной, привлекательной.

Но одновременно Запад – это объект ненависти, потому что он напоминает о невозможности достичь желаемого. Запад богаче, успешнее, свободнее – и это постоянное напоминание о собственной недостаточности. Запад принимает ЛГБТ, размывает гендерные роли, отказывается от жесткой маскулинности – и это напоминание о том, что можно жить иначе, что жесткая защита не обязательна.

Фрейд описывал механизм «амбивалентности вытесненного влечения»: объект, который восхищает и вызывает зависть, превращается в объект ненависти. Путин не может сказать «я хочу быть как они», поэтому он говорит «я их презираю». Не может признать «я им завидую», поэтому утверждает «они деградируют».

Запад для него одновременно и идеал (богатство, сила, признание), и угроза (размывание маскулинности, принятие уязвимости, отказ от доминирования). Он хочет быть принятым Западом, но боится, что принятие будет означать капитуляцию, признание слабости, согласие на «пассивную роль».

Эта амбивалентность делает любые отношения с Западом невозможными. Компромисс воспринимается как капитуляция. Партнерство как подчинение. Сотрудничество как «развращение». Поэтому единственный способ справиться с этой амбивалентностью – превратить Запад в абсолютного врага, в источник всех угроз, в объект тотального отрицания.

Только объявив Запад абсолютным злом, Путин может справиться с собственным желанием быть частью этого Запада. Только демонизировав западные ценности, он может подавить зависть к западному успеху. Только представив Запад как насильника, он может оправдать собственную агрессию как защиту. Геополитика превращается в театр, где разыгрываются психосексуальные конфликты. Международные отношения становятся проекцией внутренних страхов. И сотни тысяч людей гибнут в войне, которая служит не национальным интересам, а является психологической компенсацией личных фобий диктатора.

Война как гиперкомпенсация психосексуального конфликта

В логике травмированной маскулинности существует иерархия способов доказательства «настоящей» мужественности. Сначала человек доказывает силу через тело. Затем через технику. Потом через оружие. И когда все эти формы компенсации исчерпывают себя, остается последняя ступень – война. Берглер описывал именно этот механизм эскалации компенсаторного поведения: каждая следующая форма доказательства становится более экстремальной.

Война – это не просто продолжение политики иными средствами. Для личности, построенной на отрицании слабости и компенсации через демонстративную маскулинность, война становится финальной сценой доказательства. Это единственное действие, где можно продемонстрировать способность к максимальному насилию, не символически, а реально.

Демонстрация обнаженного торса доказывает физическую форму, но неспособность к насилию. Пилотирование самолета показывает владение техникой, но не готовность убивать. Демонстрация оружия на параде создает образ силы, но остается символом.

Война же требует реального применения насилия, реальной готовности убивать и рисковать быть убитым. В психоаналитической логике Берглера именно это и становится окончательным

доказательством маскулинности. Он писал, что для «гомосексуала в отрицании» недостаточно просто избегать того, что он отрицает в себе. Он должен постоянно доказывать противоположное – через все более интенсивные формы компенсации. Чем сильнее внутренний конфликт, тем экстремальнее должны быть внешние проявления «мужественности».

Это объясняет эскалацию компенсаторного поведения, которую мы наблюдали в биографии Путина. В юности достаточно было дзюдо. В молодости компенсаторную роль выполняла власть и могущество КГБ. В зрелости потребовалась публичная демонстрация физической силы. Потом – культ вооружений. И наконец война как абсолютная форма доказательства.

Важно понимать: речь не о том, что война вызвана исключительно психосексуальными конфликтами. У нее есть множество причин – геополитических, экономических, идеологических. Но в персоналистской диктатуре, где решения принимает один человек, его личные психологические потребности становятся важнейшим фактором. И одна из таких потребностей – компенсация страха собственной «недостаточной мужественности» через демонстрацию способности к предельному насилию. Война становится не выбором, а психологической необходимостью. Не инструментом достижения целей, а самоцелью – последней возможностью доказать себе и миру, что ты «настоящий мужчина», способный на максимальное насилие.

В следующих главах мы подробно рассмотрим механизмы войны: почему она началась, почему не может остановиться, какую роль играет ядерный шантаж.

Здесь же важно зафиксировать психосексуальную основу этого выбора: война как финальная форма компенсации вытесненного конфликта, как последняя ступень в иерархии доказательств маскулинности, как единственный оставшийся способ справиться со стыдом через демонстрацию абсолютной силы.

От детской травмы к государственному террору: итоговый синтез

Теперь, пройдя через все механизмы психосексуальной динамики Путина, мы можем собрать полную картину – от детских истоков до государственной политики террора. Это не линейная причинно-следственная связь, а сложная система взаимоусиливающих механизмов, которые превращают личную патологию в политическую катастрофу.

Полная цепочка: от травмы к террору

Начало – в детстве. Мальчик растет в среде, где доминирование выражается через насилие, в том числе сексуализированное. Криминальная культура ленинградских дворов, армейская дедовщина, тюремная иерархия – все это создает контекст, в котором угроза сексуального насилия реальна и постоянна. Формируется глубокий страх оказаться в пассивной униженной позиции, страх, который ассоциируется с потерей мужественности и социальной смертью.

Этот страх вытесняется, становится неосознанным, но не исчезает. Он продолжает существовать в бессознательном, создавая постоянное напряжение, которое требует защиты. Психика строит систему компенсаций: культ физической силы (дзюдо), демонстративная маскулинность (обнаженный торс, охота, жесткость), контроль над телом (пластика, ботокс), избегание близости (невозможность интимных отношений).

Но вытесненное не вытесняется навсегда. Оно возвращается в форме навязчивости, постоянного возвращения к запретной теме в шутках, оговорках, спонтанных реакциях. Каждое такое возвращение активизирует защитные механизмы: проекцию («это не я их хочу, это они меня соблазняют»), агрессию («я готов применить силу против угрозы»), рационализацию («я защищаю традиционные ценности»).

Когда такой человек получает неограниченную власть, его личные защитные механизмы становятся государственной политикой.

Проекция превращается в законы против ЛГБТ-сообщества. Агрессия оформляется как «защита детей» и «сохранение традиций». Удовольствие от наказания реализуется через репрессивный аппарат государства.

Эскалация неизбежна, потому что компенсация через преследование других не решает внутренний конфликт. Каждый новый закон, каждая новая репрессия приносит лишь временное облегчение. Затем тревога возвращается, требуя еще более жестких мер. Так запрет «пропаганды среди детей» превращается в тотальный запрет для всех, затем в признание «ЛГБТ-движения» экстремистским, затем в реальные уголовные сроки за радужные символы.

Параллельно развивается геополитическая проекция. Запад становится символическим «развратителем», который угрожает не только России как государству, но и путинской идентичности как таковой.

Западная толерантность, размывание гендерных ролей, принятие уязвимости – все это напоминает о возможности жить иначе, без постоянной компенсации и защиты. И эта возможность невыносима, потому что она угрожает всей конструкции, на которой построена личность.

Украина в этой логике становится объектом, который был «развращен» Западом и потому должен быть «исправлен» через насилие. Война оказывается финальной ступенью компенсации, способом доказать маскулинность через максимальное насилие, наказать за «предательство», устранить зеркало, в котором видна альтернатива.

Так детская травма, пройдя через десятилетия вытеснения и компенсации, превращается в государственный террор внутри страны против ЛГБТ-сообщества и инакомыслящих, вовне против Украины и всего, что символизирует западные ценности.

Патология как государственная политика

В нормальном обществе с работающими демократическими институтами личные патологии лидера ограничены системой сдержек и противовесов. Но в персоналистской диктатуре все эти механизмы уничтожены или превращены в имитацию. В такой системе личные патологии лидера получают прямой и неограниченный доступ к репрессивному аппарату государства. Нет ни одного барьера между личной фобией и уголовным наказанием. Нет ни одного фильтра между вытесненным импульсом и государственной политикой. Нет ни одного механизма, который мог бы сказать: «Стоп, это иррационально, это вредно, это разрушительно».

Поэтому путинские вытесненные страхи превратились в законы. Его проекции стали международной политикой. Его потребность в компенсации оформилась как война. Его садистическое наслаждение от наказания реализуется через репрессивную машину, которая перемалывает жизни миллионов людей.

Это и есть суть персоналистской диктатуры: личное становится политическим в самом буквальном смысле. То, что в демократии осталось бы частной проблемой, требующей психотерапии, в диктатуре превращается в основание для уголовного преследования. То, что в нормальном обществе было бы предметом личной рефлексии, в диктатуре становится идеологией государства.

Мы проанализировали, как вытесненный психосексуальный конфликт формирует поведение Путина, его отношение к ЛГБТ-сообществу, его восприятие Запада, его потребность в компенсации через насилие. Мы увидели, как личная патология превращается в государственную политику, как страх собственной слабости трансформируется в культ силы, как вытесненные импульсы возвращаются в форме репрессий.

Но компенсация страха слабости принимает не только форму преследования людей. Она принимает также форму фетишизации объектов – оружия, ракет, территорий. Когда тело больше не может доказать силу, когда даже война не приносит окончательного

удовлетворения, психика переносит потребность в доказательстве на символические объекты власти.

В следующей главе мы рассмотрим, как работают эти фетиши силы.

Почему Путин так навязчиво демонстрирует новые виды вооружений.

Почему каждая ракета становится символом мужественности.

Почему территория превращается в фетиши, а ее захват в доказательство потенции.

Мы увидим, как психосексуальная динамика, которую мы проанализировали в этой главе, проявляется в отношении к объектам власти и в фетишистском восприятии силы.

Глава 9

Фетиши: оружие, ракеты, территории

Введение: что такое фетиш в клиническом смысле

В предыдущей главе мы проанализировали, как психосексуальный конфликт Путина трансформируется в компенсаторное поведение – культ маскулинности, демонстративную агрессию, войну как финальное доказательство мужественности.

Но компенсация страха слабости принимает не только форму действий. Она также принимает форму фиксации на объектах – тех символах силы, через которые человек пытается заполнить внутреннюю пустоту. Когда тело больше не может доказать силу, когда даже насилие не приносит полного удовлетворения, психика переносит потребность в доказательство на объекты. Эти объекты становятся фетишами в строго клиническом психоаналитическом смысле этого термина.

Зигмунд Фрейд описывал фетиш как объект, который заполняет травматическую пустоту. Человек не может вынести встречи с тем, чего ему не хватает, – устойчивого ощущения собственной ценности, внутренней опоры, уверенности в себе. И тогда он создает символический заместитель – объект, который должен компенсировать этот дефицит. Фетиш появляется там, где нет внутренней опоры. Он становится костылем, который удерживает психику от столкновения с тем, что человек не в силах признать в себе самом. То, что невозможно сдерживать внутри, переносится на внешний предмет. Этот предмет наделяется чрезмерной, иррациональной значимостью не потому, что он действительно настолько важен, а потому что без него становится заметной собственная уязвимость.

У ребенка, испытывающего тревогу разделения с матерью, таким заместителем может стать игрушка или одеяло. Они символически возвращают ощущение безопасности и близости, которых не хватает в реальности. У взрослого человека, переживающего кризис идентичности, этим становятся статусные предметы – дорогая машина, должность, деньги. Они подтверждают значимость извне, когда изнутри этого подтверждения нет.

У диктатора, который боится собственной слабости, старения, утраты контроля, заместителями становятся символы власти и силы – оружие и территория. Они выполняют простую, но критически важную функцию: позволяют не встречаться с внутренней пустотой, дают иллюзию могущества, создают ощущение, что все под контролем. Фетиш работает как защитный механизм. Он не решает проблему, а маскирует ее. Не устраняет страх, но временно его заглушает. И чем сильнее внутренний дефицит, тем большую значимость приобретает внешний объект. Чем глубже уязвимость, тем навязчивее фиксация на заместителе.

У Путина таких фетишей, как минимум, два: оружие и территория. Ракеты и карта. Военная техника и квадратные километры. Через них он пытается компенсировать то, чего не может получить иначе: ощущение силы, значимости, контроля над реальностью. Каждая новая ракета – это попытка доказать себе, что он все еще могущественен. Каждый новый квадратный километр на карте – это попытка заполнить внутреннюю пустоту внешними границами.

Но как любая компенсация, фетиш никогда не насыщает. Временное облегчение сменяется тревогой, которая требует новой дозы символического подтверждения. Поэтому фетишизация усиливается, становится навязчивой, превращается в главную движущую силу политического поведения.

Фетиш оружия: ракеты как символическая броня

Когда Владимир Путин говорит о ракетах, с ним происходит метаморфоза. Если внимательно смотреть на записи его выступлений, где он рассказывает о новых системах вооружений, можно увидеть особую реакцию – эмоциональную, телесную, почти интимную.

Плечи расправляются, осанка выпрямляется. Взгляд становится острее, в глазах появляется особая живость. В уголках губ возникает едва заметная улыбка, не официальная протокольная, а та самодовольная полуулыбка человека, который сообщает нечто важное о себе самом, о своих достижениях, о своих возможностях. Голос становится на полтона выше и приобретает почти интимное звучание.

В эти моменты он не просто докладывает о военно-техническом потенциале государства. Он хвастается. Он упивается деталями, перечисляет технические характеристики с тем особым удовольствием, с которым ребенок показывает друзьям новую игрушку, превосходящую все остальные. Дальность полета, скорость, невозможность перехватить, разрушительная мощь – каждая цифра произносится с гордостью, каждый параметр подчеркивается с наслаждением.

Военный стратег, оценивающий боевую эффективность системы, говорил бы иначе. Здесь же мы слышим человека, для которого характеристики ракеты звучат как подтверждение собственной состоятельности. Не «у государства есть эффективное оружие», а «я обладаю силой». Не «наша армия защищена», а «я непобедим».

Почему для Путина оружие – не просто вооружения, а нечто глубоко личное? Почему демонстрация ракет вызывает у него такую эмоциональную реакцию, которая не свойственна другим политическим лидерам?

Ответ лежит в области психологии компенсации.

Общая динамика: нарастающая навязчивость

Если проследить эволюцию темы вооружений в путинской риторике, можно увидеть характерную динамику. В начале 2000-х годов оружие упоминалось, но не занимало центрального места. Появление «Искандеров» – оперативно-тактических ракетных комплексов – сопровождалось комментариями Путина, но это еще не была доминирующая тема.

К середине 2010-х картина меняется. Сирийская кампания 2015 года превращается в демонстрацию технологий. Каждый пуск крылатых ракет «Калибр» с кораблей Каспийской флотилии становится информационным событием. Путин лично комментирует дальность, точность, эффективность поражения целей. Военная операция оказывается не столько инструментом достижения геополитических целей, сколько сценой для показа вооружений.

2018 год – послание Федеральному собранию с компьютерной анимацией ядерного удара. Это уже не просто упоминание военного потенциала – это театрализованное представление разрушительной мощи, где графика должна произвести максимальное впечатление на аудиторию и, что важнее, на самого Путина.

С 2022 года, после начала полномасштабной войны в Украине, тема оружия становится навязчивой. «Сармат», «Посейдон», «Буревестник», «Авангард», «Циркон», «Орешник» – одно название за другим. Все более грозные имена, все более фантастические заявленные характеристики. Демонстрации следуют одна за другой с нарастающей частотой.

Важно заметить закономерность: чем дальше развивается ситуация, тем громче звучат заявления о «новейших системах». Чем больше проблем, тем агрессивнее риторика о «неперехватываемых ракетах» и «гарантированном возмездии». Чем очевиднее становится отсутствие быстрой победы, тем настойчивее демонстрируется «аналоговнетное» оружие.

Мы не будем строить прямых корреляций между конкретными событиями и конкретными заявлениями – это область военной публицистики, а не психологического анализа. Но общий психологический паттерн очевиден: человек, теряющий реальный контроль над ситуацией, усиливает символический контроль. Когда реальность перестает подчиняться, психика цепляется за символы, которые еще можно контролировать.

Оружие как фетиш: теория Фрейда

В работе «Фетишизм» (1927) Зигмунд Фрейд¹⁸ определял фетиш как объект-заместитель, возникающий в психике там, где прямое удовлетворение потребности невозможно. Фетиш заполняет структурный дефицит, он замещает то, чего субъект лишен, но не может признать это.

Применительно к Путину оружие выполняет именно такую заместительную функцию. Оно становится внешним объектом, опосредующим отношения субъекта с собственным ощущением силы. Когда Путин описывает ракету, способную «поразить любую цель в любой точке мира», он совершает психологическую операцию переноса: технические характеристики оружия становятся характеристиками его самого. Способность ракеты поражать трансформируется в его способность поражать. Неуязвимость системы ПРО – в его неуязвимость.

В психоаналитической терминологии оружие функционирует как нарциссическое расширение «я», то есть внешний объект, включенный в структуру самости, воспринимается как ее неотъемлемая часть. Такое расширение всегда указывает на дефицит: субъект присваивает внешний объект именно потому, что внутренних ресурсов недостаточно для поддержания устойчивого самоощущения.

¹⁸ Зигмунд Фрейд, «Фетишизм» (1927)

Фрейд отмечал закономерность: содержание компенсации всегда указывает на содержание травмы. Человек компенсирует именно тот дефицит, который переживается как наиболее угрожающий. Навязчивая демонстрация богатства выдает страх бедности.

Постоянное доказательство интеллектуального превосходства – страх оказаться глупым. Непрерывные заявления о силе – страх обнаружить собственную слабость.

В случае с Путиным центральным является страх бессилия. Речь идет не об абстрактной категории, а о конкретном переживании: утрата контроля над ситуацией, неспособность определять ход событий, столкновение с реальностью, которая не подчиняется воле субъекта.

Именно в моменты утраты реального контроля активизируется механизм символической компенсации. Когда военная операция развивается не по плану, когда армия несет потери, когда экономика испытывает давление на себе санкций, когда международная изоляция нарастает, субъект обращается к символическому полю, где контроль еще возможен.

Невозможность остановить украинские беспилотники, атакующие объекты на территории России, компенсируется демонстрацией видеозаписей пусков гиперзвуковых ракет. Невозможность достичь заявленных военных целей – заявлениями о системах вооружений, «гарантирующих уничтожение противника». Утрата влияния на западных партнеров – угрозами применения ядерного оружия.

Оружие образует символическое пространство, в котором субъект сохраняет переживание всемогущества. Пространство, где его высказывания еще обладают перформативной силой, где он еще способен определять условия. Разумеется, речь идет об иллюзии контроля, а не о контроле реальном. Однако для субъекта, переживающего прогрессирующую утрату реального контроля, поддержание такой иллюзии приобретает характер психологической необходимости.

Символическая броня: теория Берглера

Эдмунд Берглер в своих работах о защитных механизмах описывал психическую конструкцию, которую в берглеровской логике можно интерпретировать как защитную гипермаскулинную структуру. Речь идет о способе психической самообороны, формируемом субъектом, неспособным интегрировать собственную уязвимость. Вместо проработки внутреннего конфликта такой субъект выстраивает систему внешних атрибутов, функция которых – предотвратить осознание того, что переживается как невыносимое.

Центральное место в концепции Берглера занимает механизм гипермаскулинной компенсации. Мужчина, вытесняющий неприемлемые для него аспекты собственной психики – отрицаемую гомосексуальность, пассивность, зависимость, уязвимость, – формирует защитную структуру, построенную на преувеличенной демонстрации «мужских» качеств. Агрессия, доминирование, культ силы становятся не выражением подлинной уверенности, а ее симуляцией, попыткой убедить себя и окружающих в том, чего субъект в действительности не ощущает.

В случае с Путиным оружие выполняет именно функцию такой гипермаскулинной брони. Ракета – классический фаллический символ – становится внешним подтверждением мужественности, которую субъект не может ощутить изнутри и испытывает ее дефицит. Каждая новая система вооружений – «Сармат», «Посейдон», «Буревестник», «Орешник» – добавляет очередной слой символической защиты, укрепляя барьер между сознанием и вытесненным содержанием.

Берглер подчеркивал, что подобная компенсация никогда не достигает цели. Страх собственной слабости, преобразованный в демонстрацию силы, не исчезает, он лишь временно маскируется. Вытесненное содержание неизбежно возвращается, требуя новой порции защитного поведения. Отсюда компульсивный, повторяющийся характер демонстраций, их нарастающая интенсивность.

Одной ракеты недостаточно, потому что проблема не в количестве ракет, проблема во внутреннем дефиците, который никакое внешнее накопление не способно восполнить.

Потребность Путина в оружии, таким образом, не сводится исключительно к военно–стратегическим соображениям. Она имеет еще и психосексуальную природу именно в берглеровском понимании: оружие необходимо как постоянное подтверждение маскулинности, как свидетельство потенции – способности «поражать», «проникать», «уничтожать». Фаллическая символика ракетного оружия здесь не случайна и не является натяжкой интерпретации, она прямо вытекает из слов, которыми Путин описывает эти системы.

Вне символической системы вооружений остается стареющий закомплексованный человек невысокого роста, утрачивающий контроль над ситуацией, которую сам же создал. Внутри нее – субъект, способный поддерживать фантазию о всемогуществе, о мужской силе, не подверженной времени и обстоятельствам. Броня не изменяет реального положения дел и не устраняет внутренний конфликт. Ее функция состоит в том, чтобы позволить субъекту не воспринимать те аспекты собственной психики, которые угрожают нарциссическому равновесию.

Патология статуса: теория Киммела

Майкл Киммел, американский социолог, посвятивший значительную часть своих исследований проблематике современной маскулинности, ввел понятие «патологии статуса» для описания специфической динамики мужского поведения в ситуации угрозы социальной позиции.

Эмпирические исследования Киммела продемонстрировали контринтуитивную закономерность: наиболее агрессивные паттерны поведения характерны не для мужчин, обладающих устойчивой

уверенностью в собственной силе и положении, а для тех, кто эту уверенность утратил либо никогда не имел ее в достаточной мере.

Механизм патологии статуса активизируется в специфических условиях: когда социальная позиция субъекта становится нестабильной, когда его легитимность подвергается сомнению, когда окружающие – явно или имплицитно – начинают оспаривать его право на занимаемое место в иерархии. Именно в такие моменты возникает то, что Киммел описывал как судорожное компульсивное стремление к подтверждению силы посредством внешних символов.

Для обозначения этого феномена Киммел использовал термин «компенсаторная маскулинность». Речь идет о ситуации, когда субъект утрачивает внутреннее ощущение собственной мужественности и пытается восполнить этот дефицит через накопление внешних атрибутов. Символы призваны компенсировать отсутствие содержания; демонстративное поведение замещает подлинную уверенность, которой субъект больше не располагает.

Политическая ситуация Путина в значительной степени соответствует условиям, при которых патология статуса достигает максимальной интенсивности. Его легитимность лишена институциональных оснований: отсутствуют демократические выборы, отсутствует общественный договор, власть держится на аппарате принуждения, репрессиях, насилии, пытках и культивируемом страхе.

«СВО», которая замышлялась как триумфальное подтверждение путинского величия, трансформировалась в затяжную бессмысленную войну на истощение. Экономика функционирует в условиях беспрецедентного санкционного давления. Элиты, по имеющимся свидетельствам, переживают нарастающую усталость от неопределенности. Западные партнеры демонстрируют все меньшую восприимчивость к угрозам, которые еще несколько лет назад производили значительный эффект.

В подобной конфигурации обстоятельств, когда большинство инструментов влияния утрачивают эффективность, патология статуса проявляется с особой отчетливостью.

Существует обратная зависимость между реальными основаниями для уверенности и интенсивностью деклараций о силе. Ослабление фактической позиции сопровождается эскалацией агрессивной риторики. Нарастание внутренних сомнений коррелирует с учащением демонстраций новейших систем вооружений, каждая из которых объявляется не имеющей аналогов.

Подобная динамика представляет собой не стратегию субъекта, контролирующего ситуацию, а реактивное поведение субъекта, ощущающего утрату контроля и предпринимающего все более отчаянные попытки сохранить фасад могущества в условиях, когда реальность перестает соответствовать притязаниям.

Ритуалы мужественности: повторяемость и зависимость

В той же теоретической рамке Киммел анализировал феномен «ритуалов мужественности» – повторяющихся практик, посредством которых мужчина стремится подтвердить собственную состоятельность в глазах других и, что существенно, в собственных глазах.

В традиционных обществах подобные ритуалы принимали форму охоты, воинских испытаний, демонстрации физической выносливости и силы.

Современные общества трансформировали содержание ритуалов, сохранив их структуру: карьерные достижения, спортивные победы, накопление и демонстрация материального богатства выполняют ту же психологическую функцию.

Инвариантная структура ритуала мужественности состоит в следующем: субъект, не располагающий устойчивым внутренним ощущением собственной ценности, пытается получить это ощущение

извне через повторяющееся действие, которое должно подтвердить его статус в символическом порядке. Ритуал становится необходим именно тогда, когда внутренняя уверенность отсутствует или недостаточна.

Применительно к Путину демонстрация вооружений обнаруживает все структурные характеристики такого ритуала. Ежегодные послания Федеральному собранию, включающие презентации новых ракетных систем, функционируют как ритуал подтверждения доминантной позиции в иерархии. Видеозаписи пусков гиперзвуковых ракет, распространяемые государственными медиа, представляют собой ритуал восстановления статуса угрозы. Периодически повторяющиеся заявления о готовности применить ядерное оружие образуют ритуал компенсации, призванный замаскировать нарастающее расхождение между декларируемым всемогуществом и фактической способностью влиять на ход событий.

Фундаментальная проблема ритуальной компенсации состоит в ее принципиальной ненасыщаемости. Ритуал не способен разрешить те реальные проблемы, симптомом которых является потребность в нем: он не приближает военную победу, не восстанавливает экономическую устойчивость, не возвращает утраченную легитимность. Ритуал решает исключительно символическую задачу обеспечить временную редукцию тревоги, на короткий период восстановить субъективное ощущение контроля над ситуацией. Однако эффект ритуала по определению краткосрочен. Тревога, временно редуцированная ритуальным действием, неизбежно возвращается, и возвращается с требованием новой дозы символического подтверждения. Формируется динамика, структурно идентичная динамике зависимости: ритуал необходимо воспроизводить снова и снова, причем с нарастающей частотой и интенсивностью, поскольку каждая последующая доза приносит меньшее облегчение, чем предыдущая.

В этой перспективе становится очевидным, что адресатом путинских демонстраций является не Запад, не геополитические противники, не

российское общество. Подлинным адресатом выступает он сам. Компульсивный характер возвращения к теме вооружений, нарастающая частота и интенсивность демонстраций указывают на то, что субъект не вполне убежден собственными аргументами. Ритуал, который действительно достигал бы своей цели, не требовал бы столь навязчивого повторения.

Сравнение с Западом: легитимность через выборы vs через доминирование

Чтобы увидеть патологию отчетливее, достаточно сравнить Путина с западными политическими лидерами. Возьмем любое выступление любого западного лидера, например, британского премьер–министра, канцлера Германии, французского президента, где они говорят о военном потенциале своих стран.

Тон всегда технический, сухой, часто даже неохотный. Это тема, которую нужно затронуть по протоколу, но никто не смакует детали, не перечисляет с упоением технические характеристики, не светится от удовольствия. Оружие упоминается как необходимый ресурс, инструмент обороны, но не как предмет гордости.

Для западного лидера оружие – один из многих элементов государственной политики. Военная сила важна, но она не определяет его идентичность, не является источником его легитимности.

У Путина все наоборот. Оружие – это кульминация выступления, эмоциональный пик, момент, когда он оживает. Энергия возрастает, появляется этот особый блеск в глазах, голос меняется. Он не просто докладывает о системах вооружения, он ими хвастается, как ребенок, принесший в школу самую дорогую и впечатляющую игрушку.

Эта разница выдает фундаментальное различие в психологии власти.

Западный лидер черпает легитимность из демократических процедур: из выборов, из работы институтов, из общественного договора. Оружие для него – средство защиты этого договора, но не источник его власти.

Путин черпает легитимность из насилия, доминирования, из тотального контроля, из способности внушать страх. Для него оружие – не инструмент политики, а психологическая опора.

Поэтому западный лидер может говорить об оружии спокойно, без эмоциональной вовлеченности. Он не зависит от него психологически. А Путин зависит. Для него это не политический ресурс, а часть идентичности, психологический костыль, без которого рухнет вся конструкция самовосприятия.

И эта зависимость читается в каждом слове, в каждом жесте, в каждой интонации, когда он говорит о ракетах.

Фетиш территории: карта как идентичность

В июне 2025 года Владимир Путин произносит фразу, которая стала хрестоматийной для понимания его мировоззрения: «На территории Якутии помещается восемь Франций». Он говорил об этом и раньше, и каждый раз с одинаковым выражением лица. Щенячий восторг, крайнее самоудовлетворение, нескрываемое ощущение какой-то внутренней победы. Посмотрите внимательно на его мимику в эти моменты. Мы видим не дипломатическую вежливость и не риторическую фигуру, а искреннюю радость. Путин получает удовольствие от самого факта, что только один российский регион в восемь раз больше целой европейской страны. Он произносит эти слова так, будто сообщает о личном достижении, о чем-то, что доказывает его собственную значимость.

Но давайте обратимся к цифрам и посмотрим, что на самом деле стоит за этим сравнением.

Территория Франции – около 550 тысяч квадратных километров. Территория Якутии – около 3 миллионов квадратных километров. То есть примерно в шесть раз больше. Но на этом превосходство заканчивается и начинается все остальное – то, о чем Путин никогда не говорит.

Валовый внутренний продукт Франции более 3 триллионов долларов в год. Валовый региональный продукт Якутии – около 30 миллиардов долларов. Разница в сто раз. Население Франции – почти 67 миллионов человек. Население Якутии – чуть больше миллиона. Разница – в шестьдесят семь раз.

И вот вопрос, который Путин никогда себе не задает: что важнее: площадь на карте или жизнь на этой площади?

Во Франции передовая наука, мирового уровня автомобильная промышленность, электроника, аэрокосмическая отрасль, фармацевтика. Культура, известная на весь мир. Развитая инфраструктура, связывающая каждый город и деревню. Эффективное здравоохранение с одним из самых высоких показателей продолжительности жизни в мире. Образование, которое привлекает студентов со всех континентов. Первое место в мире по туристическому потоку – более 100 миллионов человек каждый год выбирают Францию, чтобы туда приехать и увидеть эту страну.

В Якутии – вымирающие деревни и села, теряющие население год за годом. Очень низкий уровень жизни и одновременно продолжающийся десятилетиями стабильный вывоз Москвой природных ресурсов. Алкогольная зависимость как массовое явление, затрагивающее тысячи семей. Среди женщин – одна из самых высоких долей потребления алкоголя в стране. Врачи признают: подавляющее большинство циррозов и хронических гепатитов здесь – алкогольного происхождения. Параллельно растет количество людей, зависимых от наркотиков.

Старая, еще советская, инфраструктура разрушается. Многие населенные пункты не имеют круглогодичных дорог – весной и осенью они становятся фактически отрезанными от остального мира. Интернет и мобильная связь в отдаленных районах ненадежны или отсутствуют вовсе (впрочем, сегодня это стало нормой даже для большинства российских городов-миллионников). Доставка продуктов и товаров первой необходимости нерегулярна, особенно в

межсезонье, когда дороги становятся непроходимыми. Медицинская помощь низкого качества. Врачей катастрофически не хватает, фельдшерские пункты закрываются, а до ближайшей больницы сотни километров по бездорожью и мерзлоте. Школы в дефиците, учителей также не хватает. Педагоги едут в села как на вахту, а не на постоянное место жительства.

Все это формирует не образ великой и успешной территории, а картину катастрофы. Люди не просто жалуются, они хотят навсегда уехать из Якутии. И как только появляется шанс, сразу покидают эту территорию. До трети населения, особенно молодежь, мечтает вырваться из региона.

Зафиксируем. Франция – страна, куда стремятся попасть. Якутия – территория, откуда, наоборот, стремятся уехать.

Вот так и получается: официально на словах на карте – величие. В жизни – бедность, безысходность и выживание.

Но самое показательное – куда стремятся российские элиты, главные «патриоты» страны, те самые, кто по примеру Путина так гордится размерами России. Им неинтересны якутские города. Никто из них не отдыхает в Верхоянске, не мечтает о доме в Ленске. По каким-то страннным причинам их мечты не о Якутии, а именно о Франции. Невероятно, но именно в Париже, Каннах и Ницце они покупают дома и недвижимость. Удивительно, но там же, во Франции, живут их жены, дети, любовницы и дети любовниц.

А Якутия?

Она остается только источником ресурсов, сырья и «живого мяса» для путинской войны.

Вот и получается: элиты живут в Ницце, ресурсы вывозятся в Москву, а Якутии остаются вымершие села и разрушенная инфраструктура. Но в телевизоре все стабильно, все хорошо, по телевизору – карта. А на ней все внушительно.

Территория как аргумент: карта вместо содержания

Именно это делает культ территории идеальным инструментом путинской манипуляции. Он не требует успехов. Не зависит от реальной жизни людей. Его нельзя опровергнуть, площадь ведь не изменится, квадратные километры останутся на карте независимо от того, что происходит внутри этих границ.

Даже если экономика в рецессии, даже если международная изоляция нарастает, даже если люди беднеют, а общество деградирует, карта остается. Она лежит на столе и радует глаз престарелого диктатора. Она позволяет уйти от любых вопросов о реальном положении дел. Так территория становится для Путина целой системой аргументации, подменяющей собой любую содержательную дискуссию.

Когда он говорит об Арктике, он не говорит о научных проектах, о технологиях освоения Севера, об экологии, о жизни людей в северных регионах. Он говорит: «Это наша земля». Когда он говорит о Дальнем Востоке, речь идет не о развитии, не о демографии, не о школах и больницах, не о создании условий для жизни. А о гектарах, о просторах, о размерах.

И во всех этих рассуждениях исчезает главное – человек. Его мнение, его нужды, его жизнь. Вместо людей Путин видит квадратные километры. Это безопаснее для его психики. Территория не предаст, не упрекнет, не задаст неудобных вопросов. Она просто лежит на карте и молчит. Эта же логика выходит далеко за пределы внутренних монологов. Она становится основой внешнеполитического мышления. Путин не просто так говорит про «исторические земли», он действительно мыслит категориями, которые в остальном мире уже давно выглядят как архаика.

В XXI веке, когда обсуждают технологии искусственного интеллекта, зеленую экономику, образование, человеческий капитал, он достает карту и говорит: «Посмотрите, сколько у нас земли».

Так мыслит геополитика XIX века – эпохи, когда империи мерялись протяженностью границ и доказывали свое величие не качеством

жизни людей, а числом губерний, количеством батальонов и запасом пушечного мяса. И Путин на глазах у всего мира, в окружении лидеров, говорящих о будущем, продолжает говорить языком прошлого. Но внутри страны эта риторика работает. Особенно в условиях информационной изоляции, идеологического давления и мобилизационного гипноза. В реальности может не быть экономического роста, не быть доступной и эффективной медицины, не быть перспектив. Но территория, земля, пространство – они есть всегда. Они не требуют доказательств, не поддаются сомнению и не зависят от политики. Они не меняются. А значит, в глазах части населения придают устойчивость и самому режиму.

Так карта становится не способом понять страну, а способом уйти от любых вопросов о ней. От разговоров о бедности, разрухе и технологическом отставании к привычному жесту: «Посмотрите, какая у нас большая страна».

Детские истоки: коммуналка и отсутствие своего пространства

Откуда берется эта obsессия пространством?

Психоанализ объясняет ее как следствие ранних травм, связанных с отсутствием собственного безопасного места.

Мальчик, выросший в коммунальной квартире в Ленинграде, без собственного угла, вынужденный делить пространство с чужими людьми, формирует болезненную фиксацию: «мое» пространство нужно завоевать и удерживать любой ценой. В коммуналке нет приватности. Каждый метр оспаривается. Каждый угол – поле битвы за элементарное достоинство.

Путин сам описывал свой детский опыт с крысами в подъезде. Но что такое крыса в узком пространстве коммунального подъезда? Это существо, которое оспаривает твое право на территорию. Которое вторгается в «твое». Которое нужно уничтожить, чтобы почувствовать себя в безопасности, чтобы утвердить свое право на это пространство.

Эта детская фиксация впоследствии превращается в политический принцип. В отличие от рациональных государственников, для которых территория – один из многих ресурсов (экономический, дипломатический, стратегический), для Путина она становится самодостаточной ценностью. Контроль над пространством подменяет развитие общества, а расширение границ компенсирует отсутствие внутреннего содержания.

Зигмунд Фрейд описывал подобные фиксации как проявления анального характера¹⁹ – психологического типа, для которого характерны навязчивый контроль, стремление к удерживанию и накоплению, ригидность мышления. В этой логике территория становится объектом, который нужно не развивать, а удерживать. Не использовать эффективно, а просто владеть.

Для Путина контроль над территорией становится компенсаторным механизмом – способом заглушить глубинный страх утраты и предательства. Чем больше пространства под контролем, тем меньше тревога. Но, как и любая компенсация, она никогда не приносит настоящего облегчения. Напротив: чем больше территории, тем сильнее страх ее потерять.

Карта как проекция тела: нарциссическая фиксация

Карта для Путина – это не инструмент анализа, не политический документ, не способ планирования развития регионов. Это инструмент самоидентификации. Глядя на карту, он видит не территории с их экономическими, культурными, человеческими характеристиками и проблемами. Он видит продолжение самого себя.

В этом проявляется то, что психоаналитики называют нарциссической фиксацией – неспособностью отделить себя от объектов своего контроля. Территория воспринимается не как внешнее пространство, которым нужно управлять ради благополучия живущих на ней людей,

¹⁹ Зигмунд Фрейд, “Характер и анальная эротика” (1908)

а как продолжение собственного тела, как часть собственной идентичности.

В 2025 году на Петербургском экономическом форуме Путин произносит фразу, которая подводит черту под всей его географической манией: «Там, где ступает нога русского солдата, – то наше».

Но главное не слова, а выражение лица. Он говорит это с особым наслаждением, не как стратег или политик, а как человек, который в этот момент чувствует себя очень крутым и всемогущим, очень гордым собой, абсолютным хозяином положения. Губы растягиваются в самодовольной полуулыбке, глаза блестят.

В этот момент мы наблюдаем в его исполнении не государственное заявление, а настоящее интимное торжество. Он наслаждается не мыслью, а властью и чувством собственного величия, которое эта мысль ему дает. Как ребенок, который разбил стекло железным прутом и теперь смотрит с гордостью на осколки.

По сути, эта фраза является актом публичного обнажения. В ней мы видим настоящего Путина – маленького серого человечка, который упивается властью и могуществом. Произнося это, он уже не притворяется, не скрывается за идеологией, патриотизмом и красивыми словами. Он показывает скрытые механизмы, которые движут им. Глядя на него в этот момент, мы видим всю суть путинского нарциссизма.

Психоаналитическая логика: территория как ложная идентичность

В нарциссической конструкции Путина территория – это не абстрактное пространство, не ресурс, не общественное благо. Это проекция его собственного тела. Он ею гордится, как своим телом. Он ее оберегает как границу своей психической целостности. Он ее не

отдает не потому что она нужна государству или народу, а потому что она замещает то, чего у него нет: устойчивого «я».

В этом суть нарциссической фиксации: неспособность выстраивать идентичность через отношения, признание, диалог. Он не воспринимает территорию как пространство для других. Он не видит в ней страну, не видит людей, не видит сотни тысяч жертв, которые погибают в его войне за территории. Он видит себя, как зеркало, как оболочку, как нарисованную форму своего присутствия. Именно поэтому так болезненно реагирует на идею потерь, уступок, изменения границ. Потеря территории в его картине мира – это не внешнеполитическое событие, а фактически ампутация. Нечто, что затрагивает уже не Россию, а его самого. Но главное – он не может быть собой. Не может позволить себе идентичность, в которой есть слабость, сомнение, ранимость. С юности он живет в постоянном усилии быть «кем-то другим», скрывать аспекты своей идентичности, которые кажутся ему неприемлемыми. В психоаналитической традиции подобная конструкция описывалась как расщепление между подлинным и предьявляемым образом себя. Дональд Винникотт связывал это с формированием «ложного я»²⁰ – защитной структуры, которая возникает там, где субъект не может опираться на спонтанное, подлинное переживание собственной личности. Эдмунд Берглер, говоря о феномене «гомосексуала в отрицании» – человека, отрицающего аспекты своей идентичности, – объяснял, что вытеснение создает постоянную фрустрацию и злость, которая ищет выход. Так же и Путин, не в силах принять свою подлинную идентичность, выстраивает личность не для того, чтобы его любили или уважали, а чтобы его боялись и ему подчинялись. Территория в этом смысле для него – это идентичность, нарисованная вместо той, которую он все еще не может признать.

²⁰ Дональд Винникотт, «Переходные объекты и переходные явления» (1953)

Невозможность остановиться: территория как основа психического равновесия

Отсюда навязчивый страх утратить контроль над захваченными территориями.

Крым и Донбасс – это не просто земли, а в первую очередь символы. Их удержание подтверждает масштаб его власти. Их возможная утрата воспринимается как утрата части себя.

Для нарцисса внешние атрибуты власти – это основа внутреннего равновесия. Он буквально существует через карту. Через линию фронта. Через расширение границ. Каждый новый оккупированный регион для Путина – это прежде всего не стратегическое приобретение, а фиксация собственной значимости. Любое сокращение, наоборот, – сжатие его образа.

Именно поэтому война бесконечна. Он не может остановиться, потому что остановка для него станет не паузой, а падением. Территория превращается в опору его нарциссической конструкции. И пока она расширяется, он чувствует себя устойчиво. Стоит ей сократиться, начнет рушиться он сам.

От фетиша к катастрофе

Мы проанализировали два главных фетиша Путина – оружие и территорию. Ракеты и карта. Технические характеристики «аналоговнетных» систем и квадратные километры на бумаге. На первый взгляд, это разные объекты, но психологическая функция у них одна: заполнить внутреннюю пустоту, которую невозможно заполнить иначе. Оружие дает ощущение силы, когда реальной силы нет. Территория дает ощущение значимости, когда реальных достижений нет. Вместе они создают иллюзию, в которой стареющий слабеющий обреченный диктатор все еще могущественен, все еще велик, все еще контролирует реальность.

Но фетиш никогда не решает проблему. Он только маскирует ее. Временное облегчение, которое приносит демонстрация новой ракеты или присоединение новой территории, быстро сменяется возвращением тревоги. Внутренняя пустота никуда не девается, она требует новой дозы символического подтверждения. Именно поэтому компенсация нарастает. Одного «Искандера» было недостаточно, понадобился «Калибр». «Калибра» было недостаточно, понадобился «Сармат». «Сармата» недостаточно, появляется «Орешник». Каждая новая система должна быть грознее предыдущей, каждое новое название – страшнее. Но облегчение становится все короче, а потребность в подтверждении все острее.

То же самое с территорией. Крыма было недостаточно, понадобился Донбасс. Донбасса было недостаточно, понадобилось полномасштабное вторжение. И даже если представить невозможное, что Украина будет полностью захвачена и покорена, – этого тоже будет недостаточно. Потому что проблема не в количестве квадратных километров. Проблема внутри.

Чем больше компенсация, тем глубже кризис. Это закон любой зависимости. Наркоман, увеличивающий дозу, не приближается к излечению, он приближается к передозировке. Фетишист, наращивающий коллекцию символов, не приближается к внутренней устойчивости, он приближается к катастрофе.

Эдмунд Берглер описывал этот механизм как «порочный круг психического мазохизма». Человек, бегущий от внутренней боли, создает все больше внешних проблем, которые в конечном счете возвращают его к той же боли, но уже в многократно усиленном виде.

Путин, пытаясь заполнить внутреннюю пустоту ракетами и захваченными территориями, развязал войну, которая уничтожает все что он двадцать шесть лет выстраивал и берег. Экономику, еще недавно называвшуюся «пятой в мире». Армию, которую представляли как «вторую по силе». Иллюзию статуса мировой сверхдержавы. И в итоге – собственное наследие и репутацию.

Фетиш обещал защиту от уязвимости, однако привел к тотальной уязвимости. Символическая броня, которую он выстраивал десятилетиями, не защитила его от реальности. Она только отсрочила встречу с ней и сделала эту встречу катастрофической.

Мы увидели, как Путин фетишизирует оружие и территорию, как через эти объекты он пытается компенсировать свои внутренние проблемы, как навязчивая фиксация на символах силы выдает глубинный страх слабости. Но фетишизация – это еще попытка избежать реальности, остаться в мире символов и иллюзий.

Реальность – это война. Война, которую он начал и которую не может остановить. Война, которая стала не инструментом политики, а способом существования.

В следующей главе мы разберем психологические механизмы этого решения: почему он начал войну и почему для него невозможно ее прекратить.

Глава 10

Война

Введение: война как психологический феномен

Итак, мы уже проследили формирование психологической структуры, которая определяет поведение Владимира Путина: детские травмы, породившие глубинное ощущение уязвимости; защитные механизмы, трансформировавшие страх слабости в компульсивную демонстрацию силы; фетишизацию оружия и территории как способ компенсации внутреннего дефицита; проекцию неприемлемых аспектов собственной психики на внешних врагов. Все эти элементы, взятые по отдельности, объясняют отдельные аспекты путинского правления. Взятые вместе, они образуют психодинамическую систему, логическим завершением которой стала война.

24 февраля 2022 года Россия начала полномасштабное вторжение в Украину. Это событие застало врасплох большинство экспертов, которые до последнего момента считали такую войну маловероятной. Их скептицизм основывался на рациональных аргументах: война противоречила экономическим интересам России, угрожала разрывом с Европой, ставила под удар десятилетия интеграции в мировую экономику, обещала катастрофические санкции. С точки зрения классического политологического анализа, построенного на предположении о рациональности политических акторов, вторжение представлялось иррациональным, а значит, невозможным.

Однако именно здесь обнаруживается фундаментальное ограничение рационалистических моделей применительно к персоналистским диктатурам. Когда политическая система выстроена вокруг одного человека, когда все институты сдержек и противовесов демонтированы, когда решения принимаются единолично и без консультаций, логика этих решений определяется не

государственными интересами в их объективном понимании, а психологической структурой диктатора. Государственные интересы преломляются через призму его страхов, обид, защитных механизмов и компенсаторных потребностей.

Война, начатая Путиным, представляет собой не геополитическую стратегию, а психологический акт. Она является финальной стадией той компенсаторной динамики, которую мы анализировали в предшествующих главах. Когда другие способы доказательства собственной силы и значимости оказались исчерпанными или недостаточными, спектакли маскулинности утратили убедительность по мере старения тела, демонстрации оружия перестали производить прежний эффект, угрозы потеряли действенность, психика потребовала более радикального подтверждения могущества. Война стала последним аргументом, которым Путин еще мог заявить о своей силе.

Для понимания этой войны необходимо отказаться от поиска рациональных целей в их традиционном понимании. Вопрос «чего Путин хочет добиться?» предполагает, что существует некая конечная цель, достижение которой принесет удовлетворение и позволит остановиться.

Однако психодинамика компенсации устроена иначе. Компенсаторное поведение направлено не на достижение внешней цели, а на временное облегчение внутреннего напряжения. Оно не решает проблему, а лишь маскирует ее, создавая иллюзию контроля там, где реального контроля нет. Именно поэтому компенсация принципиально ненасытаема: каждая новая доза приносит все меньшее облегчение и требует эскалации.

В этой главе мы рассмотрим, почему именно Украина стала объектом путинской агрессии; почему конфликт принял форму полномасштабной войны, а не ограничился другими методами давления; и почему Путин не может остановить эту войну, даже когда

ее продолжение очевидно противоречит интересам России и его собственным интересам.

Почему именно Украина: зеркало, которое невозможно разбить

Чтобы понять, почему именно Украина стала объектом путинской одержимости, необходимо выйти за пределы геополитических объяснений и обратиться к психологической функции, которую эта страна выполняет в сознании российского диктатора. Украина для Путина представляет собой нечто значительно большее, чем соседнее государство с определенным стратегическим значением. Она функционирует как зеркало, в котором отражается все то, что Путин не может принять в себе самом и в созданной им системе. Успешная, демократическая, европейски ориентированная Украина является живым опровержением базовых постулатов путинской идеологии: что демократия несовместима с «русской цивилизацией», что постсоветские народы неспособны к самостоятельному развитию без руководства Москвы, что западная модель обречена на провал.

Существование такого зеркала порождает то, что психоаналитики называют нарциссической травмой – болезненное столкновение с реальностью, которая противоречит грандиозному представлению субъекта о себе. Нарциссическая личность выстраивает сложную систему защит, позволяющую поддерживать ощущение собственного превосходства и значимости. Когда внешняя реальность начинает угрожать этой конструкции, возникает интенсивная тревога, которая может трансформироваться в ярость.

Хайнц Кохут, один из основателей психологии самости, посвятил значительную часть своих исследований феномену нарциссической ярости²¹. В отличие от классического психоанализа, который рассматривал нарциссизм преимущественно как патологию влечений, Кохут предложил понимать его как нарушение в развитии структуры самости, того ядра личности, которое обеспечивает базовое ощущение собственной ценности, целостности и непрерывности во времени.

²¹ Хайнц Кохут, «Мысли о нарциссизме и нарциссической ярости» (1972)

Согласно Кохуту, здоровое развитие самости требует определенных условий в раннем детстве: эмпатического отзеркаливания со стороны значимых взрослых, возможности идеализации родительских фигур, постепенного и нетравматичного разочарования в их всемогуществе. Когда эти условия не выполняются, когда ребенок сталкивается с холодностью, отвержением, непредсказуемостью или жестокостью со стороны родителей, формируется дефицитарная структура самости (психологическое состояние, характеризующееся нехваткой внутренних ресурсов для поддержания стабильной самооценки, самоуважения и чувства целостности собственного «я»). Такой человек на протяжении всей жизни будет искать внешние источники подтверждения собственной ценности, поскольку внутренние ресурсы для этого не были сформированы.

Нарциссическая ярость, в понимании Кохута, представляет собой специфическую реакцию на угрозу этой и без того хрупкой структуре самости. Когда нечто во внешнем мире ставит под сомнение грандиозный образ, который нарциссическая личность выстроила для защиты от переживания собственной дефицитарности, возникает интенсивная эмоциональная реакция, качественно отличающаяся от обычного гнева²².

Обычный гнев, как отмечал Кохут, является целенаправленной эмоцией. Он возникает в ответ на конкретное препятствие и направлен на его устранение. Когда препятствие устранено или когда становится очевидным, что его невозможно устранить, гнев затухает. Человек может испытать разочарование или фрустрацию, но он способен принять реальность и двигаться дальше.

Нарциссическая ярость устроена принципиально иначе. Она тотальна по своему охвату: объект ярости воспринимается не как конкретная проблема, а как экзистенциальная угроза, которая должна быть полностью уничтожена. Она ненасытаема по своей динамике: никакие уступки, никакие частичные победы не приносят

²² Хайнц Кохут, «Анализ самости» (1971)

удовлетворения, поскольку сам факт существования источника травмы продолжает ранить. И она непропорциональна по своей интенсивности: реакция многократно превышает масштаб реальной или воображаемой угрозы.

Кохут подчеркивал, что нарциссическая ярость направлена не на решение проблемы, а на восстановление поврежденного ощущения грандиозности. Ее подлинная цель состоит не в достижении какого-либо практического результата, а в уничтожении того, кто посмел поставить под сомнение величие субъекта. При этом «уничтожение» понимается буквально: нарциссическая личность не удовлетворится извинениями, уступками или компромиссами. Она требует полного исчезновения источника травмы – либо физического, либо символического²³.

Отто Кернберг, один из самых влиятельных современных психоаналитиков, теоретик объектных отношений, развивавший идеи Кохута в несколько ином направлении, описывал еще один важный аспект нарциссической динамики – примитивную зависть²⁴.

В отличие от обычной зависти, которая выражается в желании обладать тем, что есть у другого, примитивная зависть злокачественного нарциссизма направлена на уничтожение самого объекта зависти. Нарцисс не просто хочет иметь то, что есть у другого; он хочет, чтобы этого не существовало вовсе. Если он не может быть молодым, успешным, любимым – значит, молодость, успех и любовь должны быть разоблачены как фальшивка или уничтожены.

Кернберг также обращал внимание на параноидные элементы, присущие тяжелым формам нарциссической патологии. Нарциссическая личность склонна воспринимать любое несогласие как нападение, любую независимость как предательство, любой успех другого как собственное унижение. Мир делится на тех, кто подтверждает грандиозность субъекта, и тех, кто ее оспаривает.

²³ Хайнц Кохут, «Восстановление самости» (1977)

²⁴ Отто Кернберг, «Пограничные состояния и патологический нарциссизм» (1975)

Вторые автоматически становятся врагами, заслуживающими уничтожения.

Украина в рамках этой теоретической модели является именно таким источником нарциссической травмы. Ее существование в качестве независимого, успешно развивающегося государства ставит под вопрос весь нарратив, который Путин выстраивал на протяжении двух десятилетий. Если украинцы могут построить функционирующую демократию, если они могут интегрироваться в европейские структуры, если они могут сменять власть мирным путем – значит, проблема не в «особом пути» и не в «цивилизационной несовместимости». Значит, проблема в самой путинской системе.

Оранжевая революция: первый разлом

Отношение Путина к Украине претерпело качественную трансформацию в 2004 году, когда произошла Оранжевая революция. До этого момента Украина воспринималась как проблемная, но в целом управляемая территория, пространство, где можно было продвигать российские интересы через комбинацию экономического давления, политических манипуляций и поддержки лояльных элит.

События ноября – декабря 2004 года разрушили эту картину. Массовые протесты против фальсификации президентских выборов, приведшие к отмене результатов и победе прозападного кандидата Виктора Ющенко, продемонстрировали нечто, что было совершенно неприемлемо для путинского мировоззрения: оказалось, что постсоветское общество способно к самоорганизации, способно противостоять власти и добиваться политических изменений.

Для человека, чья профессиональная биография связана с КГБ и чье мировоззрение сформировано представлениями о тотальном контроле, сама идея спонтанного массового движения, которое невозможно остановить силовыми методами, представляла экзистенциальную угрозу. Путин, по свидетельствам людей из его окружения, был

потрясен тем, что российские спецслужбы и их украинские партнеры оказались неспособны предотвратить или подавить протесты.

Но главное состояло даже не в практическом поражении. Оранжевая революция обнажила хрупкость самой модели авторитарного контроля. Если это возможно в Киеве, что мешает подобному произойти в Москве? Этот вопрос стал источником постоянной тревоги, которая лишь усиливалась по мере того, как волна «цветных революций» распространялась по постсоветскому пространству.

С психоаналитической точки зрения, Оранжевая революция активировала глубинный страх потери контроля, о котором, мы говорили в предыдущих главах, лежит в основе путинской психологической структуры. Этот страх уходит корнями в раннее детство, в опыт выживания в коммунальной квартире, где контроль над своим пространством был постоянной проблемой. Он был подкреплён профессиональным опытом в КГБ, где контроль возводился в абсолютную ценность. И он трансформировался в политический принцип, согласно которому любое проявление общественной самостоятельности воспринимается как угроза.

Евромайдан: точка невозврата

Если Оранжевая революция была первым серьезным ударом по путинскому ощущению контроля над Украиной, то события 2013–2014 годов стали точкой невозврата.

Евромайдан начался как протест против решения президента Виктора Януковича отказаться от подписания соглашения об Ассоциации с Европейским Союзом. Но очень быстро он трансформировался в массовое движение против всей системы олигархического авторитаризма, которую олицетворял Янукович и которая была локальной версией путинской модели.

Для Путина падение Януковича в феврале 2014 года стало личным унижением. Он вложил значительные политические и финансовые

ресурсы в поддержку украинского президента. Он предоставил Украине кредит на миллиарды долларов и скидку на газ в обмен на отказ от европейской интеграции. Он рассматривал Януковича как своего ставленника, гарантирующего сохранение Украины в российской орбите.

И вот этот ставленник бежит из страны под давлением протестующих. Российские деньги потрачены впустую. Партия, которую Путин, казалось, выиграл, оборачивается поражением. А на улицах Киева ликующие толпы празднуют победу над системой, которую Путин считал нерушимой. Реакция последовала незамедлительно и была беспрецедентной по своей интенсивности. В течение нескольких недель Россия аннексировала Крым и начала войну на востоке Украины. Скорость и масштаб этих действий указывают на то, что они были продиктованы не столько стратегическим расчетом, сколько эмоциональным императивом. Путин действовал не как государственный деятель, взвешивающий последствия, а как человек, охваченный яростью и стремящийся немедленно восстановить утраченное ощущение контроля.

Проекция и «другой»: теория Сью Мэнсфилд

Для более глубокого понимания психологических механизмов, стоящих за путинской одержимостью Украиной, необходимо обратиться к исследованиям, посвященным психологическим истокам военных конфликтов. Особый интерес в этом контексте представляют работы американского исследователя Сью Мэнсфилд, прежде всего ее книга «Гештальты войны»²⁵, в которой анализируются глубинные психологические паттерны, предшествующие началу военных действий.

Мэнсфилд работала в рамках традиции, восходящей к классическим психоаналитическим исследованиям войны и агрессии. Еще Зигмунд Фрейд в своей переписке с Альбертом Эйнштейном, опубликованной

²⁵ Сью Мэнсфилд, «Гештальты войны» (1982)

под названием «Почему война?» (1933)²⁶, указывал на то, что корни военных конфликтов следует искать не только в экономических или политических противоречиях, но и в структуре человеческой психики. Фрейд писал о деструктивных влечениях, которые требуют внешнего объекта для своей реализации.

Мэнсфилд развила эту идею, показав конкретные механизмы, посредством которых внутриспсихический конфликт трансформируется во внешнюю агрессию. Центральное место в концепции Мэнсфилд занимает механизм проекции. Проекция, как она понимается в психоаналитической традиции, представляет собой защитный механизм, при котором неприемлемые для сознания импульсы, желания или качества приписываются внешнему объекту. Субъект не признает эти качества частью себя, вместо этого он «видит» их в другом и реагирует на них так, как если бы они существовали исключительно вовне. Мэнсфилд показала, что в период, предшествующий началу войны, лидер-агрессор проходит через характерную психологическую трансформацию, которую можно проследить по изменениям в его риторике и поведении. Постепенно, но неуклонно он начинает проецировать на будущего противника именно те качества, которые не может принять в себе самом, те аспекты собственной личности, которые вызывают у него наибольший стыд, страх или отвращение. Будущий враг становится экраном, на который проецируется все отвергаемое, все то, что субъект отказывается признавать частью собственной психики. Эта динамика имеет свою внутреннюю логику, которую Мэнсфилд детально проанализировала на материале множества исторических конфликтов. Проекция выполняет несколько взаимосвязанных психологических функций, каждая из которых приближает субъекта к моменту начала агрессии.

Первая функция – экстернализация внутреннего конфликта. Борьба с неприемлемыми аспектами собственной психики болезненна и

²⁶ Зигмунд Фрейд, «Почему война?» (1933)

требует значительного мужества. Она предполагает честный взгляд на себя, признание собственных слабостей, недостатков, постыдных импульсов. Для многих людей, и особенно для тех, чья психологическая структура и без того хрупка, такая внутренняя работа невыносима. Проекция предлагает альтернативу: вместо того чтобы бороться с тем, что внутри, можно бороться с тем, что вовне. Внутренний враг трансформируется во внешнего, и война с самим собой превращается в войну с другим.

Вторая функция – легитимация агрессии. Чтобы начать войну, агрессор должен убедить себя и других в том, что его действия оправданы. Проекция создает необходимую для этого картину мира, в которой противник предстает воплощением зла, угрозы, всего того, с чем необходимо бороться. Чем больше негативных качеств проецируется на врага, тем более оправданной выглядит агрессия против него. И тогда враг перестает восприниматься как человек или группа людей с их собственной логикой и интересами, он становится абсолютным злом, подлежащим уничтожению.

Третья функция – символическое самоочищение. Мэнсфилд формулировала эту идею следующим образом: «Я ненавижу тебя, потому что ты так похож на меня» или точнее, потому что ты воплощаешь то, что я ненавижу в себе и не способен признать. Уничтожение врага в этой психологической логике становится актом символического избавления от собственных неприемлемых качеств. Если то, что я в себе ненавижу, существует «там», во враге, то, уничтожив врага, я символически уничтожаю и это ненавистное в себе. Разумеется, такое символическое очищение иллюзорно. Проекция не устраняет спроецированное содержание, она лишь временно выводит его из поля сознания. Неприемлемые качества остаются частью психики субъекта и неизбежно возвращаются, требуя новой проекции, нового врага, нового акта символического уничтожения. Отсюда ненасыщаемость агрессии, построенной на проективных механизмах: одной победы никогда не бывает достаточно, потому что внутренний конфликт остается неразрешенным.

Применительно к Путину описанная Мэнсфилд динамика проявляется идеально. На протяжении многих лет, предшествовавших полномасштабному вторжению, можно было наблюдать постепенное нарастание проективной риторики, в которой Украина наделялась все большим количеством негативных качеств, при этом каждое из этих качеств представляло собой проекцию того, что характерно для самого путинского режима.

Украина обвиняется в нацизме, при том, что именно путинская Россия демонстрирует характерные признаки фашистского государства: культ силы, милитаризацию общественного сознания, преследование инакомыслящих, ксенофобскую пропаганду, сращивание государства с крупным капиталом, агрессивный экспансионизм. Украина обвиняется в агрессии – при том, что именно Россия является агрессором, вторгшимся на территорию суверенного государства. Украина обвиняется в геноциде русскоязычного населения – при том, что именно российская армия методично уничтожает города, где большинство жителей разговаривало на русском языке: Мариуполь, Харьков, Бахмут, десятки других населенных пунктов.

Украина обвиняется в марионеточной зависимости от внешних сил – при том, что именно путинский режим выстроил свою идеологию вокруг паранойяльной зависимости от представлений о внешнем враге и внешнем управлении.

Каждое из этих обвинений, рассмотренное объективно, описывает не Украину, а саму путинскую Россию. Это классическая проективная инверсия, при которой собственные качества субъекта приписываются объекту и затем подвергаются осуждению. Психологическая функция этой инверсии состоит в том, чтобы позволить субъекту ненавидеть в другом то, что он не способен признать в себе.

Проекция создает особую форму психологической слепоты. Путин, по всей видимости, искренне не видит противоречия между своими обвинениями в адрес Украины и собственными действиями. Разрушая украинские города, он субъективно переживает себя как защитника и

освободителя. Убивая украинцев, он убежден, что спасает их от «нацистского режима». Эта убежденность не является сознательной ложью или пропагандистской уловкой, она представляет собой продукт проективного механизма, который делает субъекта невосприимчивым к фактам, противоречащим его внутренней картине мира.

Именно эта психологическая конструкция объясняет, почему Путин продолжает войну, несмотря на ее очевидную катастрофичность для самой России. Факты, которые для внешнего наблюдателя свидетельствуют о провале военной кампании, не достигают его сознания в своем подлинном значении. Они либо отфильтровываются, либо переинтерпретируются таким образом, чтобы соответствовать проективной картине мира. Враг остается абсолютным злом, борьба с ним – священной миссией, а любые трудности – лишь подтверждением того, насколько коварен и опасен противник.

Мэнсфилд отмечала, что войны, основанные на проективной динамике, особенно трудно остановить. Рациональные аргументы: экономические потери, военные неудачи, международная изоляция – не работают, потому что они адресованы не к тому уровню психики, на котором принимаются решения. Война ведется не ради рациональных целей, которые можно достичь или от которых можно отказаться. Она ведется ради психологической функции, которую выполняет сам процесс борьбы с врагом, – функции экстернализации внутреннего конфликта и символического самоочищения.

Зеленский: персонификация травмы

Особое место в психодинамике путинской войны занимает фигура украинского президента Владимира Зеленского. Его появление на политической сцене в 2019 году стало дополнительным, и притом весьма значительным, источником нарциссической травмы, многократно усилившим интенсивность путинской одержимости Украиной. Если прежде Украина представляла собой абстрактную

угрозу – страну, чей пример опровергал путинский нарратив, то теперь эта угроза обрела конкретное лицо, имя и голос.

Чтобы понять травматическое воздействие Зеленского на путинскую психику, необходимо рассмотреть контраст между двумя фигурами не просто как политическое различие, но как психологическую конфронтацию.

Зеленский представляет собой во многих отношениях противоположность Путину – и именно в этом, с точки зрения психоаналитической теории, состоит источник его травматического воздействия на российского диктатора.

Возраст и витальность.

Зеленский пришел к власти в 41 год, полный энергии, с молодой семьей, с очевидной физической витальностью.

Путин к моменту появления Зеленского на политической сцене уже два десятилетия находился у власти, его лицо несло следы многочисленных косметических вмешательств, его публичные появления становились все более редкими и контролируемыми. Контраст между молодым энергичным лидером и стареющим диктатором, отчаянно пытающимся скрыть признаки возраста, был очевиден и болезнен.

Харизма и коммуникация.

Зеленский – успешный профессиональный актер и комик – обладает сильной харизмой и естественной способностью к публичной коммуникации. Он способен быть смешным, трогательным, вдохновляющим; он умеет говорить с разными аудиториями на понятном им языке; он не боится импровизации и неожиданных вопросов.

Путин, напротив, десятилетиями выстраивал образ, основанный на контроле и непроницаемости. Его публичные выступления тщательно срежиссированы, его ответы на вопросы заучены, его юмор (если его можно так назвать) всегда содержит элемент угрозы или унижения

собеседника. Рядом с естественностью яркого Зеленского искусственность и серость путинского образа становится особенно заметной.

Путь к власти.

Зеленский пришел к власти через реальные конкурентные выборы, победив действующего президента с огромным преимуществом. Его победа была выражением подлинной народной воли, результатом массового энтузиазма, который невозможно сымитировать или сфабриковать.

Путин не участвовал в реальных конкурентных выборах ни разу за всю свою политическую карьеру. Каждые его «выборы» были тщательно организованным спектаклем, в котором исход был предрешен заранее. Он может имитировать народную поддержку с помощью административного ресурса и пропаганды, но он никогда не испытывал того, что испытал Зеленский: подлинного признания со стороны свободных граждан, делающих свободный выбор.

Самоирония и уязвимость.

Зеленский способен смеяться над собой, признавать ошибки, демонстрировать человеческую уязвимость, и именно это делает его привлекательным для аудитории.

Путин построил свой образ на полном отрицании уязвимости. Он никогда не ошибается, никогда не сомневается, никогда не показывает слабости. Этот образ требует колоссального напряжения для своего поддержания и делает невозможной подлинную человеческую связь с аудиторией. Легкость, с которой Зеленский устанавливает такую связь, является для Путина живым укором, напоминанием о том, чего он лишен и чего никогда не сможет достичь.

Для нарциссической личности существование такого контраста представляет собой специфическую форму психологической пытки.

Отто Кернберг, один из ведущих исследователей патологического нарциссизма, посвятил значительную часть своих работ анализу зависти как структурного элемента нарциссического расстройства²⁷.

Кернберг различал обычную зависть, которая выражается в желании обладать тем, что есть у другого, и примитивную зависть, характерную для тяжелых форм нарциссической патологии. Примитивная зависть, согласно Кернбергу, имеет принципиально иную структуру. Нарцисс не просто желает обладать тем, что есть у другого; само существование этого «чего-то» у другого переживается как невыносимое оскорбление. Если нарцисс не может обладать этим качеством, то оно не должно существовать вовсе. Если он не может быть молодым, то молодость должна быть обесценена. Если он не может быть харизматичным, то харизма должна быть разоблачена как пустое позерство. Если он не может завоевать подлинную народную любовь, то такая любовь должна быть объявлена результатом манипуляции или обмана.

Кернберг подчеркивал деструктивную направленность примитивной зависти. Цель состоит не в том, чтобы получить желаемое, а в том, чтобы уничтожить его. Нарцисс предпочтет разрушить то, чем не может обладать, чем допустить, чтобы этим обладал кто-то другой. Эта динамика проливает свет на интенсивность путинской ненависти к Зеленскому: украинский президент воплощает все то, чего Путин лишен и чего не может достичь, и само его существование является постоянным источником нарциссической травмы.

Мелани Кляйн, чьи работы оказали значительное влияние на понимание примитивных психических механизмов, описывала зависть как одну из наиболее деструктивных эмоций, коренящуюся в самых ранних стадиях психического развития²⁸. Согласно Кляйн, зависть направлена на уничтожение самого источника блага: завистник не может вынести того, что благо принадлежит другому, и стремится разрушить его, даже если это означает, что он сам никогда не сможет

²⁷ Отто Кернберг, «Тяжелые личностные расстройства» (1984)

²⁸ Мелани Кляйн, «Зависть и благодарность» (1957)

им воспользоваться. В этой перспективе путинское стремление уничтожить Зеленского (физически и символически) представляет собой проявление именно такой примитивной зависти: если Путин не может быть стать тем, кем является Зеленский, то Зеленский не должен существовать.

Зеленский усугубил нарциссическую травму своим поведением в международных контактах с Путиным. На переговорах в Нормандском формате, на различных международных площадках, в публичных высказываниях он позволял себе то, что в путинской системе координат является немыслимым: иронизировать над высказываниями российского президента, ставить под сомнение его аргументы, демонстрировать независимость суждений, отказываться от роли просителя, которую ему пытались навязать.

Для человека с путинской психологической структурой подобное поведение представляется невыносимым оскорблением, масштаб которого трудно переоценить. Оно разрушает иерархию, в которой Путин привык занимать безусловно верхнюю позицию. Оно обнажает его притязания на доминирование как именно притязания, а не как естественный порядок вещей. Оно демонстрирует, что существуют люди, которые не признают его превосходства и не испытывают перед ним страха.

Хайнц Кохут описывал особую чувствительность нарциссической личности к тому, что он называл «неэмпатическими откликами окружения»²⁹. Для нарцисса критически важно, чтобы окружающие отражали его грандиозность, подтверждали его превосходство, демонстрировали восхищение или хотя бы страх. Когда вместо этого он сталкивается с иронией, независимостью или равнодушием, это переживается как нарциссическая травма, порождающая интенсивную ярость.

Зеленский систематически наносил Путину именно такие травмы. Он не демонстрировал ни восхищения, ни страха. Он обращался с

²⁹ Хайнц Кохут, «Восстановление самости» (1977)

Путиным как с равным, а точнее, как с партнером по переговорам, чьи аргументы можно оспаривать и чьи позиции можно критиковать. Для человека, привыкшего к тому, что его окружение состоит из подобострастных подчиненных и запуганных просителей, такое обращение было шоком.

Свидетельства людей из путинского окружения, появившиеся в различных публикациях после начала войны, указывают на то, что упоминание Зеленского вызывало у российского президента непропорционально интенсивную эмоциональную реакцию. По некоторым свидетельствам, Путин отказывался произносить имя Зеленского, использовал уничижительные формулировки, демонстрировал признаки сильного раздражения при любом упоминании украинского президента. Подобная реакция указывает на глубину нарциссической травмы: объект, вызывающий столь интенсивные эмоции, явно занимает особое место в психическом пространстве субъекта.

С психоаналитической точки зрения, в этой реакции нет ничего удивительного. Зеленский стал персонификацией всего того, что травмирует путинский нарциссизм. Он воплощает молодость, которую Путин безвозвратно утратил. Он обладает естественной популярностью, которую Путин может лишь имитировать с помощью пропаганды и административного ресурса. Он демонстрирует легкость и естественность в публичной коммуникации, которые недоступны человеку, десятилетиями живущему за тщательно выстроенной маской.

Более того, Зеленский продемонстрировал качества, которые в путинской системе ценностей являются определяющими для «настоящего мужчины», но продемонстрировал их подлинно, а не через компенсаторные механизмы.

Когда началась война и многие ожидали, что украинский президент сбежит из страны, он остался в Киеве, отказавшись от американского предложения об эвакуации знаменитой фразой: «Мне нужны

боеприпасы, а не эвакуация». Это был акт подлинного мужества, того самого мужества, которое Путину недоступно. Того самого мужества, которое он всю жизнь пытается лишь симулировать и имитировать.

Контраст между человеком, который остается в осажденном городе под бомбами, и человеком, который прячется в бункере за полторы тысячи километров от линии фронта, был слишком очевиден, чтобы его можно было игнорировать. Этот контраст нанес путинскому образу «сильного лидера» ущерб, который невозможно компенсировать никакими пропагандистскими усилиями.

Почему война, а не другие методы: исчерпание альтернатив

На протяжении многих лет Россия оказывала давление на Украину, используя широкий арсенал методов, не предполагавших полномасштабной войны. Экономическое давление, газовые конфликты, поддержка пророссийских политиков, информационные кампании, дестабилизация отдельных регионов, ограниченная военная интервенция на востоке страны – все эти инструменты применялись в различных комбинациях, но ни один из них не привел к желаемому результату.

Более того, со временем эффективность этих инструментов снижалась. Украина постепенно диверсифицировала свои газовые маршруты, уменьшая зависимость от российского транзита. Пророссийские политики утрачивали влияние. Информационные кампании наталкивались на растущий скептицизм украинского общества. Даже аннексия Крыма и война на Донбассе, которые должны были, по замыслу Кремля, парализовать украинскую государственность, дали обратный эффект – они консолидировали украинское общество и укрепили проевропейскую ориентацию.

С психоаналитической точки зрения, эта ситуация описывается как нарастание компенсаторного напряжения при снижающейся эффективности компенсаторных механизмов. Каждый новый инструмент давления приносил все меньшее облегчение, а

потребность в компенсации при этом возрастала. Украина продолжала существовать как независимое государство, продолжала двигаться в западном направлении, продолжала служить зеркалом, в котором отражалась несостоятельность путинской модели.

В этих условиях война становилась не одним из возможных вариантов, а единственным оставшимся способом разрешения внутреннего конфликта. Когда все другие формы компенсации исчерпаны, когда ни угрозы, ни экономическое давление, ни ограниченное насилие не приносят желаемого результата, нездоровая психика требует радикальной эскалации.

Эскалация как закон компенсаторного поведения

Динамика эскалации является фундаментальной характеристикой компенсаторного поведения, и понимание этой динамики критически важно для объяснения того, почему путинская агрессия приняла форму полномасштабной войны, а не ограничилась менее радикальными методами давления. Закономерность эскалации была описана многими исследователями в различных контекстах – от изучения химических зависимостей до анализа авторитарных режимов, от индивидуальной психопатологии до коллективного поведения.

Альфред Адлер, один из пионеров изучения компенсаторных механизмов, еще в начале XX века обратил внимание на то, что компенсация имеет тенденцию к усилению. Человек, компенсирующий ощущение неполноценности через стремление к превосходству, не останавливается на достигнутом, потому что достигнутое никогда не устраняет исходного ощущения неполноценности. Каждый новый успех приносит лишь временное облегчение, после которого тревога возвращается, требуя новых, более значительных достижений.

Эдмунд Берглер, чья концепция лежит в основе нашего анализа, описывал сходную динамику психического мазохизма применительно

к саморазрушительному поведению «гомосексуалов в отрицании». Такой тип личности, согласно Берглеру, находится в ловушке компульсивного повторения: он снова и снова воспроизводит паттерны поведения, которые приносят ему страдание, потому что эти паттерны являются единственным известным ему способом справиться с внутренним конфликтом. При этом интенсивность паттерна со временем нарастает: то, что раньше приносило облегчение, перестает работать, и требуются все более радикальные действия.

Современные исследования аддикций подтвердили и детализировали эту закономерность. Феномен толерантности (необходимости увеличивать дозу для достижения прежнего эффекта) является универсальной характеристикой зависимого поведения, независимо от того, идет ли речь о химических веществах или о поведенческих аддикциях.

Нейробиологические исследования показали, что в основе этого феномена лежат изменения в системе вознаграждения мозга: повторяющаяся стимуляция приводит к снижению чувствительности рецепторов, что требует более интенсивного воздействия для получения того же субъективного эффекта.

Хотя было бы упрощением напрямую отождествлять политическое поведение с химической зависимостью, структурное сходство очевидно. Компенсаторное поведение в сфере власти подчиняется той же логике эскалации: действие, которое первоначально приносило ощущение контроля и значимости, со временем утрачивает эффективность, и для поддержания того же психологического эффекта требуются все более масштабные и рискованные действия.

Механизм этой эскалации можно описать следующим образом. Компенсаторное действие: будь то демонстрация силы, приобретение нового статусного атрибута или акт агрессии, приносит временное облегчение внутреннего напряжения. Однако это облегчение не устраняет лежащую в основе проблему, потому что проблема носит

структурный характер: она коренится не во внешних обстоятельствах, а во внутренней организации психики. Поскольку проблема остается нерешенной, напряжение неизбежно возвращается. Более того, оно возвращается, как правило, в усиленной форме. К исходному напряжению добавляется фрустрация от того, что предпринятое действие не принесло ожидаемого результата. Субъект вложил ресурсы, пошел на риск, совершил усилие, а облегчение оказалось кратковременным. Эта фрустрация сама по себе становится источником дополнительного напряжения, которое также требует компенсации.

Для получения прежнего уровня облегчения теперь требуется более интенсивное компенсаторное действие. Если раньше достаточно было угрозы, теперь нужна демонстрация силы. Если раньше достаточно было демонстрации силы, теперь нужно применение силы. Если раньше достаточно было ограниченного применения силы, теперь нужна полномасштабная война. Формируется восходящая спираль, в которой каждый следующий шаг с необходимостью оказывается более радикальным, более рискованным и более разрушительным, чем предыдущий.

Существенно, что эта спираль не имеет внутреннего механизма остановки. Поскольку компенсация по определению не решает исходную проблему, она не может завершиться удовлетворением. Каждое новое действие лишь временно снимает напряжение, после чего цикл повторяется на более высоком уровне интенсивности. Спираль продолжает раскручиваться до тех пор, пока не столкнется с непреодолимым внешним ограничением или пока субъект не исчерпает ресурсы для дальнейшей эскалации.

Применительно к Путину эта динамика прослеживается на протяжении всего периода его правления с почти хрестоматийной отчетливостью. Можно выделить несколько фаз эскалации, каждая из которых представляла собой переход на новый уровень интенсивности компенсаторного поведения.

На первом этапе, в начале 2000-х годов, для поддержания ощущения контроля и значимости достаточно было консолидации власти внутри страны: подавление независимых СМИ, разгром крупного бизнеса, выстраивание «вертикали власти», установление контроля над региональными элитами. Эти действия приносили ощущение могущества и создавали иллюзию полного контроля над ситуацией. Однако со временем внутренняя консолидация утратила способность обеспечивать требуемый уровень психологического удовлетворения. Контроль над страной стал рутиной, чем-то само собой разумеющимся, а не достижением. Потребовались демонстрации силы на международной арене – в Грузии в 2008 году, где пятидневная война позволила Путину ощутить себя игроком мирового масштаба, способным перекраивать границы постсоветского пространства.

Но и этого оказалось недостаточно. Война в Грузии была краткой и ограниченной; она не изменила фундаментально расклад сил, не остановила западную экспансию, не вернула ощущение глобальной значимости, сопоставимой со значимостью Советского Союза. Напряжение продолжало нарастать, и в 2014 году оно разрядилось аннексией Крыма и войной на Донбассе.

Крым принес интенсивное, почти эйфорическое удовлетворение, что отразилось в беспрецедентном росте рейтингов Путина внутри страны. Однако, как и все предыдущие компенсаторные действия, этот эффект оказался временным. Война на Донбассе превратилась в затяжной конфликт, который не приносил славы и не решал проблему существования независимой Украины. Санкции и международная изоляция добавили фрустрации. Ощущение контроля и значимости начало угасать.

Сирийская операция 2015 года стала попыткой найти новый источник компенсации: Россия возвращалась на Ближний Восток, демонстрировала военную мощь, заявляла о себе как о глобальном игроке, способном конкурировать с Соединенными Штатами. Но и Сирия не могла обеспечить долгосрочного удовлетворения. Это была отдаленная война, не затрагивавшая напрямую ту травму, которая

лежала в основе путинского конфликта, травму, связанную с потерей Украины, с существованием успешной альтернативы его модели в непосредственной близости от российских границ.

Полномасштабное вторжение в Украину 2022 года стало логическим, с точки зрения эскалационной динамики, продолжением этой восходящей спирали. Ограниченные военные действия на востоке Украины перестали приносить сколько-нибудь значимое облегчение. Они тянулись уже восемь лет, превратившись в рутину, в «замороженный конфликт», который не решал ни одной из психологических задач. Независимая Украина продолжала существовать. Зеленский оставался у власти. Западное сближение не только не остановилось, но и усилилось. Все, что было призвано восстановить ощущение контроля и значимости, демонстрировало свою неэффективность.

В этих условиях психика потребовала радикальной эскалации – перехода на принципиально новый уровень интенсивности. Полномасштабное вторжение с целью свержения украинского правительства и установления полного контроля над страной было именно таким переходом. Это было самое масштабное и самое рискованное действие за всю историю путинского правления, и именно это делало его привлекательным с точки зрения компенсаторной логики. Только действие такого масштаба могло, как представлялось, обеспечить тот уровень удовлетворения, что более ограниченные меры обеспечить уже не могли.

Война как последний язык силы

Эрих Фромм, один из наиболее влиятельных мыслителей XX века, работавший на пересечении психоанализа, социальной философии и политической теории, посвятил значительную часть своего творчества исследованию человеческой деструктивности. В своей фундаментальной работе «Анатомия человеческой деструктивности»

(1973)³⁰ он предложил типологию агрессивного поведения, которая позволяет глубже понять природу путинской войны.

Фромм различал два принципиально разных типа агрессии.

Первый тип – биологически обусловленная, или «доброкачественная», агрессия представляет собой защитную реакцию, свойственную всем живым существам. Это агрессия, которая активизируется при угрозе выживанию и направлена на устранение конкретной опасности. Она целенаправленна, пропорциональна угрозе и затухает, когда угроза устранена. С эволюционной точки зрения, такая агрессия адаптивна: она служит сохранению жизни индивида и вида.

Второй тип – специфически человеческая, или «злокачественная деструктивность» не имеет биологических корней и не служит целям выживания. Это деструктивность ради деструктивности, разрушение, ставшее самоцелью, насилие, которое не направлено на достижение какого-либо практического результата. Фромм подчеркивал, что такая агрессия является уникально человеческим феноменом: ни одно животное не убивает и не разрушает ради самого процесса убийства и разрушения.

Для объяснения «злокачественной» агрессии Фромм обращался к экзистенциальной ситуации человека. В отличие от животных, человек обладает самосознанием и осознает свою смертность, свою ограниченность, свою зависимость от обстоятельств. Это осознание порождает фундаментальную тревогу, которую Фромм называл «экзистенциальной дихотомией». Человек стремится преодолеть эту тревогу, найти смысл своего существования, утвердить себя в мире. Здоровый способ такого самоутверждения Фромм видел в продуктивной деятельности: в творчестве, созидании, любви, труде, который приносит удовлетворение и создает нечто ценное. Продуктивный человек утверждает себя через то, что он создает, через связи, которые он выстраивает, через вклад, который он вносит в жизнь других людей и общества в целом.

³⁰ Эрих Фромм, «Анатомия человеческой деструктивности» (1973)

Однако не все люди способны к продуктивной ориентации. Те, кто по каким-либо причинам из-за ранних травм, неблагоприятных жизненных обстоятельств, патологического развития личности не могут реализовать себя через созидание, оказываются перед альтернативой: либо смириться с ощущением собственной незначительности, либо найти иной способ утвердить свое существование. Деструктивность, согласно Фромму, является именно таким альтернативным способом.

Разрушение становится извращенной формой самоутверждения. Если я не могу создать нечто значимое, я могу уничтожить нечто значимое, и тем самым доказать себе, что я существую, что я имею значение, что я способен влиять на мир. Акт разрушения в этой перспективе является попыткой преодолеть ощущение бессилия, продемонстрировать свою власть над реальностью, пусть и в негативной форме.

Путинская война несет на себе отчетливый отпечаток злокачественной деструктивности в том смысле, который вкладывал в это понятие Фромм. Рассмотрим ее характеристики в свете предложенной типологии.

Война не направлена на достижение каких-либо последовательных рациональных целей. Заявленные цели противоречат друг другу и постоянно меняются. «Денацификация» и «демилитаризация» остаются пустыми лозунгами, не имеющими операционального определения. Территориальные притязания расширяются или сужаются в зависимости от обстоятельств. Официальная риторика колеблется между «защитой русскоязычного населения» и «экзистенциальным противостоянием с Западом», между «специальной военной операцией» и «войной за выживание». Эта непоследовательность указывает на то, что декларируемые цели не являются подлинными мотивами; они представляют собой рационализации, призванные придать видимость смысла действиям, которые мотивированы иначе.

Война не приносит России никаких очевидных выгод и наносит колоссальный ущерб всем сферам жизни страны. Экономика находится под давлением беспрецедентных санкций, отрезавших страну от технологий, рынков и капиталов. Около миллиона человек погибли или получили тяжелые ранения. Более миллиона россиян покинули страну, причем среди уехавших непропорционально велика доля образованных, квалифицированных, предприимчивых людей. Международная репутация России разрушена на поколения вперед. Зависимость от Китая достигла уровня, который ставит под вопрос суверенитет внешней политики. Ни одно из этих последствий не может быть компенсировано никакими мыслимыми территориальными приобретениями.

Война не решает проблему безопасности России, а радикально ее усугубляет. НАТО, которое до 2022 года переживало кризис идентичности и внутренние противоречия, консолидировалось перед лицом российской угрозы. Финляндия и Швеция, десятилетиями сохранявшие нейтралитет, вступили в альянс, увеличив протяженность границы НАТО с Россией более чем на тысячу километров, то есть в два раза. Украина, которую Путин стремился «нейтрализовать», получила беспрецедентную военную помощь Запада и превратилась в наиболее мотивированную и боеспособную армию Европы. Все что декларировалось как цель войны, обернулось своей противоположностью.

Эти характеристики указывают на то, что война выполняет психологическую функцию, не связанную с заявленными рациональными соображениями. Она является последним языком, на котором Путин еще способен говорить о своей силе и значимости.

На протяжении десятилетий Путин пользовался различными языками для утверждения своего влияния в мире.

Экономический язык – энергетическая зависимость Европы, инвестиции в западную экономику, коррупционные связи с западными элитами.

Дипломатический язык – статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, участие в международных форумах, переговоры по ключевым вопросам глобальной повестки. Культурный язык – «мягкая сила», продвижение образа России как альтернативного центра цивилизации, апелляция к консервативным ценностям.

Все эти языки постепенно утрачивали эффективность. Европа начала диверсифицировать энергетические источники еще до 2022 года. Дипломатическое влияние России сокращалось по мере того, как ее позиции все чаще оказывались в изоляции. Культурная привлекательность российской модели оставалась ограниченной узкими кругами западных радикалов и не могла конкурировать с притягательностью западного образа жизни для широких масс.

Когда все эти языки перестают работать, остается только язык прямого насилия. Это язык, на котором невозможно выстроить конструктивное взаимодействие, невозможно создать что-либо ценное, невозможно завоевать подлинное уважение или признание. Но это язык, который невозможно игнорировать. Разрушение украинских городов, убийство мирных жителей, демонстрация способности причинять масштабное страдание – все это служит одной цели: заставить мир считаться с тем, кто это делает.

В этом смысле путинская война представляет собой классическое проявление злокачественной деструктивности по Фромму. Она является способом утвердить собственное существование через разрушение. Не имея возможности создать нечто значимое – устойчивую экономику, процветающее общество, привлекательную модель развития – Путин утверждает себя через демонстрацию способности разрушать. Он не может сделать Россию страной, в которую стремятся, но он может сделать Россию страной, которую боятся. Он не может завоевать восхищение, однако он может внушить ужас.

Фромм отмечал, что злокачественная деструктивность никогда не приносит подлинного удовлетворения. В отличие от продуктивной

деятельности, которая обогащает того, кто ею занимается, деструкция опустошает. После каждого акта разрушения деструктивная личность остается столь же пустой, как и до него, а зачастую еще более пустой, потому что разрушение само по себе не создает смысла. Отсюда компульсивный характер злокачественной агрессии: она должна повторяться снова и снова, становясь все более интенсивной, потому что каждый предыдущий акт не приносит ожидаемого удовлетворения.

Путинская война демонстрирует именно эту динамику. Каждая новая эскалация – мобилизация, удары по энергетической инфраструктуре, угрозы ядерным оружием – не приближает к какой-либо конечной цели, а лишь углубляет вовлеченность в деструктивный цикл. Война стала способом существования, единственным содержанием политической жизни, тем, что придает смысл всему остальному.

Почему не может остановиться: остановка как психологическая катастрофа

К этому моменту нашего анализа неизбежно возникает вопрос, который задают многие наблюдатели, пытающиеся понять логику путинского поведения: если война очевидно не достигает своих заявленных целей, если она наносит колоссальный и во многом непоправимый ущерб самой России, если ее продолжение становится все более затратным, рискованным и бесперспективным, почему

Путин не может просто остановиться?

Почему он не способен признать, что первоначальный план провалился, зафиксировать имеющиеся результаты и отступить, минимизировав дальнейшие потери?

Этот вопрос кажется очевидным с точки зрения рациональной политической логики. Любой разумный государственный деятель, оказавшийся в ситуации, когда издержки войны превышают любые

возможные приобретения, искал бы выход, пусть даже ценой болезненных компромиссов и признания частичного поражения.

История знает множество примеров, когда лидеры принимали решение об отступлении, исходя из трезвой оценки ситуации: Де Голль вывел Францию из Алжира, Советский Союз ушел из Афганистана, Соединенные Штаты покинули Вьетнам. Во всех этих случаях политическая цена отступления была высокой, но лидеры сочли ее приемлемой по сравнению с ценой продолжения проигрышной войны.

Однако ответ на вопрос о невозможности остановки для Путина лежит не в области политики или стратегии. Он лежит в области психологии, в той структуре личности, которую мы анализировали на протяжении всей книги. Для понимания этой невозможности необходимо вернуться к базовым характеристикам путинской психики и рассмотреть, что означала бы остановка войны с точки зрения его внутреннего мира.

Остановка войны без достижения того, что можно было бы убедительно представить как победу, означала бы признание поражения. Не тактического отступления, не паузы для перегруппировки, не стратегической корректировки, а поражения в самом буквальном смысле: признания того, что он, Путин, ошибся в своих расчетах, не смог достичь поставленных целей, оказался слабее противника.

Для нарциссической личности путинского типа такое признание равнозначно не политическому поражению, которое можно пережить и от которого можно оправиться, а психологической катастрофе. Речь идет не о рациональном расчете политических издержек, а о фундаментальной угрозе целостности «я», того ядра личности, которое обеспечивает базовое ощущение собственного существования и ценности.

Чтобы понять масштаб этой угрозы, необходимо рассмотреть структуру нарциссической личности более детально. Хайнц Кохут, чьи

работы мы уже цитировали, описывал нарциссическое расстройство как нарушение в развитии структур самости. В норме самость формируется постепенно, через взаимодействие с эмпатическим окружением, которое обеспечивает ребенку необходимое отзеркаливание его ценности и постепенно, без травматических разрывов, позволяет ему интернализировать ощущение собственной значимости. Когда этот процесс нарушается вследствие холодности, отвержения, непредсказуемости или жестокости со стороны значимых взрослых, формируется дефицитарная самость, которая не способна поддерживать устойчивое ощущение собственной ценности изнутри и нуждается в постоянном внешнем подтверждении.

Человек с такой структурой самости выстраивает сложную систему защит, призванную компенсировать внутренний дефицит. Центральное место в этой системе занимает грандиозный образ «я» – преувеличенное, идеализированное представление о себе, которое защищает от переживания собственной незначительности и уязвимости. Этот образ не является результатом реалистичной самооценки; он представляет собой защитную конструкцию, компенсирующую глубинное ощущение неполноценности.

Критически важно понимать, что для нарциссической личности грандиозный образ «я» неотделим от самой идентичности. Это не просто представление о себе, которое можно пересмотреть в свете новых данных, – это то, кем человек себя ощущает. Разрушение грандиозного образа переживается не как болезненная, но переносимая коррекция самооценки, а как уничтожение самого себя, как психологическая смерть.

Отто Кернберг описывал этот феномен в терминах интеграции идентичности. Здоровая личность обладает интегрированной идентичностью, которая включает как позитивные, так и негативные аспекты «я». Такой человек может признать свои ошибки, слабости, ограничения, не переживая это как катастрофу, потому что его самооценка опирается на реалистичное восприятие себя как несовершенного, но ценного человека. Нарциссическая личность,

напротив, неспособна к такой интеграции. Для нее существуют только крайности: либо грандиозность, либо ничтожество; либо всемогущество, либо полное бессилие; либо идеализация, либо обесценивание. Признание ошибки в этой психологической структуре не может быть ограниченным и локальным, оно немедленно распространяется на всю личность, угрожая ее полным обесцениванием.

Вся психологическая конструкция, которую Путин выстраивал на протяжении более чем двух десятилетий пребывания у власти, основана на образе всемогущества и непогрешимости. Этот образ транслировался через государственную пропаганду, но, что более важно, он был необходим самому Путину для поддержания внутреннего равновесия. Он лидер, который всегда прав, который видит дальше других, который понимает то, что недоступно пониманию простых людей. Он стратег, который все предвидел и все рассчитал, который контролирует ситуацию даже тогда, когда внешне это не очевидно. Он сильный мужчина, который побеждает своих врагов, который внушает страх противникам и уважение союзникам.

Каждый элемент этого образа систематически разрушается ходом войны. Он не предвидел сопротивления украинцев – значит, он не всеведущий стратег. Он не смог взять Киев за три дня – значит, он не всемогущий полководец. Его армия несет огромные потери – значит, он не гарант безопасности. Его экономика разрушается – значит, он не защитил страну. Его угрозы не воспринимают всерьез – значит, он не внушает того страха, на котором строилась его власть. Любая уступка, любое признание ошибки, любое отступление усугубляет это разрушение. Если он остановит войну без убедительной победы, это станет финальным подтверждением того, что образ был ложным. Не частично неточным, не требующим корректировки, а ложным целиком, фундаментально, с самого начала.

Для человека со здоровой психологической структурой такое признание было бы болезненным, но переносимым. Он мог бы сказать себе: я совершил ошибку, но я способен ее признать и исправить

последствия; это не отменяет моих достоинств и достижений в других областях; я остаюсь ценным человеком, несмотря на этот провал. Для нарциссической личности такая интеграция невозможна. Признание ошибки немедленно запускает лавину обесценивания, которая угрожает поглотить всю личность целиком.

Кохут описывал это состояние как угрозу фрагментации самости, переживание, в котором человек ощущает, что он буквально распадается на части, теряет связность и целостность своего существования. Это переживание настолько невыносимо, что психика мобилизует все доступные защиты для его предотвращения.

В случае Путина главной такой защитой является продолжение войны, продолжение, которое позволяет не признавать поражения, поддерживать иллюзию того, что победа еще возможна, откладывая момент встречи с катастрофической реальностью. Путин, в буквальном психологическом смысле, не может остановить войну, не перестав при этом быть собой, тем собой, которым он себя ощущает и которым он должен быть, чтобы продолжать существовать психологически. Цена остановки – не политическое поражение, от которого можно оправиться, а психологический коллапс, встреча с той внутренней пустотой, от которой он бежал всю свою жизнь.

Эта внутренняя пустота – не метафора. Она представляет собой реальное переживание, характерное для тяжелых нарциссических нарушений: ощущение бессмысленности, несуществования, внутренней мертвости, которое маскируется грандиозным образом, но никуда не исчезает и готово проявиться в любой момент, когда защиты ослабевают. Все, что Путин делал на протяжении своей жизни (накопление власти, демонстрации силы, построение культа личности), было способом бегства от этой пустоты. Война стала последним и наиболее радикальным средством такого бегства. Остановить ее означало бы прекратить бежать и встретиться с тем, от чего он бежит.

Разрушение как самоцель

По мере того, как первоначальные цели войны становятся все менее достижимыми, а ее издержки все более очевидными, происходит характерная трансформация. Война постепенно утрачивает инструментальный характер и превращается в самоцель.

Этот феномен был описан в работах, посвященных психологии затяжных конфликтов. Когда первоначальные цели оказываются недостижимыми, участники конфликта не обязательно прекращают борьбу. Вместо этого они могут переопределить саму природу конфликта таким образом, чтобы продолжение борьбы стало самодостаточной ценностью.

В случае путинской войны это выражается в характерной трансформации риторики. Если первоначально война обосновывалась необходимостью достижения конкретных целей: «денацификация», «демилитаризация», защита русскоязычного населения, то постепенно акцент смещается к самому факту противостояния.

Россия ведет «экзистенциальную борьбу» с Западом. Речь идет о «судьбе русской цивилизации». Война становится не средством достижения чего-либо, а способом существования. Эта трансформация имеет глубокие психологические корни. Разрушение, которое первоначально должно было служить инструментом восстановления контроля над Украиной, становится самостоятельным источником удовлетворения. Не «чтобы получить» территорию или влияние, а «чтобы погасить» невыносимое ощущение стыда, ярости, униженности.

Порочный круг эскалации

Невозможность остановки усугубляется динамикой порочного круга. Каждое поражение на поле боя, каждая неудача, каждый провал не приближает окончание войны, а, напротив, провоцирует эскалацию. Механизм этого порочного круга прослеживается следующим

образом. Неудача на фронте вызывает нарциссическую травму, угрожая образу всемогущего лидера. Эта травма порождает ярость и потребность в компенсации. Компенсация принимает форму эскалации: мобилизации дополнительных ресурсов, применения более разрушительного оружия, расширения масштабов насилия.

Эскалация может принести временный тактический успех, но она же увеличивает ставки, делая любое отступление еще более болезненным. Следующая неудача будет переживаться еще более травматично, требуя еще более радикальной эскалации. И так далее.

Этот порочный круг объясняет, почему даже очевидные военные неудачи – отступление от Киева, сдача Херсона, рейд ВСУ в Курскую область – не привели к пересмотру курса. Каждое поражение не ставило вопрос о прекращении войны, а, напротив, усиливало решимость ее продолжать. Логика этой решимости не рациональна, она продиктована психологической невозможностью признать провал.

Итоговый синтез

На протяжении всех глав мы прослеживали формирование психологической структуры, которая определяет поведение Владимира Путина. Детские травмы, породившие базовое ощущение уязвимости и потребность в контроле. Защитные механизмы – проекция, отрицание, реактивное образование, которые трансформировали страх слабости в компульсивную демонстрацию силы. Фетишизация оружия и территории как способ компенсации внутреннего дефицита. Нарциссическая конструкция, требующая постоянного подтверждения грандиозности и не выносящая никакой критики или несогласия.

Война стала точкой, в которой все эти элементы сошлись воедино. Она является не отклонением от путинской психологической нормы, а ее логическим завершением. Все механизмы, которые мы анализировали по отдельности – страх, компенсация, проекция, фетишизм,

нарциссическая ярость, – в войне соединились и реализовались с максимальной интенсивностью.

Украина стала идеальным объектом для этой реализации. Она представляла собой все, что травмирует путинский нарциссизм: успешную альтернативу его модели, зеркало, в котором отражается его несостоятельность, воплощение той свободы, которой он боится больше всего. Зеленский персонифицировал эту травму, став живым напоминанием обо всем, чем Путин не является и не может стать.

Война не достигает своих заявленных целей и не может их достичь, потому что подлинные цели лежат не в сфере геополитики.

Подлинная цель состоит в том, чтобы погасить невыносимое внутреннее напряжение, восстановить иллюзию всемогущества, уничтожить зеркало, в котором отражается собственная слабость. Но эта цель принципиально недостижима, потому что проблема находится не вовне, а внутри. Никакая внешняя победа не способна заполнить внутреннюю пустоту.

Именно поэтому война не может быть остановлена изнутри путинской системы. Остановка означала бы признание того, что план провалился, что враг оказался сильнее, что диктатор совершил ошибку. Для нарциссической личности такое признание равнозначно психологической смерти. Путин будет продолжать войну до тех пор, пока внешние обстоятельства не сделают ее продолжение физически невозможным, или до тех пор, пока он сам сохраняет власть. Война ведется не ради территорий, ресурсов или безопасности, а исключительно ради компенсации, которая никогда не может быть завершена. И миллионы людей платят своими жизнями за психологическую компенсацию личных патологий одного человека.

Война обнажила последний и наиболее опасный инструмент в арсенале путинской компенсации – ядерное оружие. Когда конвенциональные военные методы не приносят желаемого результата, когда эскалация на поле боя упирается в пределы

возможного, остается угроза применения оружия массового уничтожения.

В следующей главе мы рассмотрим психологию ядерного шантажа: почему Путин прибегает к этим угрозам, почему они представляют собой блеф, и почему, несмотря на всю опасность ситуации, вероятность реального применения ядерного оружия сводится к нулю.

Глава 11

Ядерный шантаж

В предыдущей главе мы проанализировали, почему Путин не может остановить войну: остановка означала бы признание поражения, а признание поражения для нарциссической личности его типа равнозначно психологической катастрофе.

И хотя первоначальный план молниеносного захвата Киева провалился в первые же недели: отступления, потери, международная изоляция, санкции, а все это все накапливается, создавая давление, которое требует ответа, когда конвенциональные военные методы не приносят желаемого результата, когда эскалация на поле боя упирается в пределы возможного, тогда в арсенале остается последний инструмент – угроза применения ядерного оружия. С первых дней полномасштабного вторжения Кремль начал систематически прибегать к ядерной риторике. Угрозы звучали от самого Владимира Путина, от Дмитрия Медведева, от депутатов Государственной Думы, от пропагандистов государственного телевидения. Силы ядерного сдерживания приводились в «особый режим боевого дежурства». Анонсировались изменения в ядерную доктрину страны. Проводились учения с участием носителей тактического ядерного оружия. Объявлялось о размещении ядерных зарядов в Беларуси.

Эта риторика произвела эффект. Западные политики, не понимая психологию российского диктатора, восприняли угрозы всерьез. Страх «эскалации» стал определять темпы и объемы помощи Украине. Каждое решение о поставках нового вида вооружений сопровождалось мучительными дебатами о том, не спровоцирует ли это ядерный ответ. Танки, дальнобойные ракеты, истребители – все это задерживается на годы из опасения пересечь «красную линию».

В этой главе рассмотрим ядерный шантаж как психополитический феномен. Покажем, что угрозы Путина представляют собой блеф, укорененный в самой структуре его личности. Проанализируем, почему человек с его психологической организацией не способен реализовать эти угрозы. И объясним, почему понимание этой психологии критически важно для формирования адекватной западной политики.

Психология угрозы: теоретическая рамка

Чтобы понять природу путинского ядерного шантажа, необходимо вернуться к базовым психоаналитическим концепциям. Альфред Адлер, один из основателей глубинной психологии, описывал компенсацию как универсальный механизм преодоления ощущения неполноценности. Человек, переживающий дефицит в какой-либо области – физической, социальной, психологической, – стремится восполнить этот дефицит через достижения в другой области или через создание иллюзии превосходства. Компенсация может быть здоровой, когда она направляет энергию в продуктивное русло, или патологической, когда принимает форму фантазий, не подкрепленных реальными достижениями.

Ядерная угроза, озвученная Путиным, представляет собой крайнюю форму компенсаторной фантазии. Когда реальная военная мощь оказывается недостаточной для достижения целей, когда армия несет потери и отступает, когда падает международный авторитет, остается апелляция к абсолютному оружию, которое теоретически способно уничтожить любого противника. Это компенсация в чистом виде: неспособность победить конвенциональными средствами замещается угрозой апокалипсиса.

Карен Хорни, развивавшая идеи Адлера в направлении анализа невротических структур, описывала то, что она называла «невротическими притязаниями»³¹, – требованиями к миру, которые

³¹ Карен Хорни, «Невроз и личностный рост» (1950)

невротическая личность выдвигает на основании своего идеализированного образа. Невротик считает, что мир должен относиться к нему в соответствии с его грандиозным представлением о себе, а не в соответствии с его реальными качествами и достижениями. Когда мир отказывается удовлетворять эти притязания, возникает интенсивная фрустрация, которая может принимать форму агрессии.

Ядерная риторика Путина насыщена именно такими невротическими притязаниями. Постоянно звучащие темы: «нас не слушали», «нас не уважали», «с нами не считались» выражают обиду на мир, не признавший величия, на которое претендует субъект. Угроза применения ядерного оружия становится способом заставить мир, наконец, «услышать» и «уважать».

Грандиозность и бессилие: нарциссическая динамика

Хайнц Кохут и Отто Кернберг, ведущие исследователи нарциссической патологии, описывали характерную для нарциссической личности осцилляцию между полюсами грандиозности и ничтожества. Нарцисс не способен к стабильной, реалистичной самооценке – он колеблется между ощущением всемогущества и ощущением полной беспомощности, между идеализацией себя и тотальным самообесцениванием.

Эта динамика проявляется в ядерной риторике с особой отчетливостью. Угроза применения ядерного оружия – это заявка на абсолютное могущество, на способность уничтожить мир. Но сама необходимость прибегать к таким угрозам свидетельствует о бессилии: тот, кто действительно силен, не нуждается в постоянных напоминаниях о своей силе. Грандиозность угроз маскирует реальную слабость позиции. Кернберг обращал особое внимание на роль зависти в нарциссической психопатологии. Примитивная зависть, характерная для тяжелых форм нарциссизма, направлена не на обладание тем, что есть у другого, а на уничтожение этого. Если нарцисс не может быть

равным объекту зависти, он стремится этот объект разрушить. Ядерная угроза содержит в себе именно этот завистливый компонент.

Путин не может сделать Россию процветающей демократией, не может добиться подлинного уважения мирового сообщества, не может построить привлекательную модель развития. Но он может угрожать уничтожением тому миру, который отказывается признавать его величие. «Если я не могу быть частью этого мира на своих условиях, пусть этого мира не будет» – такова подспудная логика ядерного шантажа.

Садизм и мазохизм: деструктивность по Берглеру

Эдмунд Берглер, чья концепция психического мазохизма является одной из теоретических основ нашего анализа действий Путина, описывал особый тип деструктивности, в котором садистические и мазохистические тенденции переплетены. Субъект причиняет страдание другим, но при этом бессознательно организует ситуации, которые приносят страдание ему самому. Он разрушает внешние объекты, но вместе с ними разрушает и себя.

Ядерная угроза воплощает эту садомазохистическую динамику в предельной форме. Применение ядерного оружия означало бы не только уничтожение противника, но и гарантированное уничтожение самого себя через ответный удар, через международную изоляцию, через крах всей системы, на которой держится власть. Это угроза взаимного уничтожения, в которой агрессор и жертва сливаются воедино. Берглер подчеркивал, что психический мазохист избегает осознания своей деструктивности. Он рационализирует свои действия, представляя себя жертвой обстоятельств, вынужденной обороняться. Агрессор представляет себя жертвой, а угрозу апокалипсиса – вынужденной мерой самообороны.

Паттерн пустых угроз: красные линии и их пересечение

На протяжении войны Кремль неоднократно устанавливал так называемые «красные линии»: границы, пересечение которых якобы повлечет за собой катастрофические последствия, вплоть до применения ядерного оружия. Поставки определенных видов вооружений, удары по определенным территориям, участие определенных стран – все это объявлялось недопустимым и чревато эскалацией.

Однако каждая из этих так называемых красных линий была пересечена. Украина получила танки и ничего не произошло. Украина получила ракеты и ничего не произошло. Украина получила истребители и ничего не произошло. Удары наносились и по Крымскому мосту, и по аэродромам, и по объектам военной инфраструктуры на территории России и ничего не произошло. Вооруженные силы Украины вошли на территорию Курской области, впервые в истории осуществив захват части территории ядерной державы, и снова ничего не произошло.

Каждый раз «красная линия» просто сдвигалась. Там, где раньше Путин обещал катастрофические последствия, каждый раз просто делал вид, что ничего критического не случилось. Грозная риторика сменялась молчанием или невнятными объяснениями.

Психоаналитически этот паттерн представляет собой классическое проявление нарциссического блефа. Нарциссическая личность склонна к грандиозным заявлениям, которые призваны произвести впечатление и запугать, но не подкреплены готовностью к реальным действиям. Угроза для такого человека функционирует как самостоятельный психологический акт, так как она не инструмент достижения цели, а сама и есть цель.

Теодор Миллон, один из ведущих исследователей расстройств личности, описывал характерную для нарциссов тенденцию к «инфляции угроз»³²: преувеличению своих возможностей и готовности к действию. Нарцисс верит в эффективность угрозы самой

³² Теодор Миллон, Роджер Дэвис, *Расстройства личности в современной жизни* (2004)

по себе; он рассчитывает, что противник отступит, испугавшись заявленных последствий и реальные действия не понадобятся. Когда противник не отступает, нарцисс оказывается перед выбором: либо выполнить угрозу (что часто невозможно или нежелательно), либо найти способ сохранить лицо, сделав вид, что ничего не произошло.

Путин систематически выбирает второй вариант. Его угрозы не выполняются, но и не отменяются, они просто отодвигаются, переформулируются, заменяются новыми угрозами. Это создает иллюзию постоянной эскалации при фактическом отсутствии действий.

Курская область: момент истины

Особенно показательной стала реакция Путина на операцию украинских вооруженных сил в Курской области летом 2024 года.

По логике многолетней кремлевской риторики это событие должно было стать той самой точкой, в которой «все имеющиеся средства» будут наконец применены. Речь шла не об аннексированных украинских территориях, легитимность включения которых в состав России можно было оспаривать, а о Курской области, исконной российской земле, субъекте, существующем в границах Российской Федерации десятилетиями. Если где-то и должна была сработать ядерная риторика, то именно здесь: чужие войска на территории России, мирное население под угрозой, армия отступает.

Однако реакция Путина оказалась прямо противоположной тому, чего можно было ожидать, исходя из его собственных слов. Никакой ядерной эскалации не последовало. Наоборот, на несколько дней он практически исчез из публичного пространства, что само по себе красноречиво, поскольку лидер, уверенный в своей силе, в кризисный момент принимает судьбоносные решения, а не прячется. Затем последовало появление Путина с подчеркнуто спокойным видом: он поехал в регионы, где дегустировал яблочную пастилу, осматривал

какое-то мелкое производство, всячески пытаюсь родемонстрировать, что ситуация под контролем.

Путинская ядерная риторика «работает» ровно до тех пор, пока остается риторикой, пока между угрозой и ее исполнением есть очень большая дистанция, чтобы противник успел испугаться и отступить.

Когда ситуация накаляется до того, что угрозу нужно исполнять, она оказывается просто блефом.

Психологически в этом нет ничего удивительного. Человек, годами использовавший угрозу как инструмент контроля, обнаруживает, что в момент, когда контроль действительно утрачен, этот инструмент перестает работать. Блеф раскрывается не разоблачением извне, а самой ситуацией – она требует либо действия, либо молча уйти в сторону. И Путин каждый раз выбирает молчание.

И это молчание оказывается красноречивее всех предыдущих угроз.

Почему Путин не применит ядерное оружие

Центральный вопрос, который необходимо рассмотреть: готов ли Путин реально применить ядерное оружие? Ответ на этот вопрос лежит не в сфере стратегического анализа, а в сфере психологии, в фундаментальных чертах его личности, которые мы прослеживали. Множество свидетельств указывают на патологическую озабоченность Путина собственной безопасностью. Но страх смерти у Путина давно вышел за пределы мер безопасности и превратился в отдельный государственный проект.

В сентябре 2025 года, во время встречи со Си Цзиньпином в Китае, Путин открыто обсуждал возможность дожить до 150 лет и достичь фактического бессмертия через замену органов и генетические технологии. Это не было случайной оговоркой или светской беседой, за этими словами стоит многолетняя и дорогостоящая государственная программа.

С 2018 года в России финансируется секретный проект генетических исследований стоимостью 127 миллиардов рублей, куратором которого стала его старшая дочь Мария Воронцова. Государственное финансирование исследований старения за последние годы выросло в восемь раз. Роснефти было поручено вложить в эту сферу миллиард долларов. Путин направил на поиск собственного бессмертия дочь, ближайших друзей и колоссальные бюджетные ресурсы.

Это поведение человека, для которого собственная жизнь является абсолютной ценностью – тем единственным, что нельзя восполнить. Применение ядерного оружия несовместимо с этой психологической структурой. Ядерный удар запускает цепь событий, которые невозможно контролировать, и они с высокой вероятностью могут привести к гибели того, кто это запустил.

Человек, вкладывающий миллиарды в поиск бессмертия и боящийся отравления настолько, что требует проверки каждого блюда, не станет нажимать кнопку лишь потому, что она оборвет ту самую жизнь, которую он так отчаянно пытается продлить.

Трус с ядерной кнопкой: психологический портрет человека, который никогда ее не нажмет

Мы уже подробно разбирали берглеровский тип личности – его логику, защитные механизмы, его фундаментальный страх разоблачения. Здесь нет необходимости повторять эту теорию. Достаточно приложить ее к одному конкретному вопросу: совместимо ли применение ядерного оружия с психологической структурой, которую мы описали? Ответ очевиден. Берглеровский тип атакует только тогда, когда уверен в безнаказанности, когда противник слабее, изолирован, лишен защиты, когда исход заранее предрешен.

Путин четко следует этому паттерну на протяжении всей своей карьеры. Выбор жертв, выбор метода, выбор момента – все подчинено одному принципу: максимальная асимметрия между силой атакующего и возможностями жертвы защититься или ответить. Он

никогда не атакует там, где исход не predetermined, где противник способен нанести сопоставимый удар в ответ, где цепь событий после первого шага выходит из-под его контроля и финал становится непредсказуемым. Вся его агрессия – это агрессия человека, который бьет только наверняка, только из укрытия, только тогда, когда отступление и отрицание остаются возможными.

Применение ядерного оружия выпадает из этого паттерна. Это уже не дистанционная атака против того, кто не может ответить. Это прямое столкновение с государствами, располагающими собственным арсеналом и задокументированными обязательствами по взаимной обороне. Это действие, которое невозможно отрицать, невозможно приписать «добровольцам» или «случайной ракете», невозможно остановить на полпути. Это шаг в ситуацию, исход которой Путин не контролирует, а утрата контроля для личности его типа просто недопустима. Человек, который бьет только наверняка, только из укрытия, только тогда, когда отступление остается возможным, никогда не создаст ситуацию, где он полностью потеряет контроль.

«Коллекционер обид»: контроль важнее мести

Берглеровский анализ объясняет, почему Путин избегает ситуаций с непредсказуемым исходом. Фредо Ариас-Кинг добавляет к этому другое измерение – чего именно он добивается своими угрозами и почему ядерный удар этой цели не достигает, а уничтожает ее.

Путин не просто помнит обиды, он живет ими. Он бережно хранит каждую, выстраивает иерархию врагов, периодически возвращается к задетым эмоциям. Вся его стратегия власти представляет собой механизм компенсации этих обид. В его публичных выступлениях постоянно звучат темы унижения: распад СССР как «величайшая геополитическая катастрофа», расширение НАТО на восток как «предательство», украинский Майдан как «оскорбление». Вся внешняя политика строится вокруг восстановления утраченного статуса.

Ядерная угроза в этой логике играет роль инструмента символической мести. Это способ заставить мир почувствовать страх, таким образом компенсируя собственное ощущение уязвимости и неполноценности. Угрожая катастрофой, Путин как бы говорит: «Вы меня не уважаете, не боитесь, тогда я покажу, на что способен».

Но и здесь обнаруживается критическое ограничение. Для «коллекционера обид» контроль важнее мести. Он хочет наслаждаться страхом противника, видеть его унижение, чувствовать свое превосходство. Однако реальное применение ядерного оружия уничтожило бы саму возможность этого наслаждения и означало бы утрату контроля над ситуацией, погружение в хаос. Показательно, как устроена его риторика вокруг этих угроз. Она всегда строится вокруг вынужденности, вокруг того, что его не слышали, не понимали, загоняли в угол. За этим стоит расчет на то, что противник отступит сам и тогда делать ничего не придется. Человек, действительно готовый нажать красную кнопку, не объясняет, почему его вынудили. Он просто решительно делает это.

Рациональные аргументы против применения

Даже если отвлечься от психологического анализа и рассмотреть ситуацию с чисто военной точки зрения, становится очевидно: ядерное оружие не решает задач, стоящих перед Россией в этой войне. Тактический ядерный удар не обеспечивает территориального контроля. Он не способен разгромить украинские вооруженные силы, которые действуют рассредоточено и маневренно. Он не восполняет дефицит живой силы и техники, в российской армии. Он не укрепляет тыл и не стабилизирует фронт. Военные эксперты указывают, что даже в момент максимального давления на российскую армию тактический ядерный удар обеспечил бы лишь локальный прорыв на узком участке. Но для эксплуатации такого прорыва необходима многочисленная группировка войск, которой у России нет. Кроме того, войска пришлось бы направить в зону радиоактивного заражения.

Цели, которые теоретически можно было бы поразить – крупное скопление войск, командные пункты, логистические узлы, рассредоточены и защищены. Украинская армия адаптировалась к современным методам ведения войны и не создает уязвимости.

Можно уничтожить отдельный объект – авиабазу, штаб, склад. Но это не изменит хода войны. А стратегические последствия такого удара будут несопоставимы с тактическим выигрышем.

Гарантированный ответ

В период максимального обострения ядерной риторики западные лидеры недвусмысленно предупредили Россию о последствиях применения ядерного оружия. Эти предупреждения транслировались по различным каналам, включая публичные заявления и, по имеющимся данным, прямые дипломатические контакты. Речь шла не о зеркальном ядерном ударе. Запад давал понять, что ответом станет массированная конвенциональная атака: уничтожение российских сил на территории Украины, ударов по командным пунктам и системам доставки. Высокопоставленные американские военные публично заявляли, что такой удар уничтожит все российские конвенциональные силы в зоне боевых действий.

Запад может долго терпеть обычные бомбардировки, и он их терпит.

Но применение ядерного оружия поставит под угрозу всю архитектуру глобального сдерживания, на которой держится безопасность не только Европы, но и всего мира. Это красная линия, которую сам Запад не может позволить пересечь.

Судя по тому, что за годы войны ни один ядерный удар не был нанесен, несмотря на многочисленные унижения и провалы, Путин прекрасно это понимает.

Утрата союзников

Международные последствия применения ядерного оружия будут столь же разрушительными, как и военные. Китай занимает в этом уравнении особое место. После введения западных санкций именно он стал главной точкой опоры российской экономики – крупнейшим покупателем нефти и газа, поставщиком микросхем, станков и электроники, без которых современное военное производство невозможно, и фактически единственным крупным рынком сбыта для российских товаров. Эта зависимость не абстрактная: по различным данным, руководство КНР уже неоднократно доводило до Москвы свою категорическую позицию против применения ядерного оружия. И Пекин имеет все рычаги, чтобы эту позицию подкрепить экономическим давлением. Разрыв с Китаем означал бы для России не дипломатические неудобства, а немедленный паралич военного производства и обвал тех немногих валютных потоков, которые еще поддерживают режим на плаву.

Индия, помогающая России обходить нефтяные санкции и обеспечивающая валютные потоки, занимает аналогичную позицию. Обе страны входят в ядерный клуб и стремятся играть роль ответственных участников международной системы. Если Россия нарушит табу на применение ядерного оружия, они не смогут поддерживать с ней прежние отношения без ущерба для собственной репутации.

Если Путин нажмет красную кнопку, он окажется в полной международной изоляции – без партнеров, без рынков сбыта, без поставок технологий, без валютных потоков. Режим, построенный на экспорте ресурсов и обходе санкций через третьи страны, просто перестанет функционировать.

Заражение собственной территории

Тактический ядерный заряд, даже относительно маломощный, неизбежно создает зону радиоактивного заражения. Масштабы и

направление распространения заражения зависят от множества факторов: типа заряда, высоты подрыва, характера рельефа, метеорологических условий и прежде всего направления ветра.

При ударе по линии фронта, а именно там находятся военные цели, радиоактивные частицы могут распространиться на десятки километров. В зоне риска окажутся не только украинская территория, но и российская.

Моделирование последствий ядерных ударов, доступное через открытые источники, показывает: сценарии, при которых заражение ограничивается исключительно территорией противника, практически нереальны. Особенно при наземном взрыве, ведь он заражает почву и воду на долгие годы.

Уязвимость инфраструктуры

Наконец, существует фактор, о котором говорят меньше, но он наверняка учитывается в военном планировании обеих сторон.

На территории России находится множество объектов ядерной инфраструктуры – атомные электростанции, предприятия ядерного цикла, хранилища отработанного топлива. Некоторые из них расположены в пределах досягаемости украинского оружия.

Если Россия применит ядерное оружие, Украина не сможет ответить симметрично, у нее нет ядерного арсенала. Но у нее есть другие инструменты. Удар по ядерному объекту – не ядерный, а конвенциональный, может создать последствия, сопоставимые с ядерной катастрофой.

Это сценарий взаимного уничтожения, в котором формальная асимметрия арсеналов не имеет значения. Путин понимает это. Генеральный штаб понимает это. Применение ядерного оружия запускает цепь событий, которые могут привести к катастрофе на территории самой России.

Внутренняя функция угроз

Ядерная риторика направлена не только на Запад. Возможно, даже в первую очередь она адресована внутренней аудитории.

Российское общество, измотанное войной, экономическими трудностями, мобилизацией, нуждается в объяснении происходящего.

Почему продолжается война?

Почему растут цены?

Почему гибнут люди?

Ядерная риторика дает ответ: Россия ведет экзистенциальную борьбу с врагом, который готов ее уничтожить. Это битва за выживание.

Психологически это создает эффект «сплочения перед лицом угрозы», хорошо описанный в социальной психологии. Внешняя опасность – реальная или воображаемая – оправдывает внутренние жертвы. Она объясняет, почему нужно терпеть лишения. Она делегитимирует любую внутреннюю оппозицию как предательство в момент национальной опасности.

Ядерная угроза также восстанавливает статус России как великой державы, статус, который критически важен для национального самосознания. В мире XXI века Россия не является экономическим гигантом (ее ВВП сопоставим с ВВП небольших европейских стран), не является технологическим лидером, не является культурным магнитом. Но ядерный арсенал ставит ее в один ряд с США и Китаем.

Для общества, травмированного распадом СССР и утратой имперского статуса, это психологически важно. Ядерное оружие – последнее, что отличает Россию от других постсоветских государств. Это символ величия, которого больше нигде не осталось.

Итог: психология важнее стратегии

Угрозы апокалипсиса исходят от человека, который патологически боится собственной смерти. Это проявление тех же психологических механизмов: нарциссическая грандиозность, компенсирующая внутреннюю пустоту; страх уязвимости, порождающий агрессивную демонстрацию силы; патологическая потребность в контроле, которые показывают невозможность действий с непредсказуемыми последствиями.

Заявления о готовности «применить все имеющиеся средства» делает тот, кто избегает любого прямого столкновения, предпочитая действовать исподтишка и дистанционно. «Красные линии» устанавливает тот, кто систематически отступает каждый раз, когда они пересекаются.

Это блеф. Блеф, который работает, но только потому, что западные политики продолжают воспринимать Путина как рационального актора, способного на рациональную эскалацию. Они анализируют его как геополитика и стратега, а не как глубоко травмированного человека, чьи действия определяются не национальными интересами, а личными психологическими патологиями.

Понимание психологии Путина критически важно для формирования адекватной политики. Страх эскалации, который парализует западные решения, основан на ложных предпосылках. Путин не применит ядерное оружие, потому что это противоречит самой его личности: его патологическому страху смерти, его потребности в контроле, его склонности к действиям только в условиях гарантированной безнаказанности. Каждая задержка с поставками критически важного вооружения Украине, каждое колебание, каждое отступление перед путинскими угрозами – все это продлевает войну и множит ее жертвы. Демократический мир позволяет одному глубоко закомплексованному диктатору манипулировать собой, эксплуатируя страх перед угрозой, которую он никогда не осмелится реализовать.

Мир живет на грани не потому, что существует неразрешимый конфликт интересов. Мир живет на грани потому, что один

травмированный человек получил доступ к оружию апокалипсиса и использует его как инструмент психологического давления.

Путинский ядерный шантаж – это предупреждение о том, что происходит, когда авторитарные личности получают абсолютную власть в мире абсолютного оружия.

Мы проанализировали различные аспекты путинской психики: детские травмы, защитные механизмы, компенсаторное поведение, нарциссическую структуру, страх уязвимости, проекцию, фетишизацию власти и силы. Пришло время собрать эти элементы воедино и сформулировать целостный психологический портрет: диагноз, который объясняет не только прошлое, но и позволяет понять возможное будущее. Этому будет посвящена заключительная глава.

Глава 12

Психополитический портрет: полный диагноз

Методологическое предисловие: от аналитики к синтезу

Преыдущие одиннадцать глав были посвящены последовательному исследованию различных измерений личности Владимира Путина: детские травмы и их трансгенерационные корни, паттерны интимной жизни, компенсаторную работу с телом, механизмы страха и жестокости, патологическая ложь, проекция, психосексуальная динамика, фетиши власти и, наконец, логика войны и ядерного шантажа.

Каждый из этих разделов освещал отдельный аспект психологической структуры, как если бы мы рассматривали сложный механизм, последовательно изучая каждую его деталь в отдельности.

Теперь наступает момент, ради которого и предпринималось все это исследование, – сборка. Психологический портрет политического лидера – это не каталог черт и не перечень патологий.

В первую очередь, это попытка понять, как разрозненные элементы образуют единую систему; как детская травма определяет решения, которые сегодня убивают людей; как один человек с конкретной психологической организацией превратил крупнейшую страну мира в орудие собственных неразрешенных внутренних конфликтов. Вместе с тем необходимо честно обозначить, чем этот портрет не является. Это не психиатрический диагноз в клиническом смысле. Американская психиатрическая ассоциация еще в 1973 году официально закрепила так называемое «Правило Голдуотера», запрещающее профессиональным психиатрам публично диагностировать публичных фигур без личного обследования. Современная академическая политическая психология осознанно пошла дальше: она отказалась от психиатрических ярлыков в пользу

описательных поведенческих профилей, поскольку диагнозы по DSM – даже самые точные – мало что говорят о том, как конкретный лидер будет принимать решения в кризисных ситуациях. Клинический диагноз отвечает на вопрос «что с ним не так?». Политический профиль отвечает на вопрос «как он действует и почему?». Нас интересует второй.

Три уровня, на которых строится полный политический профиль, были разработаны Джеррольдом Постом, основателем Центра анализа личности и политического поведения ЦРУ, и систематизированы в его фундаментальном труде «Психологическая оценка политических лидеров» (2003)³³.

Первый уровень – психодинамический: происхождение личностной структуры из биографического материала, история формирования защитных механизмов. Этому уровню посвящены главы со второй по девятую.

Второй уровень – черты личности и мотивационный профиль: устойчивые характеристики, предсказывающие поведение вне зависимости от ситуативного контекста.

Третий уровень – когнитивный и операциональный: как лидер воспринимает политическую реальность и какова его система убеждений о природе власти, конфликта и противника. Именно второй и третий уровни нуждаются в развернутом рассмотрении – они присутствовали в предыдущих главах лишь как аналитический фон. Пришло время вывести их на первый план и собрать полный портрет.

Черты личности. Профиль Миллона: доминирование, нарциссизм, добросовестность

Наиболее систематическое исследование личности Путина на основе открытых источников было проведено Обри Иммельманом и Джозефом Тренселуком из подразделения по изучению личности в

³³ Джеррольд Пост, «Психологическая оценка политических лидеров» (2003)

политике Университета Св. Иоанна (Миннесота)³⁴. Используя Инвентарь диагностических критериев Миллона (MIDC)³⁵ – инструмент, дающий 34 нормативных и патологических классификации личности, методологически соответствующих Оси II DSM–IV, – исследователи синтезировали психодиагностически значимые данные из открытых источников в структурированный профиль. Работа была впервые опубликована в 2014 году и существенно обновлена после февраля 2022-го.

Три первичных паттерна личности Путина, выявленных в этом исследовании, заслуживают подробного разбора, каждый в отдельности и все вместе как система.

Доминирующий/контролирующий паттерн в нормальном диапазоне проявляется как сильная воля, уверенность в себе, командный авторитет. По мере движения к патологическому полюсу он превращается в нечто принципиально иное: человек начинает воспринимать власть не как инструмент достижения целей, а как самоцель. Любое ограничение его полномочий – законодательное, институциональное, социальное – регистрируется психикой не как нормальное устройство общества, а как личная угроза, требующая нейтрализации.

Именно поэтому Путин на протяжении двадцати пяти лет методично демонтировал все противовесы своей власти, не потому что они мешали конкретным планам, а потому что само их существование было непереносимо.

Амбициозный/самообслуживающий паттерн – клиническое описание нарциссизма. Термин нарциссизм часто воспринимаю как самолюбование или тщеславие. Клиническое значение шире и точнее: человек с этим паттерном выстраивает всю свою психическую жизнь вокруг поддержания грандиозного образа себя. Любая информация, угрожающая этому образу – критика, неудача, чужой успех, не просто

³⁴ Обри Иммельман, Джозеф Трензелук, “Политическая личность президента Российской Федерации Владимира Путина” (2017)

³⁵ Теодор Миллон, Роджер Дэвис, “Расстройства личности в современной жизни” (2004)

неприятна, а буквально невыносима и подлежит немедленному отвержению или уничтожению источника. Это объясняет то, что наблюдатели часто описывают как «неадекватную реакцию» Путина на критику: для него речь идет не о разногласии, а о покушении на фундамент идентичности.

Добросовестный/долженствующий паттерн, на первый взгляд, кажется противоречащим двум предыдущим. Однако именно он объясняет то, что часто вводит в заблуждение внешних наблюдателей: Путин системен, последователен и действительно придерживается определенных правил. Многие аналитики делали из этого вывод о его рациональности и предсказуемости и ошибались.

Суть в том, что его нормативная система полностью замкнута на себе: интересы России в ней тождественны его интересам, исторические обиды России – его личным обидам, а нарушение этого кодекса квалифицируется как предательство, подлежащее наказанию. Внутри этой системы он абсолютно последователен. Снаружи эта последовательность выглядит как необъяснимое упрямство.

Три паттерна в сочетании дают конфигурацию, которую Иммельман описывает как «враждебный контролер-экспансионист». Ключевое слово здесь – ненасыщаемость. Контроль, достигнутый вчера, не приносит удовлетворения сегодня, поскольку сама потребность в нем не имеет содержательной цели, которую можно было бы достичь.

Расширение власти – это непрерывный процесс, в котором находится смысл. Именно поэтому каждое завоевание порождает следующее требование, каждая уступка Запада воспринималась как сигнал к новому давлению, а не как основание для стабильности.

После февраля 2022 года Иммельман зафиксировал признаки смещения профиля к тому, что Миллон описывает как «принуждающий садист» – тип, у которого наказание само по себе приобретает ценность, независимо от его практического результата. В рамках этой динамики систематические удары по объектам, не военного значения, перестают требовать отдельного объяснения: они

являются прямым выражением логики профиля, а не отклонением от нее.

«Темная триада» в сравнительной перспективе

Исследование Алессандро Ная³⁶, известного исследователя в области политической психологии и коммуникации (Амстердамский университет), и Хасана Тороса, турецкого исследователя (Университет Мармара) (2021) негативной политической коммуникации и личности политиков стоит рассмотреть подробнее, поскольку оно дает редкую возможность: не просто описать личность Путина, но поместить ее в сравнительный контекст.

Авторы собрали экспертные оценки 14 лидеров с выраженными автократическими тенденциями, среди них Путин, Эрдоган, Орбан, Болсонару, Дутерте, Мадуро и ряд других, и измерили каждого по двум инструментам одновременно.

Первый – «Большая пятерка» личностных черт: открытость опыту, добросовестность, экстраверсия, доброжелательность, нейротизм (он же – эмоциональная нестабильность, и его обратная величина – эмоциональная стабильность).

Второй – «Темная триада»: нарциссизм, макиавеллизм и психопатия.

Результаты оказались показательными сразу в нескольких отношениях. Как группа автократы существенно отличались от среднестатистических лидеров: они демонстрировали более низкую доброжелательность, то есть меньше доверия, альтруизма и готовности к сотрудничеству, и более высокие показатели по всем трем составляющим «Темной триады». Иными словами, нарциссизм, склонность к манипуляции и пониженная эмпатия действительно отличают автократов от других типов лидеров, и это не журналистский штамп, а измеримый факт.

³⁶ Алессандро Най, Эмре Торос, «Особенности личности сильных лидеров: сравнение “Большой пятерки” и “Темной триады”» (2021)

Путин внутри этой группы занял особое место. По нарциссизму и макиавеллизму он находился в верхней части выборки, но не был абсолютным лидером. Зато по одному показателю он вышел на первое место среди всех четырнадцати: эмоциональная стабильность. Именно этот результат требует пояснения, поскольку интуитивно он звучит как комплимент, и именно поэтому его легко неправильно понять.

Эмоциональная стабильность в психометрическом смысле измеряет одну конкретную вещь: насколько сильно человек переживает тревогу, беспокойство и эмоциональные перепады в ответ на внешние события. У большинства людей высокий балл по этой шкале действительно связан с психологическим здоровьем – умением сохранять здравый смысл в трудных ситуациях. Но та же самая шкала фиксирует и нечто совершенно другое, когда речь идет о человеке, чьи решения причиняют страдание миллионам. Человек, отдающий приказы об уничтожении жилых кварталов и при этом не испытывающий никакой тревоги, никакого внутреннего конфликта – тоже получит высокий балл. Только за этим баллом будет стоять не зрелость, а отсутствие той эмоциональной реакции на чужое страдание, которая у нормального человека и создает внутреннее напряжение. Когда этой реакции нет структурно, нет и напряжения, нет и нестабильности.

Во второй главе мы описывали эпизод из школьного похода 1969 года: все мальчишки отказались убивать утят: кто-то из жалости, кто-то из отвращения, кто-то просто не смог. Путин не только не отказался. Он демонстрировал именно то качество, которое полвека спустя психометрическое исследование зафиксирует как главную отличительную черту его профиля: способность совершать действие, причиняющее смерть, без какого-либо внутреннего сопротивления. Там, где у других срабатывал естественный тормоз – сочувствие, брезгливость, нежелание причинить боль, у него этого не было. Не потому, что он преодолел его усилием воли. А потому что его, судя по всему, не было изначально. Именно это сочетание – холодная методичность плюс структурное отсутствие внутренних ограничителей – делает его особенно опасным в кризисных ситуациях.

Лидер, который срывается или поддается аффекту, в какой-то мере предсказуем через свое эмоциональное состояние. Лидер, который не испытывает ни того ни другого и при этом обладает высокой самодисциплиной – принципиально другой тип угрозы.

Мотивационный профиль: власть без аффилиации

Дэвид Уинтер, «патриарх» современной политической психологии, разработал метод измерения мотивов политических лидеров через контент-анализ публичных высказываний. Три базовых мотива – власть, достижение и аффилиация, проявляются в устойчивых речевых паттернах и, что важно, предсказывают различные типы политического поведения с верифицируемой точностью.

Применительно к Путину картина однозначна: доминирующий мотив власти при практически нулевом мотиве аффилиации.

Мотив аффилиации – это потребность в принадлежности, близости, взаимных отношениях. Его отсутствие не означает, что человек одинок или несчастен в бытовом смысле. Оно означает нечто более глубокое: другие люди не воспринимаются как самостоятельные субъекты, отношения с которыми имеют ценность сами по себе. Они воспринимаются как функции – полезные, нейтральные или опасные.

Союзники существуют, пока они нужны. Соратники ценны, пока лояльны. Международные партнеры значимы, пока выгодны. Когда эта функциональность исчезает, исчезают и отношения. Именно поэтому Путин не создал ни одного устойчивого союза за четверть века – не по тактическим причинам, а потому что психологическая инфраструктура для таких союзов в его личности попросту отсутствует.

Уинтер и его коллеги показали, что лидеры с высоким мотивом власти и низкой аффилиацией воспроизводят предсказуемый поведенческий профиль: склонность прибегать к силовым инструментам первыми, а

не последними; тенденция к эскалации конфликтов, которые выходят из-под контроля; невозможность договоренностей, основанных на взаимном доверии. Этот паттерн был обнаружен на выборках американских президентов задолго до Путина. Его биография воспроизводит его максимально точно.

Выше мы описывали эту характеристику через конкретные проявления: брак как театр контроля, неспособность к близости, обращение с соратниками как с инструментами. Теперь мы можем назвать ее структурно: это мотивационный дефицит, который транслируется из личной жизни в стиль государственного управления, и в конечном счете в характер внешней политики.

Синтез: три подхода – одна точка схождения

Три рассмотренных подхода – клинический профиль Миллона, факторный анализ «Темной триады» и мотивационный анализ Уинтера – применяют различный инструментарий, опираются на разные теоретические традиции и измеряют разные аспекты личности. Тем не менее они сходятся в одном и том же описании: доминирование без эмпатии, власть без аффилиации, контроль как самооценność, наказание без угрызений совести.

Это схождение имеет важное методологическое значение. Когда три независимых инструмента дают конгруэнтный результат, вероятность артефакта резко снижается. Перед нами не интерпретационная конструкция аналитика, наложенная на биографический материал, а устойчивая структура, которая воспроизводится при разных методах измерения. Именно эта структура и является предметом следующего вопроса: как человек с таким профилем видит политическую реальность, принимает решения и интерпретирует действия противника?

Стиль принятия решений: семь переменных Херманн

Маргарет Херманн, одна из ключевых фигур в современной политической психологии, профессор и исследовательница из Сиракузского университета, строила свою методику исходя из одного базового допущения: политические лидеры думают вслух³⁷. Каждое публичное высказывание – интервью, речь, ответ на пресс-конференции – содержит следы того, как устроено мышление говорящего. Не то, что он хочет сообщить, а то, как он это сообщает: насколько сложны его предложения, как часто допускает неопределенность, как атрибутирует причины событий, как говорит о противниках. Анализ черт лидерства – это систематическое извлечение этих следов через контент-анализ больших массивов текста.

Семь переменных методики делятся на два блока. Первый описывает то, как лидер воспринимает свое положение в мире: убежденность в собственной способности влиять на события, концептуальная сложность, самооценка, ориентация на выживание группы или на личные задачи. Второй описывает механизм принятия решений: когнитивная закрытость, потребность во власти, базовое недоверие к другим акторам.

Методика не дает психиатрических диагнозов и не претендует на это. Она делает другое: переводит индивидуальные психологические характеристики лидера в предсказания о его политическом поведении. Исследования на больших выборках показали, что определенные конфигурации переменных устойчиво коррелируют с определенными типами решений – эскалацией или деэскалацией кризисов, открытостью к переговорам или жесткостью позиций, склонностью к силовым инструментам или дипломатическим.

³⁷ Маргарет Херманн, “Объяснение внешнеполитического поведения через личностные характеристики политических лидеров” (1980)

Применительно к Путину методика давала устойчивые результаты у разных исследователей на протяжении двух десятилетий. Рассмотрим каждую переменную.

Убежденность в способности контролировать события

Лидер с высоким показателем по этой шкале воспринимает себя автором происходящего. Он убежден, что результат определяется его волей и решениями, а не внешними обстоятельствами. Эта убежденность предсказывает инициативность, склонность действовать превентивно и устойчивость позиции при давлении со стороны.

У Путина этот показатель высок и стабилен на протяжении всей карьеры. Проблема, однако, в том, что высокая убежденность в контроле функционирует принципиально по-разному в зависимости от того, с какой структурой личности она сочетается. У политика с развитой рефлексией она работает как ресурс: человек берет инициативу, сохраняет хладнокровие под давлением, не поддается панике при неудачах. У человека с нарциссической организацией та же характеристика превращается в систему иммунитета к реальности.

Разница существенная. Лидер, который убежден в контроле потому, что умеет управлять ситуацией, корректирует курс при появлении обратной связи – его убежденность проверяется фактами и обновляется. Лидер, которому убежденность в контроле нужна психологически как защита от переживания беспомощности, не может позволить себе ее пересмотр, поскольку пересмотр означал бы столкновение с тем, что защита скрывает.

Именно это превращает высокую убежденность в контроле из достоинства в уязвимость: информация, противоречащая ощущению авторства, не корректирует картину мира, она отфильтровывается. Из этого вытекают прямые следствия для архитектуры власти: советники, приносящие неудобные данные, выдавливаются, аналитические

структуры, дающие независимые оценки, атрофируются. Система начинает работать на подтверждение, а не на информирование.

Херманн зафиксировала этот механизм как типичный для лидеров с высокой убежденностью в контроле в сочетании с низким доверием: они создают информационную среду, в которой их убежденность никогда не может быть оспорена, и именно поэтому никогда не может быть проверена.

Концептуальная сложность

Эта переменная измеряет, насколько лидер видит мир в оттенках серого. Лингвистически она фиксируется через частоту использования категорий неопределенности, сослагательного наклонения, признаний сложности, допущений альтернативных интерпретаций. Лидер с высоким показателем говорит: «с одной стороны... с другой»; с низким – «они» и «мы», «наше» и «чужое», без промежуточных категорий.

Путин стабильно находится в нижней части шкалы. Его публичная риторика строится на жестких категориях, исключая нюансы. Мировые акторы делятся на тех, кто признает российские интересы, и тех, кто им противостоит. Международные ситуации квалифицируются как проявления либо уважения, либо враждебности. Промежуточных состояний практически нет.

Это не только риторический прием. Контент-анализ зафиксировал устойчивую картину на протяжении двадцати лет независимо от аудитории, контекста и языка общения. Это означает, что перед нами характеристика мышления, а не коммуникационная стратегия.

Для политической психологии низкая концептуальная сложность имеет хорошо изученные последствия. Человек с такой конфигурацией принимает решения быстро и уверенно, потому что ситуации для него сортируются по готовым категориям, а не проходят через сложный анализ. Он последователен, потому что принятая однажды квалификация ситуации меняется с большим трудом. Он

плохо адаптируется к изменениям, требующим обновления категорий. И он систематически недооценивает сложность противника, потому что образ врага, однажды сложившийся, не пересматривается при появлении противоречащих данных.

Самооценка

Лидеры с высокой устойчивой самооценкой принимают критику как рабочую информацию, терпимы к инакомыслию в окружении, способны делегировать решения, не воспринимая делегирование как угрозу собственному авторитету. Лидеры с нестабильной или защитной самооценкой ведут себя противоположным образом: они нуждаются в постоянном подтверждении, болезненно реагируют на любую форму несогласия, окружают себя людьми, чья главная функция не компетентность, а лояльность.

Путин по этой шкале получает высокий балл, но природа этой высокой самооценки принципиально важна. Кернберг, разработывавший дифференциальную диагностику нарциссических расстройств, настаивал на различии между зрелой и защитной грандиозностью. Первая основана на реальных достижениях и не нуждается в постоянных подтверждениях извне. Вторая является компенсаторной конструкцией, которая требует непрерывного поддержания и болезненно реагирует на любое оспаривание.

Поведенческие индикаторы, которые фиксирует методика Херманн, последовательно указывают на второй тип: крайняя непереносимость инакомыслия, выраженная тенденция к атрибуции враждебных намерений несогласным, устойчивое предпочтение лояльности перед профессиональной компетентностью при формировании ближайшего круга.

Практическое следствие для качества решений: лидер, которому нужна защитная самооценка, не получает своевременной обратной связи о реальном положении дел. Люди, способные ее предоставить,

рядом не оказываются, их присутствие несовместимо с психологической потребностью в подтверждении.

Фокус: задача или группа

Четвертая переменная разграничивает лидеров, которые воспринимают себя как служащих интересам группы – нации, государства, организации – и тех, для кого группа является инструментальной ценностью, подчиненной собственным целям. Различие фиксируется через то, чьи интересы лидер упоминает как приоритет в ситуациях выбора.

Анализ путинских высказываний на протяжении двух десятилетий не дает оснований для вывода о последовательной ориентации на благополучие населения как самостоятельную ценность. Россия в его риторике функционирует прежде всего как собственное продолжение, а не как субъект с интересами, отдельными от его интересов.

Херманн показала, что лидеры с низкой ориентацией на группу при столкновении с издержками избранного курса не пересматривают курс, они переинтерпретируют издержки. Потери становятся жертвенностью, поражения – временными трудностями, провалы – происками врагов. Механизм сохранения курса активизируется не вопреки потерям, а через их символическое переосмысление.

Недоверие к другим акторам

По показателю базового недоверия Путин стабильно в верхней части шкалы. Методика фиксирует это через частоту, с которой лидер атрибутирует враждебные намерения другим акторам даже в ситуациях, допускающих нейтральную интерпретацию. Системное недоверие имеет прямые следствия для архитектуры принятия решений. Чем выше недоверие, тем уже круг, которому лидер позволяет влиять на принятие решений. Уже круг – меньше разнообразие информации и перспектив. Меньше разнообразие –

выше вероятность когнитивных ошибок, которые никто не может исправить.

Кернберг описывал характерную для тяжелого нарциссизма параноидную трансформацию: по мере укрепления власти и изоляции ощущение угрозы не уменьшается, оно нарастает. Объективное снижение реальных рисков сопровождается субъективным ростом тревоги. Психологический механизм этого парадокса состоит в том, что параноидная тревога питается не из реальных угроз, а из внутренней динамики: спроецированные наружу агрессивные импульсы возвращаются в форме воспринимаемой враждебности окружения. Чем больше власти – значит есть что терять, тем интенсивнее внутренняя агрессия, тем более угрожающим кажется внешний мир.

Потребность во власти

Самый высокий и наиболее устойчивый показатель в путинском профиле по Херманн. В сочетании с низкой аффилиацией, зафиксированной Уинтером в первом разделе, образует конфигурацию, для которой исследователи предсказывают специфический внешнеполитический паттерн: тенденцию к силовым инструментам, интерпретацию уступок противника как признака слабости, реакцию эскалацией на воспринимаемую потерю статуса.

Мотив власти в психологическом смысле – это не просто стремление занимать высокие должности. Это потребность в том, чтобы твои слова производили эффект, твои решения меняли реальность, другие люди вели себя в соответствии с твоими намерениями. Эта потребность может быть социализирована, то есть направлена на достижение целей, разделяемых группой, или эгоцентрична, когда власть сама по себе является целью, безотносительно к тому, что с ее помощью делается.

Лидеры с высоким эгоцентричным мотивом власти, согласно исследованиям Уинтера, демонстрируют устойчивую склонность к

эскалации кризисов и трудности с переговорами, требующими взаимных уступок. Уступка для такого лидера не является тактическим маневром, она регистрируется как поражение. Соответственно, любые переговоры с перспективой компромисса воспринимаются как заведомо проигрышная ситуация.

Когнитивная закрытость

Последняя переменная измеряет устойчивость системы убеждений к опровергающей информации. Лидер с высоким показателем по этой шкале сохраняет принятые позиции даже тогда, когда реальность последовательно их опровергает.

Взятая в изоляции эта характеристика описывает то, что в обиходе называют упрямством или принципиальностью, и сама по себе она не является патологией. Лидеры, легко меняющие позиции под давлением обстоятельств, непредсказуемы и ненадежны для союзников.

Проблема возникает тогда, когда когнитивная закрытость сочетается с низкой концептуальной сложностью и высокой убежденностью в контроле: тогда убеждения не просто сохраняются, они становятся независимыми от реальности.

Херманн описывала этот тип как «закрытый лидер с экспансионистским стилем»: человек, для которого корректировка курса возможна только под воздействием таких внешних обстоятельств, которые невозможно переинтерпретировать. Не дипломатическое давление, не экономические сигналы, не аналитические аргументы, только физические изменения ситуации, не оставляющие пространства для альтернативного прочтения.

Конфигурация как система

Семь переменных не являются независимыми характеристиками, суммируемыми в итоговый балл. Они образуют систему, в которой каждая переменная усиливает остальные.

Высокая убежденность в контроле требует отфильтровывания информации, противоречащей ощущению авторства. Высокое недоверие обеспечивает кадровый механизм этой фильтрации: люди, способные предоставить неудобные данные, не попадают в круг.

Низкая концептуальная сложность означает, что даже та информация, которая проходит, сортируется по готовым категориям, а не анализируется. Когнитивная закрытость гарантирует, что система не обновляется. Высокая потребность во власти и низкая ориентация на группу означают, что внешние издержки системы (потери, разрушения, страдания) не идут в расчет как корректирующие переменные.

Результат этой конфигурации – не просто авторитарный стиль управления. Это структурная невозможность обучения на опыте. Система самозамкнута: каждый ее элемент работает на поддержание остальных, и в совокупности они образуют устойчивый паттерн, меняющийся только под воздействием внешнего принуждения, которое нельзя игнорировать.

Дальше мы обратимся к тому, как эта конфигурация взаимодействует с операционным кодом – системой убеждений о природе политического мира и о том, как в нем действовать.

Операционный код: как Путин читает политическую реальность

Операционный код как аналитический концепт был введен в политическую психологию Натаном Лейтесом³⁸, одним из самых влиятельных интеллектуалов времен холодной войны, в 1951 году на основе анализа большевистской доктрины и затем систематизирован

³⁸ Натан Лейтес, “Операционный код Политбюро” (1951)

Александром Джорджем, профессором Стэнфордского университета и одним из самых уважаемых специалистов по международным отношениям и принятию решений в условиях кризиса³⁹. Центральная идея проста: политические лидеры действуют исходя из относительно устойчивой системы убеждений о природе политики и о том, как в политике следует действовать. Эта система убеждений не всегда артикулирована явно, часто она проявляется имплицитно в том, что лидер принимает как само собой разумеющееся.

Стивен Уолкер и его коллеги разработали количественную методику извлечения операционного кода из текстов, позволяющую систематически измерять убеждения лидера по двум блокам вопросов.

Первый блок – философские убеждения: каков характер политического универсума?

Является ли он принципиально враждебным или допускает сотрудничество?

Можно ли предсказать политическое будущее?

Какова роль случая?

Второй блок – инструментальные убеждения: каков наилучший подход к достижению политических целей?

Какова оптимальная интенсивность применения политических инструментов?

Как выбрать между конфликтом и сотрудничеством в конкретной ситуации?

Применительно к Путину эта методика дает устойчивые результаты, которые Уолкер и Шафер верифицировали на материале нескольких сотен путинских высказываний за период с 2000–го по 2015 год⁴⁰.

³⁹ Александр Джордж, “Операционный код: забытый подход к анализу политических лидеров” (1969)

⁴⁰ Стивен Уолкер, Марк Шафер, “Профилирование операционного кода политических лидеров” (2003)

Политический универсум как арена борьбы

Первое и наиболее фундаментальное убеждение Путина о природе политики: мир устроен по логике противостояния, а не по логике сотрудничества. Государства не взаимодействуют, они конкурируют. Международные институты – не площадки для координации, а инструменты в руках тех, кто их контролирует. Правила устанавливают сильные, слабые их соблюдают.

Это не цинизм как позиция, а скорее онтология. В его картине мира иначе просто не бывает. Лидер, исходящий из такого представления о природе политики, воспринимает любое сближение противника как тактический маневр, за которым скрыт интерес, а любую уступку как попытку усыпить бдительность.

Джордж Буш после первой встречи с Путиным в 2001 году сказал, что заглянул ему в глаза и «увидел душу», человека, с которым можно иметь дело. Это было искреннее наблюдение человека, привыкшего выстраивать доверие через личный контакт. Путин эту встречу прочитал принципиально иначе: американский президент позволил себе сентиментальность, а значит, его можно использовать.

Не потому что Путин лжец, а потому что в его операционном коде категория «политик, которому можно доверять» отсутствует структурно.

Здесь уместно соотнести операционный код с тем, что мы знаем о его биографии. В седьмой главе мы разбирали, как формировалось восприятие мира у мальчика из ленинградской коммуналки, не познавшего безусловной любви в семье, прошедшего через дворовую иерархию, где правила действительно устанавливались силой, а доверие к незнакомому было роскошью, которую нельзя было себе позволить. Затем профессиональная социализация в КГБ, где весь мир делился на агентов, источники, прикрытия и противников.

Операционный код политика Путина вырос из этих питательных сред: нездоровой обстановки дома, дворового опыта выживания и

профессиональной доктрины тотальной подозрительности. Между ними нет разрыва, а прослеживается четкая преемственность.

Реализуемость политических целей и роль воли

Второе ключевое убеждение: политические цели в принципе достижимы, если применить достаточно воли и ресурсов. Случай, непредвиденные обстоятельства, системные ограничения играют подчиненную роль по сравнению с решимостью действующего субъекта.

Уолкер фиксирует это убеждение как устойчивое на протяжении всей измеримой карьеры: Путин говорит о политических процессах в волюнтаристских категориях: субъект решает, субъект действует, результат определяется решением субъекта. Структурные ограничения, институциональные барьеры, интересы других акторов появляются в его речи редко и в подчиненной роли.

Это убеждение находится в прямом взаимодействии с тем, что мы описывали в первом разделе как высокий показатель «веры в контроль» по методике Херманн. Но операционный код позволяет уточнить механизм: речь идет не просто об индивидуальной психологической установке, а о встроенном в политическое мышление тезисе: история делается волей.

Следствие для принятия решений прямое: человек с таким убеждением не проводит анализ ограничений перед тем, как принять решение, он принимает решение и затем мобилизует ресурсы для его исполнения. Анализ рисков воспринимается не как инструмент планирования, а как проявление нерешительности.

Враг как категория, а не как актер

Третье ключевое убеждение операционного кода – специфическая конструкция образа противника. В большинстве операционных кодов политических лидеров противник является актором с собственными интересами, которые можно изучить, понять и учесть при выборе

стратегии. Даже в кодах лидеров с высоким уровнем враждебности противник сохраняет субъектность.

В операционном коде Путина противник функционирует иначе.

Запад – не совокупность конкретных государств с конкретными правительствами, парламентами, избирательными циклами и внутренними противоречиями. Это категория – враждебная сила, обладающая единой волей и направленная против России.

Украина – не государство с населением, историей и собственными политическими процессами. Это марионетка, инструмент, не имеющий самостоятельной агентности.

Психоаналитически эта конструкция описывается через механизм проекции, который мы подробно разбирали в седьмой главе. Образ врага становится экраном, на который переносится все то, что лидер не может принять в себе самом: агрессия, ложь, манипуляция, стремление к господству.

Уолкер зафиксировал, что в высказываниях Путина враждебные действия систематически атрибутируются противнику даже тогда, когда речь идет о зеркальных ситуациях, то есть когда Россия делает в точности то, в чем он обвиняет другую сторону.

Для стиля принятия решений это имеет критическое следствие: лидер, который воспринимает противника как категорию, а не как субъект, не способен к реальному моделированию его поведения. Он не задается вопросом «что сделает Зеленский, если...», он знает ответ заранее, потому что ответ вытекает из категории («марионетка», «нацист», «инструмент Запада»), а не из анализа конкретного человека в конкретной ситуации.

Именно это объясняет систематические провалы путинских прогнозов в отношении Украины, нехватку разведывательных данных, а структурную неспособность использовать эти данные для реального моделирования.

Инструментальные убеждения: когда применять силу

Инструментальный блок операционного кода отвечает на вопрос: как действовать?

Какие инструменты применять, с какой интенсивностью, когда переходить к силовым методам?

Путинский операционный код по этому блоку демонстрирует несколько устойчивых паттернов.

Первый – сила является первичным языком политики, дипломатия – вторичным. Переговоры в его коде функционируют не как механизм согласования интересов, а как форма давления: переговариваются с позиции силы или не переговариваются вовсе. Компромисс, достигнутый без предварительного силового давления, воспринимается как капитуляция.

Второй – уступки противника интерпретируются как слабость, а не как сигнал к взаимности. Это фундаментальное отличие от операционного кода лидеров, ориентированных на сотрудничество, у которых уступка противника открывает пространство для ответной уступки. В коде, построенном на логике противостояния, уступка противника означает одно: его можно дожать.

Этот паттерн верифицируется хронологически.

Каждый раз, когда Запад шел на уступки в попытке снизить напряженность – молчаливо принял аннексию Крыма, не ответил на вмешательство в Сирии, откладывал поставки вооружений Украине из страха эскалации, Путин воспринимал это не как жест доброй воли, а как подтверждение гипотезы: Запад не будет сражаться. Из этой гипотезы логически следовало решение 2022 года.

Третий – высокая готовность к риску при условии, что риск воспринимается как контролируемый. Уолкер фиксирует, что в высказываниях Путина рискованные действия систематически описываются как просчитанные и управляемые – даже ретроспективно, когда результат оказался иным, чем ожидался.

Убеждение в контролируемости риска сохраняется независимо от фактических результатов.

Время и историческая перспектива

Отдельный элемент операционного кода, заслуживающий специального рассмотрения, – отношение к времени. Херманн и Уолкер независимо зафиксировали одну и ту же черту: Путин оперирует исторической перспективой, нетипично длинной для действующего политика.

Большинство политических лидеров планируют в горизонтах избирательных циклов или в лучшем случае одного-двух поколений.

Путин систематически оперирует другим масштабом: «тысячелетняя Россия», исторические долги и исторические права, события XVII или XIX века как действующие политические аргументы. Контент-анализ его высказываний фиксирует это не как риторический прием, рассчитанный на аудиторию, – паттерн воспроизводится с одинаковой частотой в публичных речах, в переговорных форматах и в интервью, где пропагандистский мотив минимален. Речь идет об устойчивой особенности того, как он структурирует политическую реальность: настоящее для него всегда встроено в длинную историческую последовательность, из которой он извлекает обязательства и права.

Длинный исторический горизонт оказывает специфическое воздействие на принятие решений. С одной стороны, он дает терпение: человек, мыслящий столетиями, легче переносит тактические поражения, не воспринимая их как окончательные. Именно поэтому экономические санкции, рассчитанные на давление в среднесрочной перспективе, не работали как инструмент сдерживания, они не соответствуют горизонту, в котором Путин оценивает ситуацию.

С другой стороны, длинный горизонт в сочетании с мессианским нарративом – убеждением, что он является агентом исторической миссии – создает иммунитет к издержкам. Миллионы жертв,

экономический регресс, международная изоляция – все это воспринимается как преходящее на фоне «тысячелетней» задачи.

Берглер описывал схожую динамику в клинических случаях: субъект, идентифицирующий себя с исторической миссией, освобождает себя от нормального морального учета последствий своих действий.

Операционный код и персоналистская диктатура

Завершая этот раздел, необходимо сделать наблюдение, которое выходит за пределы индивидуального профиля.

В первой главе мы описывали персоналистскую диктатуру как систему, в которой личность лидера перестает быть одним из факторов и становится определяющим принципом. Институты не корректируют решения лидера, они их исполняют. Элиты не формулируют интересы, противостоящие его интересам, – они адаптируют свои интересы к его решениям.

В такой системе операционный код лидера перестает быть его личной эпистемологией и становится эпистемологией государства. Его убеждение о том, что мир устроен как арена противостояния, транслируется в дипломатическую доктрину. Его убеждение о первичности силы транслируется в военную доктрину. Его убеждение о том, что уступки означают слабость, транслируется в переговорную практику российских делегаций на любом уровне.

Это означает, что аналитик, изучающий операционный код Путина, изучает не только психологию одного человека. Он изучает операционную логику российского государства в том виде, в каком оно существует при данном лидере. Когда этот лидер уйдет, операционный код изменится и с ним изменится поведение государства. Именно поэтому политическая психология лидера является не декоративным дополнением к геополитическому анализу, а его необходимым основанием.

Синтез: психополитический портрет как система

Три уровня анализа, которые мы рассмотрели в этой главе, описывают одного человека с разных сторон: как если бы три хирурга исследовали один и тот же орган через разные разрезы. Профиль Миллона показывает структуру характера. Методика Херманн – механизм принятия решений. Операционный код – систему убеждений о природе политики. Если бы эти три описания противоречили друг другу, мы имели бы основания сомневаться в каждом из них. Но они не противоречат. Они описывают одно и то же разными языками.

Попробуем свести это воедино в один связный портрет.

В самой глубине структуры – психодинамический пласт, исследованный в предыдущих главах. Мальчик, выросший в условиях эмоциональной депривации и физической угрозы, усвоил несколько фундаментальных уроков о мире: мир враждебен, слабость наказуема, безопасность достигается только через доминирование, доверие – роскошь, которую нельзя себе позволить. КГБ не противоречил этим урокам, он их институционализировал, придал им профессиональную форму и снабдил техниками реализации. Когда этот человек получил государственную власть, он воспроизвел усвоенную модель в масштабе страны, не по расчету, а потому что не знал другой модели и не имел инструментов для ее пересмотра.

Из этого психодинамического основания выросла структура характера, которую описывает профиль Миллона.

Доминирующий паттерн – потому что контроль является единственным доступным инструментом безопасности.

Нарциссический паттерн – потому что грандиозность защищает от переживания той уязвимости, которая была невыносима в детстве.

Добросовестный паттерн – потому что жесткий внутренний кодекс дает стабильность там, где внешний мир ненадежен. Три паттерна не противоречат друг другу, а являются тремя гранями одного адаптационного ответа на одни и те же условия формирования.

Структура характера, в свою очередь, определяет механизм принятия решений, который фиксирует Херманн. Высокая убежденность в контроле – потому что доминирующий паттерн требует ощущения авторства; признать неконтролируемость событий, значит столкнуться с беспомощностью, от которой защищает грандиозность.

Низкая концептуальная сложность – потому что мир, усвоенный в подворотне и КГБ, делится на своих и чужих, сильных и слабых; нюансы – это роскошь тех, кто не учился выживать.

Системное недоверие – потому что доверие в усвоенной модели мира означает уязвимость.

Когнитивная закрытость – потому что пересмотр убеждений требует рефлексии, а рефлексия требует готовности к обнаружению неудобной правды о себе самом.

Операционный код замыкает систему.

Убеждение о враждебности политического универсума не является рациональной теорией международных отношений – это проекция внутренней модели мира на внешнюю реальность.

Убеждение о первичности силы – это не реалистическая доктрина, а усвоенный в детстве и профессионально закрепленный урок: слабость наказывается, сила уважается.

Убеждение о том, что уступки означают слабость, – это та же логика подворотни, поднятая на уровень геополитики.

Эта система самозамкнута и самовоспроизводима. Каждый ее элемент подтверждает остальные. Враждебный мир требует доминирования. Доминирование порождает реальную враждебность. Реальная враждебность подтверждает исходное убеждение. Круг замкнулся. В него не проникает информация, способная нарушить его логику, потому что такая информация отфильтровывается на каждом уровне системы.

Берглер называл эту динамику «психогенным порочным кругом»: субъект не просто реагирует на мир, он его воспроизводит в

соответствии со своей внутренней моделью. Проецируя враждебность, он вызывает враждебность. Воспринимая доверие как слабость, он разрушает условия доверия. Интерпретируя уступки как приглашение к давлению, он превращает попытки деэскалации в сигналы к эскалации. Этот механизм не является сознательной стратегией – это структурная особенность психики, которая действует независимо от воли субъекта.

Именно здесь возникает ответ на вопрос, который задают все внешние наблюдатели: почему с ним невозможно договориться?

Почему каждая уступка приводила к новым требованиям, а не к стабильности? Почему двадцать лет попыток западных лидеров выстроить конструктивные отношения закончились войной, крупнейшей со времен Второй мировой?

Причина не в коварстве и не в рациональном расчете. Человек с такой психологической организацией не способен воспринимать уступку как жест доброй воли, потому что категория «добрая воля» отсутствует в его операционном коде.

Это не циничная стратегия эксплуатации слабости, а скорее структурная невозможность иной интерпретации. Различие принципиальное: стратегию можно изменить, создав достаточные стимулы; структуру личности – нет.

Берглер и саморазрушение: итоговая формула

Анализируя поведение Путина, мы постоянно возвращались к теоретической рамке Эдмунда Берглера – психоаналитика, который посвятил свою профессиональную жизнь изучению механизма психогенного саморазрушения. Настало время сформулировать итоговый тезис: именно берглеровская рамка и концепция «гомосексуала в отрицании», при всех оговорках и методологических ограничениях заочного анализа, дает наиболее точное описание того, что произошло и продолжает происходить.

Берглер описывал два механизма, которые в случае Путина работают как единая система.

Первый – психогенный мазохизм: субъект бессознательно организует ситуации, в которых его обижают или ограничивают, и затем реагирует гиперагрессией, получая психологическое право на «праведный гнев».

Второй – механизм, который Берглер описывал на материале типа личности «гомосексуал в отрицании»: вытесненные импульсы не признаются, а проецируются на внешний объект, после чего субъект ведет непримиримую борьбу с тем, что на самом деле является частью его самого. Оба механизма питаются из одного источника: непереносимость уязвимости, которая не может быть признана, и потому должна быть уничтожена в себе через отрицание, вовне – через агрессию.

Путинская версия этого механизма работает на политическом уровне.

Коллекция обид – продвижение НАТО на восток, унижение в девяностых, непризнание российских интересов, неуважение со стороны Запада – функционирует не как рациональный политический аргумент и не как историческая аналитика. Она функционирует как психологическая инфраструктура, необходимая для оправдания агрессии. Обиды нужны не для того, чтобы их устранили, они нужны для того, чтобы были. Именно поэтому каждая попытка Запада снять повод для обид через уступки, переговоры или признание российских интересов порождает новые обиды, так как механизм не может работать без обид, а значит, он их производит.

В первой главе мы обозначили главный парадокс путинской политики: систематическое разрушение того, что он сам строил. Из всех предпринятых им политических курсов ни один не привел к заявленным целям. Стремление к статусу великой державы привело к глубочайшей международной изоляции в истории страны. Стремление к безопасности через расширение буферных зон привело к тому, что НАТО вышло на прямую границу с Россией на тысячи километров.

Стремление к сохранению власти породило систему, которая делает власть все более нестабильной. Стремление к уважению обернулось страхом и ненавистью.

Это не серия случайных просчетов. Берглер показал: субъект с такой психологической организацией не может добиться успеха, не разрушая одновременно условия своего успеха, не потому что не умеет побеждать, а потому что победа не является для него психологически доступным состоянием. Достижение цели немедленно обесценивается или порождает новую угрозу.

Удовлетворения нет и не может быть. Есть только следующая обида, следующая провокация, следующий «праведный» ответ.

Именно поэтому переговоры с ним структурно невозможны не в том смысле, что он отказывается от переговоров, а в том, что любое достигнутое соглашение будет аннулировано не из злого умысла, а потому что удовлетворение не является доступным психологическим состоянием. За каждым заключенным договором последует новое нарушение, за каждым признанием интересов – новое требование.

Прогноз: что можно знать о будущем

Прогноз в политической психологии – дисциплина скромная. Она не претендует на предсказание конкретных событий и не может заменить разведывательный анализ или ситуативную оценку. Она делает другое: устанавливает рамки, в которых конкретные события становятся более или менее вероятными.

Что можно сказать о будущем исходя из того, что мы знаем о структуре?

Первое – добровольная эскалация к применению ядерного оружия очень маловероятна именно потому, что нарушила бы логику, которой эта структура подчинена. Ядерное оружие ценно как инструмент психологического давления, как угроза, существование которой меняет поведение противника. Применение оружия уничтожает

инструмент. Для человека, чей операционный код строится на максимальном контроле, такое уничтожение инструмента противоречит базовой логике. Кроме того, применение ядерного оружия создает непредсказуемые последствия, а человек с высоким показателем убежденности в контроле избегает ситуаций, которые он не может контролировать.

Второе – устойчивая рациональная деэскалация – добровольный, не продиктованный внешним принуждением выход из конфликта, крайне маловероятна по тем же структурным причинам. Уступка регистрируется как поражение. Поражение несовместимо с грандиозностью. Грандиозность – это то, что защищает от переживания уязвимости. Поэтому выход из конфликта возможен только в одной конфигурации: если он будет нарративно оформлен как победа или если внешние обстоятельства сделают продолжение физически невозможным.

Третье – переход к другому типу поведения изнутри системы невозможен по структурным причинам. Люди, способные производить корректирующую обратную связь, из системы выдавлены. Люди, которые в ней остаются, адаптированы к ее логике и воспроизводят ее. Система самовоспроизводится и будет самовоспроизводиться до тех пор, пока не изменится ее ключевой принцип организации, то есть пока не сменится лидер или пока внешнее принуждение не создаст новые условия, несовместимые с текущей логикой.

Четвертое – и это, пожалуй, самый важный вывод для внешних акторов. Единственным эффективным инструментом взаимодействия с этой структурой является последовательное создание необратимых фактов на земле. Аргументы фильтруются системой прежде, чем достигают точки принятия решений. Уступки встраиваются в операционный код как подтверждение слабости противника. Угрозы, за которыми не следуют действия, лишь укрепляют исходную гипотезу о нерешительности Запада – гипотезу, из которой логически вытекало решение 2022 года.

Эффективным оказывается только то, что создает новую физическую реальность, недоступную для переинтерпретации: военные поражения, территориальные потери, распад подконтрольных элит, исчезновение ресурсной базы для продолжения конфликта. Санкции работают не как дипломатический сигнал, а как экономическое удушение. Поставки оружия значимы не как жест солидарности, а как изменение соотношения сил на поле боя. Изоляция режима имеет смысл не как моральное осуждение, а как последовательное уничтожение точек опоры, без которых система не воспроизводится.

Структура, которую мы описали в этой книге, не реагирует на слова и намерения. Она реагирует только на факты, которые невозможно отрицать. Именно поэтому двадцать лет западной политики «вовлечения» не просто не дали результата – они питали систему, создавая именно тот тип реальности, который она умеет перерабатывать в подтверждение собственной правоты.

Политическая психология не выписывает рецептов. Она устанавливает диагноз и тем самым очерчивает пространство того, что может сработать, и того, что заведомо не работает. Двадцать лет политики Запада в отношении России показали, чего стоит действовать без диагноза.

Заключение

Политическая психология не выписывает рецептов. Но она делает нечто не менее важное: устанавливает диагноз, и тем самым очерчивает пространство того, что может сработать, и того, что заведомо не сработает. Двадцать лет политики Запада в отношении России показали, чего стоит действовать без диагноза.

Мы знаем, что угрозы применения ядерного оружия являются блефом, и этот вывод следует не из оптимизма, а из анализа структуры личности. Человек, вложивший миллиарды государственных ресурсов в поиск собственного бессмертия, не нажмет красную кнопку, поскольку последствия не контролирует. Человек, который на протяжении всей карьеры бил только наверняка и только из укрытия, не войдет в ситуацию, где ответный удар гарантирован. Каждый раз, когда Запад задерживал поставки вооружений Украине из страха спровоцировать эскалацию, он платил реальными жизнями реальных людей за угрозу, которая никогда не будет реализована.

Мы знаем, что добровольная деэскалация невозможна по той же структурной причине. Уступка для Путина неотличима от поражения. Поражение угрожает грандиозному образу «я», который является единственной защитой от встречи с той внутренней пустотой, от которой он бежит всю жизнь. Именно поэтому каждая уступка западных лидеров в попытке снизить напряженность воспринималась им не как жест доброй воли, а как сигнал: можно давить дальше. Именно поэтому Минские соглашения, Стамбульские переговоры, все форматы «Нормандской четверки» не состоялись не по вине дипломатов, а по структурным причинам: договоренность, достигнутая без предварительного силового принуждения, в его операционном коде является капитуляцией, а не компромиссом.

Мы знаем, что изменение поведения изнутри системы невозможно. Люди, способные говорить правду о реальном положении дел, из этой

системы выдавлены. Те, кто остался, адаптированы к ее логике и воспроизводят ее. Разведка доносит то, что хочет услышать начальник. Генералы докладывают исключительно об успехах и врут, когда их нет. Система давно перестала быть инструментом принятия решений, а стала инструментом подтверждения уже принятых решений.

Мы знаем наконец, что единственным эффективным инструментом взаимодействия с этой структурой является последовательное создание необратимых фактов на земле. Аргументы фильтруются системой прежде, чем достигают точки принятия решений. Уступки встраиваются в операционный код как подтверждение слабости противника. Угрозы, за которыми не следуют действия, лишь укрепляют исходную гипотезу о нерешительности Запада – гипотезу, из которой логически вытекало решение 2022 года.

Эффективным оказывается только то, что создает новую физическую реальность, недоступную для переинтерпретации: военные поражения, территориальные потери, распад подконтрольных элит, исчезновение ресурсной базы для продолжения конфликта. Санкции работают не как дипломатический сигнал, а как экономическое удушение. Поставки оружия значимы не как жест солидарности, а как изменение соотношения сил на поле боя. Изоляция режима имеет смысл не как моральное осуждение, а как последовательное уничтожение точек опоры, без которых система не воспроизводится.

В этой книге дан ответ на вопрос: «почему?».

Почему человек, обладающий абсолютной властью над ядерной державой, действует так, как будто его главная задача – разрушить все, что он сам построил. Почему война, которая не может быть выиграна, продолжается. Почему переговоры, которые могли бы сохранить жизни сотен тысяч людей, невозможны не по политическим, а по психологическим причинам.

Но ответ на вопрос «почему?» – это только начало.

В следующей книге, опираясь на выводы этой, мы попытаемся дать прогноз дальнейшего развития событий и предложить наиболее вероятные сценарии того, что нас ждет.

Библиография

- Адлер А. *Понять природу человека* (1927).
- Адорно Т., Френкель–Брунsvик Э., Левинсон Д., Сэнфорд Р. *Авторитарная личность* (1950).
- Арендт Х. *Истоки тоталитаризма* (1951).
- Ариас-Кинг Ф., Дж.М.Уоллер *Лелеющий обиды* (2021).
- Берглер Э. *Базовый невроз: оральная регрессия и психический мазохизм* (1949).
- Берглер Э. *Гомосексуальность: болезнь или образ жизни?* (1956).
- Боулби Дж. *Привязанность* (1969).
- Винникотт Д. *Переходные объекты и переходные явления* (1953).
- Геддес Б. *Парадигмы и песочные замки: построение теории и исследовательский дизайн в сравнительной политологии* (2003).
- Гуревич В. *Владимир Путин. Родители. Друзья. Учителя* (2004).
- Дайсон С. Б. *Операционный код Владимира Путина* (2001).
- Дайсон С. Б., Пэрент М. *Операционный код и профиль Владимира Путина* (2018).
- Джордж А. *Операционный код: забытый подход к анализу политических лидеров* (1969).
- Иммельман О., Трензелук Дж. *Политическая личность президента Российской Федерации Владимира Путина* (2017).
- Иммельман О., Гофф Э. *Постэкспансионистский личностный профиль Владимира Путина* (2023).
- Кернберг О. *Тяжелые расстройства личности* (1984).
- Киммел М. *Разгневанные белые мужчины* (2013).
- Коннелл Р. *Маскулинности* (1995).

- Кляйн М. *Зависть и благодарность* (1957).
- Лакан Ж. *Экриты* (1966).
- Левицки С., Зиблатт Д. *Как умирают демократии* (2018).
- Лейтес Н. *Операционный код Политбюро* (1951).
- Линц Х. *Тоталитарные и авторитарные режимы* (1975).
- Миллон Т., Дэвис Р. *Расстройства личности в современной жизни* (2004).
- Най А., Торос Э. *Особенности личности сильных лидеров: сравнение «Большой пятерки» и «Темной триады»* (2021).
- Перлз Ф. *Гештальт–подход и свидетель терапии* (1969).
- Питч И. *Жена президента: история Людмилы Путиной* (2001).
- Пост Дж. *Психологическая оценка политических лидеров* (2003).
- Путин В., Геворкян Н., Тимакова Н., Колесников А. *От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным* (2000).
- Селигман М. *Беспомощность: о депрессии, развитии и смерти* (1975).
- Уинтер Д. *Лидеры на расстоянии: изучение личности политических лидеров* (2005).
- Фрейд А. *Психология Я и защитные механизмы* (1936).
- Фрейд З. *О нарциссизме* (1914).
- Фрейд З. *Психология масс и анализ человеческого Я* (1921).
- Фрейд З. *Фетишизм* (1927).
- Фрейд З. *Характер и анальная эротика* (1908).
- Фромм Э. *Бегство от свободы* (1941).
- Херман Дж. *Травма и восстановление* (1992).
- Херманн М. *Объяснение внешнеполитического поведения через личностные характеристики политических лидеров* (1980).

Херманн М. *Оценка стиля лидерства с использованием анализа черт* (2003).

Шафер М., Уокер С. *Профилирование операционного кода политических лидеров* (2003).

Янг Ю., Рейн А., Нарр К. и др. *Префронтальное белое вещество у патологических лжецов* (2005).

Американская психиатрическая ассоциация. Решение об исключении гомосексуальности из перечня психических расстройств (1973).

Всемирная организация здравоохранения. *Международная классификация болезней (МКБ–10)* (1992).

Верховный суд Российской Федерации. Решение о признании “международного общественного движения ЛГБТ” экстремистским (2023).

Кремль. Обращение Владимира Путина о частичной мобилизации (2022).

Путин В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (2005).

Путин В. Статья “*Об историческом единстве русских и украинцев*” (2021).

Reuters. Сообщение о заявлении Дмитрия Пескова об отсутствии обсуждения мобилизации (2022).

Совместная следственная группа по делу МН17. Материалы расследования (2014–2023).

Стоун О. *Интервью с Путиным* (2017).

Национальный архив безопасности США. *Расширение НАТО: что слышал Горбачев* (2017).

Amnesty International. Доклады о репрессиях против ЛГБТ+ в России (2023–2024).

Human Rights Watch. Доклады о репрессиях против ЛГБТ+ в России (2023–2024).